

Автор «Пространства Откровения» сочетает НФ-нуар с технотриллером,
рисуя будущее в самых мрачных красках.

Library Journal

аластер рейнольдс

АЛМАЗНЫЕ ПСЫ

У Рейнольдса не бывает недостатка в великих идеях.

SF Cite

Пространство Откровения

Аластер Рейнольдс

Алмазные псы

«Азбука-Аттикус»

2000-2016

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Рейнольдс А.

Алмазные псы / А. Рейнольдс — «Азбука-Аттикус»,
2000-2016 — (Пространство Откровения)

ISBN 978-5-389-20234-4

Космос Аластера Рейнольдса – «британского Хайнлайна» – не ласков к тем, кто расселился по нему за несколько столетий, преодолев земную гравитацию. Здесь бушуют «звездные войны» между непримиримыми фракциями, на которые раскололось человечество. Здесь плавающая чума – мутация наномеханизмов-вирусов – привела в полнейший упадок высокотехнологичную колонию, достигшую благодаря этим же вирусам невероятного процветания. Здесь подстерегают добычу пиратские корабли с экипажами из генетически измененных животных, а торговцы-ультранавты – люди, добровольно превратившиеся в киборгов, – охотно возьмутся добыть для богатого сноба-коллекционера живое инопланетное чудовище... Тринадцать мастерски написанных повестей и рассказов, тринадцать новых фрагментов гигантской таинственной мозаики, имя которой – «Пространство Откровения». Большинство произведений, вошедших в эту книгу, на русском языке публикуются впервые.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-20234-4

© Рейнольдс А., 2000-2016
© Азбука-Аттикус, 2000-2016

Содержание

Великая Марсианская Стена[1]	6
Ледник[5]	36
Ночной монолог[6]	66
Шпион на Европе[7]	91
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Аластер Рейнольдс

Алмазные псы

Alastair Reynolds

GREAT WALL OF MARS

Copyright © 2000 by Alastair Reynolds

GLACIAL

Copyright © 2001 by Alastair Reynolds

NIGHT PASSAGE

Copyright © 2017 by Alastair Reynolds

A SPY IN EUROPA

Copyright © 1997 by Alastair Reynolds

WEATHER

Copyright © 2006 by Alastair Reynolds

MONKEY SUIT

Copyright © 2009 by Alastair Reynolds

DILATION SLEEP

Copyright © 1990 by Alastair Reynolds

DIAMOND DOGS

Copyright © 2001 by Alastair Reynolds

GRAFENWELDER'S BESTIARY

Copyright © 2006 by Alastair Reynolds

THE LAST LOG OF THE LACHRIMOSA

Copyright © 2016 by Alastair Reynolds

TURQUOISE DAYS

Copyright © 2002 by Alastair Reynolds

NIGHTINGALE

Copyright © 2006 by Alastair Reynolds

GALACTIC NORTH

Copyright © 1999 by Alastair Reynolds

AFTERWORD (GALACTIC NORTH)

Copyright © Alastair Reynolds, 2006

First published by Gollancz, a division of The Orion Publishing Group Ltd., London

All rights reserved

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2021

© А. Лактионов, перевод, 2021

© О. В. Ратникова, перевод, 2021

© С. Б. Удалин, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Великая Марсианская Стена¹

– Ты понимаешь, что можешь там погибнуть? – спросил Уоррен.

Невил Клавэйн посмотрел в единственный глаз брата; второго Уоррен лишился в битве с сочленителями на плато Фарсида.

– Да, понимаю, – ответил он. – Но если начнется новая война, мы все можем погибнуть. Лучше я рискну сейчас, пока есть хоть какая-то надежда на мир.

Уоррен медленно, терпеливо покачал головой:

– Мы уже столько раз через это проходили. Мне кажется, от твоей попытки не будет толку. Пока они там, не может быть никакого мира. Вот чего ты не понимаешь, Невил. Единственное решение, гарантирующее прочный результат, это... – Он смолк.

– Продолжай, – подбодрил его Клавэйн. – Скажи это слово. Геноцид.

Уоррен хотел ответить, но в этот момент в конце стыковочного коридора возникли шум и оживление. Через дверь Клавэйн разглядел толпу репортеров, затем увидел, как кто-то пробивается к выходу, отделиваясь от вопросов предельно краткими ответами. Это была Сандра Вой, женщина из партии демархистов, которая собиралась лететь с Клавэйном на Марс.

– Это не геноцид, – возразил Уоррен, прежде чем Вой оказалась в пределах слышимости. – Они просто клика, а не этнически обособленная раса.

– Что же это в таком случае?

– Не знаю. Предусмотрительность?

Подошла Вой. Она держалась прямо, на лице застыла маска безмолвной покорности. Ее корабль только что прибыл из Юпитерианского кольца, завершив трехнедельный полет на максимальной скорости. Все это время шансы на мирное урегулирование кризиса таяли.

– Добро пожаловать на Деймос, – сказал Уоррен.

– Военачальники, – начала она, обращаясь к обоим, – мне жаль, но положение тяжелое. Давайте сразу перейдем к делу. Уоррен, как вы думаете, скоро ли нам удастся найти решение?

– Надеюсь, скоро. Если Галиана будет придерживаться той же тактики, что и в последние полгода, то нам следует ожидать очередной попытки побега через... – Уоррен взглянул на дисплей, встроенный в браслет. – ...примерно через три дня. Если она действительно попытается запустить с Марса очередной шаттл, то у нас не останется иного выбора, кроме обострения отношений.

Все понимали, что это означает военный удар по Гнезду сочленителей.

– До сих пор вы терпели ее попытки, – заметила Вой. – И каждый раз полностью уничтожали корабль и всех находящихся на нем людей. Общий риск успешного прорыва не увеличился. Так зачем же отвечать сейчас?

– Очень просто. После каждого нарушения мы посылали Галиане все более жесткие предупреждения. Последнее было окончательным.

– Если вы атакуете, то нарушите договор.

Уоррен улыбнулся, внутренне торжествуя:

– Не совсем, Сандра. Возможно, вы не полностью ознакомлены с особыми условиями договора, но мы обнаружили, что он позволяет нам напасть на Гнездо Галианы, не нарушая никаких условий. Формально это называется полицейской акцией, если мне не изменяет память.

Вой на несколько мгновений потеряла дар речи. Клавэйн не удивился. Договор между Коалицией и сочленителями, который помогали составлять нейтральные демархисты Вой, оказался самым долгоживущим документом, даром что в нем присутствовали кое-какие сумбур-

¹ Перевод О. Ратниковой.

ные, сгенерированные компьютером математические доводы. Предполагалось, что он будет недвусмысленным, хотя только машины читали его от начала до конца и только машины могли найти в нем лазейку, которой сейчас хвастался Уоррен.

– Нет... – пролепетала она. – Здесь какая-то ошибка.

– Боюсь, что он прав, – возразил Клавэйн. – Я видел краткие справки на нормальном языке – в законности полицейской акции сомневаться нельзя. Но в ней нет необходимости. Я уверен, что смогу уговорить Галиану не предпринимать новой попытки к бегству.

– А если не получится? – теперь Вой смотрела на Уоррена. – Мы с Невилом через три дня, возможно, еще будем на Марсе.

– Мой вам совет: не суйтесь туда.

Рассерженная Вой отвернулась и ушла в зеленую прохладу шаттла. На минуту Клавэйн остался наедине с братом. Уоррен прикоснулся хромированным пальцем протеза к кожаному кружку, закрывавшему его пустую глазницу, словно желая напомнить Клавэйну о том, чего ему стоила война и как мало симпатии он испытывает к врагу.

– У нас нет шансов на успех, верно? – сказал Клавэйн. – Мы летим туда только для того, чтобы ты мог сказать, что испробовал все мирные способы, прежде чем посылать войска. На самом деле ты хочешь очередной войны, будь она проклята.

– Не будь пораженцем, – возразил Уоррен, печально качая головой, как старший брат, разочарованный в неудачнике-младшем. – Тебе не к лицу.

– Пораженец здесь не я, – буркнул Клавэйн.

– Ну, разумеется. Ты просто постарайся как следует, братишка.

Уоррен протянул руку. Помедлив, Клавэйн снова заглянул в единственный глаз брата. На него смотрел инквизитор: глаз был бесцветным и холодным, как январское солнце. И в нем светилась ненависть. Уоррен презирал Клавэйна за пацифизм, за веру в то, что любой мир, даже период настороженного затишья между кризисами, всяко лучше войны. Эти разногласия уничтожили последние родственные чувства, еще теплившиеся между ними. Напоминая сейчас Клавэйну о том, что они братья, Уоррен не скрывал неприязни.

– Ты неверно судишь обо мне, – пробормотал Клавэйн и осторожно пожал Уоррену руку.

– Нет, я правильно сужу. И уверен в этом.

Клавэйн прошел через шлюз, и люк захлопнулся за ним. Вой уже пристегнулась; ее взгляд был безжизненным, словно она смотрела в бесконечность. Клавэйн предположил, что Сандра загрузила копию договора через свои имплантаты – прокручивает его перед мысленным взором, пытаясь найти лазейку; возможно, запустила глобальный поиск ссылок на полицейские акции.

Корабль узнал Клавэйна и подстроил свой интерьер под вкус пилота. Теперь зеленый цвет приобрел бирюзовый оттенок, пульт управления сконфигурировался как можно компактнее, на нем остались только самые важные опции. Несмотря на то что шаттл был самым маленьким мирным судном, на котором доводилось летать Клавэйну, он казался сущей громадиной по сравнению с десантными кораблями, применявшимися на войне, – те были такими крошечными, что облегали пилота, как средневековые доспехи.

– Не волнуйтесь насчет договора, – сказал Клавэйн. – Обещаю вам, Уоррен не получит возможности использовать свою лазейку.

Вой очнулась от транса в раздражении:

– Лучше бы вы оказались правы, Невил. Кто надеется на неудачу – я или ваш брат? – Она говорила по-французски с квебекским выговором, Клавэйну пришлось сделать усилие и переключиться, чтобы понимать ее. – Если мои люди обнаружат здесь скрытый подвох, вам придется чертовски дорого заплатить.

– У Уоррена есть куча причин ненавидеть сочленителей – битва на плато стоила ему слишком дорого, – объяснил Клавэйн. – И он тактик, а не знаток оперативного искусства. После

прекращения огня мои знания о червях стали высоко цениться, так что для меня нашлось дело. Но Уоррен не обладает гибкостью.

– И что, это дает ему право подталкивать нас к новой войне?

Вой говорила так, словно ее люди тоже участвовали в последнем столкновении. Но Клавэйн знал, что она права. Если вражда между Коалицией и сочленителями вспыхнет с новой силой, демархисты не смогут остаться в стороне, как пятнадцать лет назад. И нетрудно догадаться, на чью сторону они станут.

– Войны не будет.

– А если вы не сумеете договориться с Галианой? Или собираетесь воспользоваться личным знакомством?

– Просто я был ее пленником.

Клавэйн взялся за управление – Вой призналась, что пилотирование наводит на нее скуку, – и поднял шаттл с Деймоса. Они полетели по касательной к экваториальному кольцу, окружавшему спутник, и сразу перешли в свободное падение. Клавэйн пальцем начертил на стене прямоугольник, который тотчас превратился в иллюминатор.

На мгновение перед Клавэйном мелькнуло отражение в стекле. Он выглядел гораздо старше своего возраста, седая борода и волосы делали его похожим скорее на дряхлого старца, измученного жизнью, чем на степенного патриарха. Потушив свет в кабине, Клавэйн испытал некоторое облегчение: он увидел Деймос, уменьшавшийся с потрясающей скоростью. Темная громада дальнего из двух спутников Марса, окруженная яркой, усеянной окнами лентой подвижного кольца, щетинилась орудиями. Последние девять лет Деймос был миром Клавэйна, но сейчас этот мир, казалось, можно было обхватить большим и указательным пальцами.

– Не просто пленником, – возразила Вой. – Никто, кроме вас, не возвращался от сочленителей в здравом уме. Они даже не пытались внедрить в вас свои машины.

– Верно, не пытались. Но лишь потому, что время было на моей стороне. – Клавэйн повторял старые аргументы, стараясь убедить не только Вой, но и себя. – Я был у Галианы единственным пленником. Тогда она проигрывала войну, еще один новообращенный не изменил бы ситуацию. Условия прекращения огня были тщательно продуманы, и она знала, что может получить выгоду, отпустив меня целым и невредимым. Но было и еще кое-что. Мы считали, что сочленители не способны на такие примитивные чувства, как милосердие. Для нас они были пауками. Поступок Галианы изменил это представление. Среди высшего командования возникли разногласия. Если бы она не отпустила меня, то по ее Гнезду вполне могли бы нанести ядерный удар.

– Значит, ничего личного?

– Да, – ответил Клавэйн. – Абсолютно ничего личного.

Вой кивнула, в остальном никак не показывая, что верит ему. В этом искусстве некоторые женщины достигают совершенства, подумал Клавэйн.

Разумеется, он очень уважал Вой. Она была в числе первых людей, которые несколько десятилетий назад проникли в океан Европы. Сейчас планировалось сооружение сказочных городов подо льдом – она возглавляла этот проект. Предполагалось, что демархистское общество не имеет структуры и иерархии, но люди, обладавшие талантами Вой, возвышались, передвигаясь по созданным ею самой инстанциям. Она содействовала мирным переговорам между сочленителями и Коалицией Клавэйна. Вот почему она летела сейчас на Марс: Галиана согласилась на визит Клавэйна только при условии, что его будет сопровождать нейтральный наблюдатель, и очевидный выбор пал на Вой.

Уважать Сандру было легко. Однако доверять ей оказалось гораздо сложнее: Клавэйну пришлось бы игнорировать тот факт, что женщина-демархист с головой, напигованной имплантатами, мало чем отличалась от врагов.

Спуск на Марс был трудным – они садились под прямым углом.

Один или два раза их засекли автоматические системы слежения, расположенные в сети заградительных спутников. Орудия, парившие над Гнездом, вращаясь синхронно с орбитой Марса, на несколько секунд нацелились на корабль, рейлганы приготовились к бою, но затем выяснился дипломатический статус шаттла, и ему позволили лететь дальше. Заграждение действовало весьма эффективно – иначе и быть не могло, ведь Клавэйн сконструировал его сам. За пятнадцать лет ни один корабль не смог ни войти в атмосферу Марса, ни покинуть ее, и ни одно наземное средство передвижения не вышло из Гнезда Галианы.

– Вот она, – произнес Клавэйн, когда за горизонтом показалась Великая Марсианская Стена.

– Почему вы говорите об этом сооружении в женском роде? – удивилась Вой. – Я никогда не чувствовала потребности персонифицировать его, хотя это мое создание. А кроме того... даже если когда-то оно было живым, сейчас оно мертво.

Она была права, но на Стену по-прежнему нельзя было смотреть без благоговейного восхищения. С орбиты она представлялась бледной окружностью на поверхности Марса диаметром две тысячи километров. Подобно коралловому атоллу, она поддерживала внутри собственные погодные условия; диск голубого воздуха, усеянный кремово-белыми облаками, резко обрывался на границе Стены.

Когда-то внутри этой ячейки в теплой, плотной, богатой кислородом атмосфере существовали тысячи поселений. Стена стала самым дерзким и зрелищным из проектов Вой. Логика была нерушима: требовался быстрый способ сделать из Марса подобие Земли, не прибегая к таким времяземким общепринятым методикам, как бомбардировка кометами или растапливание полярных шапок. Стена позволяла сконцентрировать первые усилия на относительно малом участке диаметром в тысячу километров, вместо того чтобы модифицировать сразу всю атмосферу. Здесь отсутствовали достаточно глубокие кратеры, так что Стена была полностью искусственной: огромная кольцеобразная атмосферная дамба, спроектированная таким образом, чтобы медленно расширяться, охватывая все большую область поверхности со скоростью двадцать километров в год. Стену пришлось сделать очень высокой, так как в условиях марсианской гравитации для возникновения определенного давления атмосферный столб должен быть выше, чем на Земле. У поверхности ее валы, темные, как глетчерный лед, имели сотни метров в толщину; они пускали корни глубоко в литосферу, выискивая руду, требуемую для непрерывного роста Стены. Но на высоте двухсот километров Стена представляла собой прозрачную мембрану толщиной всего несколько микрон, абсолютно невидимую, кроме тех моментов, когда редкие оптические эффекты заставляли ее сверкать на фоне звезд, словно полярное сияние. Инженеры-экологи заселили пригодное для жизни пространство внутри Стены организмами с Земли, их генетические наборы были тщательно модифицированы в орбитальных лабораториях. Флора и фауна распространялись, словно живые волны, и нетерпеливо плескались о границы Стены.

Но Стена была мертва.

Она прекратила расти во время войны, пораженная каким-то биологическим оружием, которое повредило ее репродуцирующие механизмы, и теперь даже экосистема внутри нее гибла: атмосфера охлаждалась, кислород улетучивался в космос, давление необратимо приближалось к марсианской норме – одна семитысячная земного давления.

Он подумал, каково Вой видеть все это? Может быть, она смотрит на Стену как на умершее дитя?

– Жаль, что нам пришлось убить ее, – произнес Клавэйн.

Он собрался уже добавить, что подобные действия оправдываются войной, но решил, что это прозвучало бы беспомощно, словно он защищается.

– Вам не нужно извиняться, – ответила Вой. – Это было всего лишь механическое оборудование. Честно говоря, я удивляюсь, что оно просуществовало так долго. Видимо, там еще остались какие-то механизмы ликвидации повреждений. Как вам известно, мы, демархисты, построили ее для последующих поколений.

Да, и это заботило его людей. Говорили об ограничении превосходства демархистов во внешней области Солнечной системы, предлагали даже установить господство Коалиции вокруг Юпитера.

Они скользнули по верхушке Стены и прошли сквозь исчезающие слои атмосферы внутри нее, при этом корпус шаттла принял заостренную форму. Почва выглядела иссушенной, безжизненной, повсюду виднелись разрушенные дома, проломленные купола, развороченные автомобили, сбитые шаттлы. Мелькали пятна тундровой растительности с неглубокими корнями, в основном темно-красного цвета: пушица, камнеломка, арктические маки и лишайник. Клавэйн узнавал каждое растение по четкому инфракрасному следу; теперь, когда занесенные сюда виды птиц вымерли, растения также угасали. Лед лежал огромными серебристыми пластами, лишь небольшие, оставшиеся незамерзшими участки воды подогревались скрытыми в почве термоэлементами. Повсюду целые участки покрылись почти бесплодным слоем вечной мерзлоты. Здесь мог бы цвести настоящий рай, подумал Клавэйн, если бы не война. И все же, если они допустят новую войну, уже происшедшее здесь побледнеет перед картиной опустошения, которое воцарится во всей системе, на Земле и Марсе.

– Вы уже видите Гнездо? – спросила Вой.

– Подождите секунду, – ответил Клавэйн, глядя на подвижный дисплей, который отображал вид на поселение. – Вот оно. Хороший термический след. На мили вокруг ничего нет – по крайней мере, никаких живых существ.

– Да, теперь вижу.

Гнездо сочленителей располагалось на расстоянии примерно трети диаметра от стены, недалеко от подножия горы Арсия. Лагерь имел в окружности всего километр и был окружен насыпью, с внешней стороны которой накопилась груда пыли. Пространство внутри Великой Марсианской Стены было достаточно большим, и здесь имелся свой особый климат. Она простиралась довольно далеко с севера на юг планеты, и здесь действовали заметные кориолисовы силы²; распространилась достаточно далеко с запада на восток для того, чтобы в результате ежедневного нагревания и охлаждения возникали потоки воздуха.

Теперь он видел Гнездо гораздо отчетливее – из дымки выступали отдельные детали.

Внешне планировка была ему отлично знакома. С тех пор как прекратился вооруженный конфликт, команда Клавэйна изучала Гнездо с наблюдательного пункта на Деймосе. Фобос, имеющий более низкую орбиту, разумеется, еще лучше подходил для этой цели, но здесь уже ничего нельзя было поделывать, и возможно, проблема Фобоса даже пригодится Клавэйну в переговорах с Галианой. Руководительница находилась где-то в Гнезде, он знал это – под одним из двадцати куполов различного размера, расположенных внутри насыпи, связанных герметичными тоннелями или сливающимися стенками, словно мыльные пузыри. Гнездо имело несколько десятков уровней, уходивших под поверхность Марса, а может быть, даже больше.

– Как думаете, сколько там внутри людей? – спросила Вой.

– Девятьсот человек или около того, – ответил Клавэйн. – Эта оценка основана на сведениях, полученных мною в плену, к тому же нам известно, что с тех пор в попытках к бегству погибли около сотни. Должен признаться, что в основном это наши предположения.

² *Кориолисова сила* – сила, действующая на движущийся объект, который наблюдается во вращающейся системе координат. Такая сила действует, например, на воду в реках, текущих в Северном полушарии Земли. Под действием этой силы вода подмывает правый берег.

– Наши оценки совпадают. Тысяча или чуть меньше здесь, и, возможно, еще три-четыре тысячи разбросаны по системе, по меньшим Гнездам. Я знаю, ваши люди думают, что у нас есть более точные сведения, но это не так.

– Я вам верю.

Корпус шаттла изгибался вокруг них, принимая очертания, подходящие для полета на небольшой высоте. У него выросли широкие крылья, как у летучей мыши.

– Я просто надеялся, что у вас могут быть какие-то догадки насчет того, почему Галиана продолжает рисковать драгоценными жизнями в попытках к бегству.

Вой пожала плечами:

– Возможно, для нее жизни не настолько драгоценны, как вы считаете.

– Вы и в самом деле так думаете?

– Мне кажется, мы не можем постичь образ мышления общества коллективного сознания, Клавэйн. Даже с точки зрения демархистов.

Со стороны приборной панели донеслось чириканье – Галиана подавала им сигнал. Клавэйн настроился на канал, зарезервированный для дипломатических переговоров между Коалицией и сочленителями.

– Невил Клавэйн? – услышал он.

– Да. – Он попытался говорить как можно спокойнее. – Со мной Сандра Вой. Мы готовы приземлиться, как только вы укажете нам место.

– Отлично, – произнесла Галиана. – Направьте корабль к западной части ограждения. И прошу вас, будьте осторожнее.

– Благодарю. Есть какие-то особые причины для осторожности?

– Просто поторопись, Невил.

Они сделали вираж над Гнездом, сбрасывая скорость, и теперь скользили всего в нескольких десятках метров над источенной ветрами поверхностью Марса. В цементной стене открылась широкая прямоугольная дверь, за которой виднелся отсек ангара, сияющий желтыми огнями.

– Должно быть, отсюда Галиана запускает свои шаттлы, – прошептал Клавэйн. – Мы всегда считали, что в западной части стены должен существовать широкий проход, но нам не удалось получить хорошую картинку.

– Однако по-прежнему неясно, зачем она это делает, – заметила Вой.

Панель снова пискнула – связь была плохой, хотя они находились совсем близко.

– Нос выше, – велела Галиана. – Вы летите слишком низко и медленно. Немного поднимитесь, иначе вас засекут черви.

– Ты что, хочешь сказать, что здесь есть черви?! – воскликнул Клавэйн.

– Мне казалось, что ты эксперт по червям, Невил.

Он задрал нос, но было уже поздно. Впереди из земли с молниеносной скоростью выросло нечто: в пыли извивались кольца, в тупой бронированной голове сверкали металлические челюсти. Он сразу же определил: класс «Уроборос». Черви этого вида инфицировали сотни уголков во всей системе. Не такие высокоорганизованные, как тип, наводняющий Фобос, но все же весьма опасные.

– Вот же дерьмо! – выругалась Вой; на мгновение холодный демархистский лоск слетел с нее.

– Полностью с вами согласен, – произнес Невил.

Уроборос нырнул под шаттл, раздался леденящий стук: челюсти вонзились в днище. Клавэйн почувствовал, что корабль тошнотворно накренился, это был уже не летательный аппарат, а пособие по баллистике. Прохладный, скупой бирюзовый интерьер перетек в аварийную конфигурацию, замигали сообщения об опасности, данные о статусе вооружений. Сиденья под пассажирами надулись.

– Держитесь, – предупредил Клавэйн. – Мы идем вниз.

К Вой вернулось спокойствие.

– Думаете, нам удастся вовремя добраться до Гнезда?

– Шансов крайне мало. – Он все равно сражался с рычагами, но положение не улучшалось, земля угрожающе быстро неслась навстречу. – Жаль, что Галиана не предупредила нас чуть-чуть раньше...

– Наверное, она думала, что мы уже знаем.

Удар о землю оказался сильнее, чем ожидал Клавэйн, но шаттл не разлетелся на куски, а сиденье спасло от повреждений. Корабль занесло на несколько метров, затем он налетел на песчаный холм и застыл кверху носом. В иллюминатор Клавэйн увидел белого червя – робот полз к ним, изгибаясь членистым телом.

– Похоже, нам конец, – произнесла Вой.

– Не совсем, – возразил Клавэйн. – Вам это не понравится, но...

Умолкнув, он включил скрытые орудия шаттла. С потолка спустился прицел; глядя в него, Клавэйн поймал в перекрестье уробороса. Совсем как в старые времена...

– Чтоб вас! – буркнула Вой. – Это планировалось как мирная миссия!

– Можете подать официальную жалобу.

Корпус содрогнулся от отдачи. В боковой иллюминатор они увидели, как белый червь разлетелся на короткие сегменты. Обломки вонзились в песок.

– Хороший выстрел, – похвалила Вой нехотя. – Он обезврежен?

– На время, – ответил Клавэйн. – Сегменты соединятся в действующего червя, но на это им потребуется несколько часов.

– Отлично, – сказала Вой, выбираясь из кресла. – Только официальная жалоба будет, попомните мои слова.

– Вы предпочли бы, чтобы червь нас съел?

– Я просто ненавижу двуличие, Клавэйн.

Он снова включил рацию:

– Галиана? Мы сели. Попали в переделку, но оба целы.

– Слава богу. – Старая манера выражаться отмирала с трудом, даже у сочленителей. – Но вам нельзя там оставаться. На этой территории есть и другие черви. Как думаете, сможете добраться до Гнезда пешком?

– Всего двести метров, – сказала Вой. – Это будет нетрудно.

Да, двести метров, но двести метров по ненадежной почве, покрытой ямами, трещинами и прочими полостями, где может скрываться дюжина червей. А потом придется карабкаться по стене, чтобы добраться до дверей ангара, находящихся на высоте десяти-пятнадцати метров над землей.

– Будем надеяться, что да, – ответил Клавэйн.

Он отстегнул ремни и, впервые встав на ноги в марсианской гравитации, почувствовал легкое головокружение. Слишком привык к гравитации кольца Деймоса, созданной для удобства земных тактиков. Подойдя к аварийному шкафчику, он нашел маску, которая удобно облегла лицо, другую дал Вой. Подсоединив баллоны с воздухом, они направились к двери шаттла. На этот раз, когда она открылась, проем оказался затянут блестящей мембраной – это была недавно запатентованная новинка демархистской технологии. Клавэйн шагнул в мембрану, и та облепила его с мокрым хлюпающим звуком. Когда он спрыгнул на землю, пленка уже затвердела вокруг его ступней и начала, оставаясь прозрачной, образовывать сочленения и складки.

Вой вышла вслед за ним, тоже в прозрачном скафандре.

Они побежали прочь от разбитого шаттла, направляясь к стене. Если поблизости есть черви, то они вмиг уловят вызываемые бегущими сотрясения почвы. Возможно, сейчас роботов больше интересует корабль, но на это нельзя рассчитывать. Клавэйн отлично разбирался

в поведении червей, знал основные механизмы, которые руководили ими, но это знание не гарантировало выживание. Оно едва не подвело его на Фобосе.

Маска прилипла к лицу. Считалось, что воздухом у основания Великой Марсианской Стены можно дышать, но не имело смысла проверять это, когда дорогá была скорость. Ноги еле отрывались от земли, и хотя он продвигался вперед, Стена никак не желала приближаться. Она была выше, чем казалось с места крушения, и находилась по крайней мере вдвое дальше.

– Еще червь, – сказала Вой.

С западной стороны из песка выпростались белые кольца. Уроборос, извиваясь, зигзагами приближался к ним с хищным спокойствием, понимая, что можно не торопиться. В тоннелях Фобоса у людей не было этого преимущества – заранее знать о приближении червя. Враги наносили удар из засады, быстрые, как питоны.

– Бежим! – скомандовал Клавэйн.

В отверстии высоко над землей показались темные фигуры. Со Стены упала веревочная лестница. Клавэйн, направляясь к основанию Стены, не старался ступать осторожнее. Он знал, что червь уже нацелился на него.

Он оглянулся.

Червь приостановился у брошенного шаттла, затем ударил головой с алмазными челюстями по корпусу, проткнув его насквозь. Робот встал на дыбы, корабль повис на нем, словно гирлянда. Затем червь встряхнулся, и шаттл разлетелся, словно истлевший скелет. Червь снова обратил внимание на Клавэйна и Вой. Подобно гремучей змее, он вытащил из песка свое тридцатиметровое тело, свернулся кольцом и покатился к ним, точно колесо.

Клавэйн добежал до лестницы.

Когда-то он мог взбираться без помощи ног, даже при одном *g*, но сейчас лестница ходила ходуном, словно живая. Вскоре Клавэйн обнаружил, что земля уходит вниз быстрее, чем он карабкается. Сочленители втаскивали его на Стену.

Оглянувшись, он увидел, что Вой споткнулась.

– Сандра! Нет!

Она попыталась встать, но было уже поздно. Когда червь обрушился на Сандру, Клавэйну оставалось лишь отвернуться и молиться, чтобы ее смерть была легкой. Если эта смерть оказалась бессмысленной, подумал он, то по крайней мере пусть она будет быстрой.

Затем Клавэйн вспомнил о себе.

– Быстрее! – крикнул он, но из-за маски вместо крика раздалось какое-то паническое мычание.

Он забыл настроить передатчик скафандра на нужную частоту.

Червь с разбегу ударился о Стену, затем поднялся на дыбы, раскрыв пасть – обрамленную алмазами дыру, похожую на бур проходческого щита. Клавэйн заметил на краю Стены несколько сочленителей: опустившись на колени, они целились вниз из ружей. Червь извивался в бешенстве. Клавэйн увидел, что по песку к нему приближаются другие черви. Должно быть, Гнездо окружали десятки чудовищ. Неудивительно, что люди Галианы почти не предпринимали попыток сбежать по земле.

Клавэйна подняли еще на десять метров, и он оказался в безопасности. На поврежденном черве, в тех местах, где его шкуру задели выстрелы, проглядывали кибернетические схемы. Разъяренный робот обрушивался на Стену, откалывая куски бетона размером с хороший валун. Когда Клавэйна тащили наверх, он чувствовал, как сотрясается Стена.

Червь снова ударил, и Стена содрогнулась еще сильнее. С ужасом Клавэйн увидел, как один из сочленителей сорвался и полетел прямо на него. Время будто замедлило ход. Клавэйн машинально прижался к Стене, вцепившись в лестницу. Внезапно он схватил пролетавшего мимо человека за руку. Сочленитель был subtilным, но даже в марсианской гравитации рывок был таким сильным, что оба едва не отправились вниз, к уроборосу. Клавэйну казалось,

что его руки вылетают из суставов, трещали хрящи, но он ухитрился удержать и сочленителя, и лестницу.

У основания Стены сочленители без труда дышали воздухом. На незнакомце был только легкий костюм, нечто вроде серой шелковой пижамы с поясом. Марсианская внешность – запавшие щеки и голый череп – придавали этому человеку сходство с мертвецом. Но он каким-то образом ухитрился не выронить оружие, которое держал в другой руке.

– Отпустите, – сказал человек.

Червь все приближался, несмотря на ущерб, причиненный ему сочленителями.

– Нет, – ответил Клавэйн сквозь зубы и искаженную мембрану на лице. – Я вас не отпущу.

– У вас нет выбора. – Голос был бесстрастен. – Нас обоих поднять не успеют.

Клавэйн вгляделся в лицо сочленителя, пытаясь определить его возраст. Тридцать, а может, и меньше – внешность сильно старит его. Клавэйн был явно раза в два старше, он прожил более богатую событиями жизнь, трижды или четырежды удачно избегал смерти.

– Это я должен умереть, а не вы.

– Нет, – возразил сочленитель. – Они найдут способ взвалить на нас вину за вашу смерть. Для них это станет поводом к войне. – Человек невозмутимо направил ружье и вышиб себе мозги.

Скорее от потрясения, чем от мысли, что незнакомца уже не спасти, Клавэйн отпустил его. Мертвец полетел вниз, в пасть червя, который только что расправился с Сандрой Вой.

Ничего не чувствуя, Клавэйн позволил вытащить себя в безопасное место.

Когда бронированная дверь ангара закрылась, сочленители обрызгали скафандр Клавэйна жидкостью, содержащей ферменты. Те за несколько секунд растворили материал, и задыхающийся Клавэйн оказался в луже слизи. Затем с помощью двоих сочленителей он нетвердо встал на ноги и через некоторое время, приложив к лицу маску, смог нормально дышать. Сквозь слезы, выступившие от напряжения, он рассмотрел, что ангар набит полусобранными кораблями – скелетами, похожими на акул, предназначенными для того, чтобы мгновенно пронзать атмосферу.

– Сандра Вой погибла, – сказал он, убрав маску.

Разумеется, сочленители отлично видели это, но ему казалось бесчеловечным не упомянуть о случившемся.

– Я знаю, – ответила Галиана. – Но по крайней мере выжил ты.

Клавэйн подумал о незнакомце, упавшем в пасть червя.

– Я сожалею о твоём... – Он смолк; несмотря на свои глубокие знания о сочленителях, он понятия не имел, как назвать этого человека.

– Пытаясь спасти его, ты подвергал свою жизнь опасности.

– Ему не нужно было умирать.

Галиана с глубокомысленным видом кивнула:

– Может, и не нужно. Но ты сильно рисковал. Ты слышал, что он сказал. Твою смерть объяснили бы нашим злым умыслом, это стало бы оправданием для превентивного удара по Гнезду. Даже демархисты обратились бы против нас, если бы решили, что мы убили дипломата.

Сделав еще один глоток воздуха из маски, Клавэйн взглянул в лицо собеседнице. Он разговаривал с Галианой по низкочастотным видеоканалам, но лишь оказавшись рядом с ней, убедился, что за пятнадцать лет эта женщина почти не изменилась. За полтора десятка лет привычное выражение лица должно было впечатать в ее кожу жесткие линии, но у сочленителей не бывает привычного выражения лица. В эти годы Галиана видела мало солнечного света, сидя здесь, в Гнезде, а в марсианской гравитации кости сохранялись гораздо лучше, чем на Деймосе. Она все еще блистала той жестокой красотой, которую он помнил со времени сво-

его плена. Единственным свидетельством старения были серебряные нити в волосах, когда-то черных, словно вороново крыло.

– Почему ты не предупредила нас насчет червей?

– Предупредить вас? – Впервые на ее лице отразилось нечто вроде сомнения, но это продолжалось лишь миг. – Мы считали, что вы отлично знаете о заражении уроборосом. Эти черви многие годы спали – были неактивны, но они всегда присутствовали кругом. Только увидев, как неосторожно вы приближаетесь, я поняла...

– Что мы не в курсе?

Черви представляли собой оборонительное оружие – это были автономные мины-охотники. После войны во многих частях Солнечной системы остались места, занятые активными червями. Эти машины были в некотором смысле разумными. Никто никогда не признавался в применении червей, и было почти невозможно объяснить им, что война закончилась и они должны тихо прекратить свое существование.

– После того, что произошло с тобой на Фобосе, – сказала Галиана, – я решила, что насчет червей тебя учить нечему.

Он не любил вспоминать о Фобосе – боль въелась слишком глубоко. Но если бы не полученные там увечья, его нипочем бы не отправили на Деймос поправляться, не завербовали бы в возглавляемую его братом разведку – собирать информацию о сочленителях. Тщательно изучив все, что касалось противника, Клавэйн смог стать посредником – а теперь даже дипломатом – накануне новой войны. Сейчас Фобос занимал центральное место в его мыслях, этот спутник представлялся ему выходом из тупика – возможно, последним шансом на мирный исход. Но было еще слишком рано делиться этими идеями с Галианой. Он даже не был уверен, что его миссия будет продолжена после того, что случилось.

– Я так понимаю, что сейчас мы в безопасности?

– Да, мы способны исправить ущерб, нанесенный Стене. В принципе на червей можно не обращать внимания.

– Нас должны были предупредить. Послушай, мне нужно поговорить с братом.

– С Уорреном? Конечно. Это легко устроить.

Они вышли из ангара, прочь от недостроенных кораблей. Клавэйн знал, что где-то глубоко в недрах Гнезда есть завод, изготавливающий компоненты для этих кораблей из материалов, добываемых на Марсе, или из отходов жизнедеятельности Гнезда. Сочленители ухитрялись запускать корабль примерно раз в полтора месяца, это продолжалось уже полгода. Ни одному кораблю не удалось покинуть атмосферу Марса – они были сбиты... Рано или поздно придется спросить Галиану, почему она упорствует в этом безрассудстве.

Но сейчас не время для этого – даже если поверить словам Уоррена о том, что до следующей провокации осталось всего три дня.

Воздух в Гнезде был плотнее и теплее, чем в ангаре, а это означало, что Клавэйн мог обойтись без маски. Галиана провела его по короткому коридору с серыми металлическими стенами в круглую комнату с пультом. Он узнал эту комнату – отсюда Галиана говорила с ним, когда он был на Деймосе. Она показала, как пользоваться системой, и, пока он устанавливал связь с Деймосом, оставила его одного.

Вскоре на экране возникло лицо Уоррена, составленное из крупных точек, словно портрет в стиле импрессионизма. Сочленителям разрешали отправлять в другие части системы не более нескольких килобайт в секунду. Большая часть частот охватывалась этим единственным видеоканалом.

– Думаю, ты уже слышал, – сказал Клавэйн.

Уоррен кивнул, его лицо было пепельно-серым:

– Разумеется, мы же получаем хорошую картинку с орбиты. Достаточно хорошую, чтобы увидеть, что стало с Вой. Бедная женщина. Мы были уверены, что ты спасся, но я рад получить подтверждение.

– Хочешь, чтобы я прервал миссию?

Уоррен ответил после паузы:

– Нет... Я думал об этом, разумеется, и высшее командование согласно со мной. Смерть Вой – трагедия, от этого никуда не денешься. Но она летела вместе с тобой лишь в качестве нейтрального наблюдателя. Если Галиана позволит тебе остаться, предлагаю так и сделать.

– Но ты по-прежнему считаешь, что у меня только три дня?

– Это зависит от Галианы, верно? Ты что-нибудь узнал?

– Издеваешься? Я видел только шаттлы, готовые к полету, больше ничего. И я не начинал разговора о Фобосе. Время сейчас не совсем подходящее, после того, что случилось с Вой.

– Да. Если бы только мы знали об этих уроборосах...

Клавэйн склонился ближе к экрану:

– Вот именно. Почему, черт побери, мы не знали? Галиана считала, что мы знаем, и я ее за это не виню. Мы вели постоянное наблюдение за Гнездом в течение пятнадцати лет. Разумеется, за это время мы должны были заметить червей.

– Тебе нравится так думать?

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что черви, возможно, не всегда были там.

Понимая, что разговор не может быть конфиденциальным, но не желая уходить от этой темы, Клавэйн переспросил:

– Считаешь, сочленители устроили нам засаду?

– Я считаю, что нельзя пренебрегать ни одной версией, какой бы неприятной она ни была.

– Галиана не способна на такое.

– Верно, не способна. – Она только что вернулась в комнату. – И я разочарована тем, что вы вообще стали обсуждать такую возможность.

Клавэйн прервал связь с Деймосом:

– Знаете, подслушивание – не очень красивая привычка.

– А чего ты ждал от меня?

– Неужели ты мне совсем не доверяешь? Или это требует слишком больших усилий?

– Когда ты был моим пленником, мне не нужно было доверять тебе, – ответила Галиана. – Это сильно упрощало наши взаимоотношения. Наши роли были определены.

– А сейчас? Если ты мне настолько не доверяешь, зачем согласилась принять? Вместо меня могло бы отправиться множество других специалистов. Ты вообще имела возможность отказаться от переговоров.

– Люди Вой давили на нас, чтобы мы согласились на ваш визит, – пояснила Галиана. – Так же как давили на вас, чтобы вы еще на некоторое время воздержались от насилия.

– И это все?

На сей раз она слегка помедлила:

– Я... знаю тебя.

– Знаешь меня? Ты так называешь год тюремного заключения? А как насчет тысяч разговоров между нами – когда мы забывали наши разногласия, чтобы потолковать о чем-то еще, кроме проклятой войны? Я ушел от тебя в здравом уме, Галиана. Я никогда не забывал об этом. Вот почему я рискую жизнью, чтобы попасть сюда и отговорить тебя от новой провокации.

– Теперь дело обстоит совершенно по-другому.

– Ну конечно! – Он едва сдерживался, чтобы не закричать. – Конечно, по-другому. Но главное не изменилось. Мы все еще можем восстановить это доверие и найти выход из кризиса.

– А разве твои сторонники действительно хотят найти выход?

Клавэйн ответил не сразу – он понимал, что в чем-то Галиана права.

– Я не уверен. Но я не уверен также, что ты этого хочешь, иначе бы перестала испытывать судьбу. – В нем словно что-то щелкнуло, и он задал вопрос, который намеревался озвучить гораздо более дипломатично. – Почему ты продолжаешь это делать, Галиана? Почему запускаешь корабли, зная, что их сожгут, как только они покинут Гнездо?

Она твердо взглянула ему прямо в глаза:

– Потому что могу себе это позволить. Потому что рано или поздно один из них уйдет невредимым.

Клавэйн кивнул. Он боялся, что она ответит именно так.

Галиана вела его по другим серым коридорам – они спустились на несколько уровней. Свет лился из полос, которые тянулись по стенам, извиваясь, словно артерии. Возможно, дизайн был декоративным, но Клавэйн подумал, что полосы просто выросли такими, подчиняясь биологическим алгоритмам. Хотя не было сведений о том, что сочленители пытались оживить окружающие их вещи и сделать их в каком-то смысле подобными людям.

– Вы подвергаетесь ужасной опасности, – заметил Клавэйн.

– Но теперешнее положение невыносимо. Я всей душой хочу избежать новой войны, но если до нее дойдет, у нас, по крайней мере, есть возможность сбросить эти оковы.

– Если вас сначала не уничтожат.

– Мы сможем этого избежать. В любом случае страх не влияет на наш образ мыслей. Ты видел человека, который смирился с судьбой, когда понял, что твоя смерть повредит нам больше, чем его гибель. Он изменил свое состояние духа, пришел к полному всепринятию.

– Прекрасно. Тогда все становится на свои места.

Они стояли одни в коридоре, освещенном змееподобными лампами, – с тех пор как покинули ангар, Клавэйн не видел никого из жителей.

– Мы не считаем жизнь отдельного человека ничего не стоящей. Смерть – это жертва для нас, как если бы ты отдал часть тела. Но сейчас, став частью единого целого...

– Ты имеешь в виду Транспросвещение?

Этим термином сочленители определяли состояние единства нервной системы, в котором пребывали. Оно осуществлялось посредством механизмов, встроенных в мозг каждого из них. Если демархисты пользовались имплантатами, чтобы осуществлять демократию в режиме реального времени, то сочленители с помощью машин делали общедоступными чувственную информацию, воспоминания и даже сознательные мысли. Именно это приблизило начало войны. Тогда, в 2190 году, половина человечества пользовалась сетями, позволяющими обмениваться информацией с помощью нервных имплантатов. А затем эксперименты сочленителей перешли некую черту, и в сеть был запущен трансформирующий вирус. Имплантаты начали видоизменяться, инфицируя разум миллионов людей установочными шаблонами сочленителей. Инфицированные немедленно перешли в разряд врагов. Земля и другие внутренние планеты всегда были более консервативны и предпочитали получать доступ к сетям традиционными способами.

После того как поселения на Марсе и поясе астероидов пали жертвой сочленительского феномена, власти Коалиции поспешно собрали силы, чтобы предотвратить распространение эпидемии в своих владениях. Демархисты, обитавшие на спутниках газовых гигантов, успели вовремя установить средства сетевой защиты, и пострадало лишь незначительное количество их поселений. Они предпочли нейтралитет, а Коалиция попыталась сдержать распространение влияния сочленителей – некоторые употребляли слово «стерилизация». Через три года, после одной из самых кровопролитных битв за всю историю человечества, сочленители были оттеснены в разбросанные по всей системе убежища. И все это время они выражали ироничное недоумение по поводу того, что другие сопротивляются их экспансии. Ведь как ни крути,

ни один из принятых в их среду не пожалел об этом. Скорее, наоборот. Немногочисленные пленные, которых сочленители неохотно вернули в прежнее состояние, всячески стремились снова соединиться с их сообществом. Некоторые даже предпочитали смерть жизни вне Транспросвещения. Подобно послушникам, удостоившимся видений рая, они посвящали всю свою сознательную жизнь поискам нового шанса.

– Транспросвещение притупляет в нас сознание индивидуальности, – объяснила Галиана. – Когда этот человек выбрал смерть, жертва не была для него в полном смысле слова жертвой. Он знал, что большая часть его сознания останется жить среди нас.

– Но это лишь один пример. А как насчет сотни жизней, которые ты погубила в попытках бежать? Мы знаем – мы считали тела.

– Недостающих солдат всегда можно клонировать.

Клавэйн надеялся, что ему удалось скрыть отвращение. В его окружении даже упоминание о клонировании считалось непростительным промахом, вызывающим в памяти всякие ужасы. Для Галианы клонирование стало бы лишь еще одной технологией, дополняющей ее арсенал.

– Но вы ведь не занимаетесь клонированием, верно? И теряете людей. Мы считали, что в этом Гнезде вас должно быть девятьсот человек, но мы сильно переоценивали вашу численность, так?

– Пока что ты видел немного, – сказала Галиана.

– Да, но здесь пахнет запустением. Ты не сможешь скрыть отсутствие людей, Галиана. Бьюсь об заклад, в Гнезде осталось не более сотни жителей.

– Ошибаешься, – возразила Галиана. – Мы владеем технологией клонирования, но пользовались ею совсем мало. Какой смысл? Мы не стремимся к генетическому единству, что бы там ни думали ваши пропагандисты. Поиски оптимума ведут лишь к локальному минимуму. Мы дорожим своими ошибками. Наша цель – устойчивое неравновесие.

– Ну хорошо. – Сейчас он меньше всего нуждался в образчике красноречия сочленителей. – Так где, черт побери, все?

Через несколько минут он получил если не полный, то частичный ответ. Добравшись до конца лабиринта коридоров, на значительной глубине под поверхностью Марса, Клавэйн и Галиана оказались в детской.

Детская потрясла Клавэйна тем, что совершенно не соответствовала его представлениям. Она не только была совершенно иной, чем думали там, на Деймосе, – она противоречила всем его догадкам, основанным на знании жизни Гнезда. Находясь на Деймосе, он предполагал, что в детской сочленителей действует лишь угрюмая медицинская целесообразность: сверкающие аппараты с младенцами, подключенными к некоему центральному устройству, словно чудовищно продуктивная кукольная фабрика. Оказавшись в Гнезде, он пересмотрел свое мнение, исходя из сократившегося числа сочленителей. Если здесь и имеется детская, то явно не слишком продуктивная. Меньше детей, однако все та же картина: огромные серые машины, купающиеся в свете змееподобных ламп.

Но детская оказалась совсем иной.

Просторная комната, куда привела его Галиана, была почти болезненно яркой и веселой – детская фантазия, воплощенная в приятных формах и примитивных цветах. Стены и потолок представляли собой голографическое изображение неба: бесконечный голубой простор и груды снежно-белых облаков. Пол имел вид волнистого ковра синтетической травы с холмами и лугами. Здесь были и цветочные клумбы, и леса карликовых деревьев. Были и животные-роботы: сказочные птицы и кролики, чуть излишне антропоморфные, чтобы обмануть Клавэйна. Они походили на зверей из детских книжек – большеглазые и счастливые. В траве валялись игрушки.

Здесь были дети. Примерно тридцать-сорок, в возрасте от нескольких месяцев до шести-семи стандартных лет. Некоторые копошились среди кроликов, другие, постарше, собирались около древесных пней, верхушки которых мигали быстро сменявшимися картинками, освещая лица зрителей. Малыши разговаривали, смеялись или пели. Среди детей ползали на коленях взрослые сочленители, Клавэйн насчитал их полдюжины. При взгляде на одежду детей, сделанную из кричащих тканей с переплетающимися узорами, болели глаза. Взрослые двигались среди них словно вороны. Но дети, казалось, чувствовали себя беззаботно в их обществе.

– Не похоже на то, что ты ожидал?

– Да... совсем не похоже. – Лгать ей не было смысла. – Мы считали, что вы выращиваете детей в упрощенной версии механической мастерской, в которой вы обитаете.

– В самом начале дело обстояло более или менее так. – Тон Галианы едва заметно изменился. – Знаешь, почему шимпанзе не обладают разумом, в отличие от людей?

Клавэйн моргнул, не сразу уловив, к чему она ведет.

– Понятия не имею. Может, у них мозг меньше?

– Да, но мозг дельфина больше человеческого, а дельфины едва ли смышленнее собак.

Галиана остановилась у ближайшего свободного пня. Клавэйн не заметил, чтобы она что-то сделала, но на срезе пня возникло изображение мозга млекопитающего, и Галиана принялась водить по нему пальцем, указывая на нужные участки.

– Важен не столько общий объем мозга, сколько процесс его развития. Разница в массе мозга новорожденного шимпанзе и взрослой особи составляет лишь около двадцати процентов. К тому времени, как шимпанзе появляется на свет и начинает получать информацию из внешнего мира, его мозг практически теряет пластичность. Точно так же дельфины рождаются с почти полным набором моделей взрослого поведения. Человеческий мозг, напротив, продолжает расти в течение всех лет обучения. Мы обратили эти сведения себе на пользу. Если для формирования интеллекта так важны данные, полученные до рождения, мы предположили, что нам удастся повысить его уровень путем вмешательства на ранних стадиях развития мозга.

– В утробе матери?

– Да.

Теперь на пне появилось изображение человеческого эмбриона – от начала цикла деления клеток до формирования едва заметных складок рудиментарного спинного нерва и утолщения на нем – крошечного мозга. В мозгу кишели мириады внутриклеточных машин, заполняющая зарождающуюся нервную систему. Затем развитие эмбриона резко рвануло вперед, и вот уже Клавэйн смотрит на нерожденное человеческое дитя.

– Что произошло?

– Мы совершили ужасную ошибку, – ответила Галиана. – Вместо того чтобы ускорить нормальное развитие нервной системы, мы причинили ему сильный ущерб. Все кончилось тем, что дети выросли умственно отсталыми, но обладали некими сверхъестественными способностями.

Клавэйн огляделся:

– И тогда вы позволили остальным детям развиваться нормально?

– Более или менее. Разумеется, у нас нет семей, но опять же существует множество человеческих обществ и обществ приматов, в которых коллектив играет большую роль в развитии ребенка, чем семья. Пока мы не обнаружили никаких патологий.

Клавэйн наблюдал, как одного из старших детей уводят из комнаты-лужайки через дверь в небо. Ребенок остановился, упираясь, хотя взрослый мягко увлекал его за собой. Ребенок на миг оглянулся, затем последовал за спутником.

– Куда идет этот малыш?

– На следующую стадию развития.

Клавэйн подумал, позволят ли ему увидеть, как ребенок переходит на новую ступень. Вряд ли, решил он, если не существует программы ускоренного обучения максимального количества детей.

Пока он раздумывал об этом, Галиана провела его в другую часть детской. Хотя эта комната была меньше по размеру и с убранством построжее, все же здесь было больше красок, чем в любом другом месте Гнезда, где он побывал до зеленой комнаты. Стены украшены тесно переплетающимися мозаичными орнаментами, среди них кишат движущиеся изображения и быстро мелькающий текст. Клавэйн заметил стадо зебр, скачущих через ядро нейтронной звезды. В другом месте осьминог выпускал струю чернил в лицо какому-то диктатору двадцатого века. Экраны росли из пола, словно японские бумажные ширмы, и были переполнены информацией. Дети одиннадцати-двенадцати лет небольшими группами сидели у экранов на мягких черных сиденьях в виде поганок и что-то обсуждали. Вокруг были разбросаны музыкальные инструменты – голографические клавишины, воздушные гитары. Некоторые дети с серыми повязками на глазах тыкали пальцами в какие-то абстрактные структуры, исследуя глубины математического пространства, населенные драконами. Клавэйн увидел, чем они манипулируют на плоских экранах, и у него сжалось сердце.

– Машины еще не внутри их мозга, но скоро проникнут туда. Когда это произойдет?

– Скоро, очень скоро.

– Ты спешишь, верно? Пытаешься сделать сочленителями как можно больше детей. Что у тебя на уме?

– Кое-что... произошло, вот и все. Ты прибыл или вовремя, или очень некстати, это зависит от вашей точки зрения.

И прежде чем он успел спросить, что это значит, Галиана добавила:

– Клавэйн, я хочу, чтобы ты кое с кем познакомился.

– С кем?

– Этот человек очень дорог нам.

Она провела его через ряд дверей, защищенных от детей, и наконец они оказались в маленькой круглой комнате. Стены были серыми, с прожилками; комната выглядела спокойной по сравнению с тем, что ему довелось увидеть только что. В центре комнаты на полу, скрепив ноги, сидел ребенок. Клавэйн оценил возраст девочки в десять стандартных лет, может быть, чуть больше. Но она словно не заметила появления Клавэйна – взрослый человек, даже нормальный ребенок проявил бы какую-то реакцию. Она просто продолжала делать то, то делала, когда они вошли, словно их и не было вовсе. Чем она занималась – было неясно. Она медленно, сосредоточенно двигала руками перед собой, как будто играла на голографическом клавишине или вела призрачный кукольный спектакль. Время от времени девочка поворачивалась в другую сторону и продолжала выполнять те же движения.

– Ее зовут Фелка, – сказала Галиана.

– Здравствуй, Фелка... – Он подождал, но ответа не было. – Вижу, с ней что-то не в порядке.

– Это одна из тех умственно неполноценных детей. Фелка развивалась с машинами в голове. Как раз после ее рождения мы поняли свою ошибку.

Что-то во внешности Фелки встревожило Клавэйна. Возможно, то, что она продолжала свое занятие, которому, видимо, придавала величайшее значение, но которое явно не имело никакого смысла для разумного человека.

– Кажется, она нас не замечает.

– Она сильно отличается от всех нас, – пояснила Галиана. – Ее не интересуют другие человеческие существа. У нее агнозия на лица – не может отличить одного человека от другого. Мы все кажемся ей одинаковыми. Вы можете представить себе нечто более странное?

Он попытался, но безуспешно. Жизнь, с точки зрения Фелки, была, наверное, каким-то кошмаром – ее окружали одинаковые клоны, чью внутреннюю жизнь она не могла постичь. Неудивительно, что она так увлеклась своей игрой.

– А почему эта девочка так важна для вас? – спросил Клавэйн, не слишком желая получить ответ.

– Она спасает нас от гибели.

Разумеется, он спросил Галиану, что она имеет в виду. Но в ответ услышал лишь, что он еще не готов понять ответ.

– А что именно требуется от меня для того, чтобы понять?

– Простая процедура.

О да, это-то он понял сразу. Нужно всего лишь согласиться на установку нескольких имплантатов в определенные части мозга и тогда он постигнет истину. Вежливо, изо всех сил стараясь скрыть неприязнь, Клавэйн отказался. К счастью, Галиана не настаивала, так как наступило время встречи, которую ему обещали и ради которой он прибыл на Марс.

Он наблюдал, как группа обитателей Гнезда цепочкой входит в конференц-зал. Галиана была их лидером постольку, поскольку она основала здесь лабораторию, в которой начался эксперимент, и ей оказывали уважение как старшей. Она также явно лучше всех подходила, чтобы представлять их интересы. Все эти люди имели специальные знания, которые нельзя было с легкостью распространить на всех членов сообщества сочленителей; это сильно отличалось от компании похожих друг на друга клонов с коллективным разумом, которая фигурировала в пропаганде Коалиции. Если Гнездо в чем-то и походило на колонию муравьев, то это была колония, в которой каждый муравей играл особую роль, предназначенную только ему. Конечно, отдельному человеку нельзя было неограниченно вверять умение, важное для Гнезда, – это была бы опасная крайность, – но тем не менее отдельные личности не полностью сливались с коллективным сознанием.

Должно быть, конференц-зал был построен в те дни, когда Гнездо было исследовательской станцией, или даже раньше, в начале двадцать второго века, когда здесь располагалось нечто вроде базы горняков. Он был слишком велик для этой непреклонной горстки сочленителей, которые собрались вокруг главного стола. На экранах вокруг стола мелькали тактические данные о наращивании ударных сил вокруг зоны строгого режима на Марсе, возможные места высадки и маршруты движения наземных войск.

– Невил Клавэйн, – представила гостя Галиана, когда все заняли свои места. – Мне жаль, что с нами нет Сандры Вой. Мы все скорбим о ней. Но, возможно, после этого ужасного несчастья мы сможем найти общий язык. Невил, прежде чем прилететь сюда, ты сообщил нам, что у вас имеется проект мирного разрешения кризиса.

– Действительно, хотелось бы его услышать, – отчетливо пробормотал один из присутствующих.

У Клавэйна пересохло в глотке. С точки зрения дипломатии он очутился среди зыбучих песков.

– Мое предложение касается Фобоса...

– Продолжай.

– Я получил там ранения, – сказал он. – Очень серьезные. Наша попытка очистить его от червей провалилась, и я потерял нескольких друзей. Поэтому у меня имеется личный счет к червям. Но я принял бы любую помощь, чтобы справиться с ними.

Прежде чем ответить, Галиана быстро оглядела соратников:

– Ты предлагаешь совместную операцию?

– Это может сработать.

– Да... – Похоже, на мгновение Галиана растерялась. – Думаю, что это может быть выходом из тупика. Мы тоже потерпели неудачу в борьбе с червями, а заграждение помешало нам попытаться еще раз. – И снова она впала в задумчивость. – Но кто получит реальную выгоду от очистки Фобоса? Мы по-прежнему будем заперты здесь.

Клавэйн наклонился вперед:

– Я думаю, что именно совместные боевые действия могут привести к ослаблению заградительных мер. Но для меня это не главное. Подумайте об угрозе со стороны червей.

– Угрозе?

Клавэйн кивнул:

– Возможно, вы этого не заметили. – Он снова наклонился, положил локти на стол. – Мы озабочены присутствием на Фобосе червей. Они начали изменять орбиту спутника. В настоящее время сдвиг едва заметен, но он достаточно велик, чтобы понять: это не случайность.

Галиана на миг отвела глаза, словно взвешивая за и против, затем произнесла:

– Нам это известно, но мы считали, что вы не можете этого знать.

Благодарность? Он полагал, что деятельность червей не ускользнет от внимания Галианы.

– Мы наблюдали странное поведение и в других колониях червей по всей системе – вещи, которые выглядят как проявления рассудка, но ничего целенаправленного. Должно быть, у этой партии имеется какая-то подпрограмма, о существовании которой мы не догадывались. У вас есть предположения насчет того, что они затевают?

И снова последовало короткое молчание, словно она обсуждала с соратниками правильный ответ. Затем Галиана кивнула в сторону мужчины, сидящего напротив нее. Клавэйн подумал, что жест предназначался исключительно для удобства гостя. У мужчины были волнистые черные волосы, гладкое безмятежное лицо, как и у Галианы, симметричными чертами он походил на нее.

– Это Ремонтуар, – сказала Галиана. – Наш специалист по ситуации на Фобосе.

Ремонтуар вежливо кивнул:

– На ваш вопрос могу ответить, что у нас в настоящее время нет четкой версии. Но мы знаем одно: они увеличивают апоцентр орбиты спутника.

Клавэйн знал, что апоцентром называется марсианский эквивалент апогея для объекта, вращающегося вокруг Земли, – наиболее удаленная точка эллиптической орбиты. Ремонтуар продолжал неестественно спокойным голосом, словно отец, читающий книгу ребенку.

– На самом деле нормальная орбита Фобоса находится внутри предела Роша³ для гравитационно связанного спутника. Фобос порождает на Марсе приливные силы⁴, но из-за трения эти приливы немного отстают от Фобоса. Поэтому Фобос медленно приближается к Марсу по спирали со скоростью примерно два метра в сто лет. Через несколько десятков миллионов лет то, что останется от спутника, врежется в Марс.

– И вы думаете, что черви увеличивают радиус орбиты, чтобы избежать катастрофы, грозящей им в таком отдаленном будущем?

– Не знаю, – ответил Ремонтуар. – Я допускаю, что изменения орбиты могут также происходить в результате какой-то менее значительной активности червей.

– Согласен, – сказал Клавэйн. – Но опасность остается. Если черви способны увеличить радиус орбиты спутника – даже непреднамеренно, – то можно предположить, что они способны

³ *Предел Роша* – радиус орбиты спутника, на котором приливные силы, вызванные гравитацией центрального тела, равны силам внутреннего сцепления спутника. Спутники, обращающиеся на орбитах ниже предела Роша, неустойчивы и разрушаются приливными силами.

⁴ Приливные силы возникают как разность сил тяготения, действующих на протяженное тело; разные части этого тела по-разному притягиваются возмущающим телом. Самым известным примером их действия являются приливы и отливы на Земле, откуда и произошло их название. Луна вызывает приливы не только в океанах, но и в коре Земли.

также уменьшить его перицентр. Они могут сбросить Фобос на ваше Гнездо. Неужели это не пугает вас настолько, чтобы рассмотреть возможность союза с Коалицией?

Галиана уперлась в лоб кончиками пальцев – у людей этот жест служил признаком сосредоточенного размышления, и даже пребывание в среде сочленителей не смогло уничтожить его. Клавэйн почти чувствовал, как в комнате образуется паутина мыслей, призрачные нити узнавания, протянувшиеся между всеми сочленителями, сидевшими за столом, и куда-то прочь, к другим жителям Гнезда.

– Команда победителей, вот в чем ваша мысль?

– Это наверняка лучше, чем война, – заметил Клавэйн. – Вы согласны?

Галиана, похоже, была готова, но вдруг на ее лице отразилось беспокойство. Клавэйн увидел, как всех остальных практически мгновенно захлестнула волна тревоги. Что-то подсказало ему, что волнение никак не связано с его предложением.

Половина дисплеев, расположенных вокруг стола, автоматически переключилась на другой канал. Лицо, на которое смотрел Клавэйн, сильно походило на его собственное, если не считать того, что у человека на экране не хватало одного глаза. Это был его брат. Изображение Уоррена перекрывали официальные эмблемы Коалиции и дюжины межпланетных информационных картелей. Он выступал с речью.

– ...Выразить мое потрясение, – произнес Уоррен. – Или, если на то пошло, мой гнев. Они убили не просто исключительно ценного сотрудника и опытного члена моей команды – они убили моего брата.

Клавэйн ощутил смертельный холод.

– Что это?

– Прямой эфир с Деймоса, – выдохнула Галиана. – Передается по всем сетям, даже в поселения за пределами Плутона.

– Их действия – пример гнусного предательства, – продолжал Уоррен. – Это не что иное, как намеренное хладнокровное убийство мирных представителей.

Лицо Уоррена сменил видеоклип. Видимо, изображение было получено с Деймоса или одного из заградительных спутников. Был виден шаттл Клавэйна, валяющийся в пыли неподалеку от Стены. Клавэйн смотрел, как уроборос крушит шаттл, затем изображение укрупнилось и стали видны он сам и Вой, спасающиеся бегством к Гнезду. Вот уроборос напал на Вой. Но на этот раз веревочной лестницы для Клавэйна не было. Вместо этого он увидел, как со Стены к нему несутся смертоносные лучи, сбивают его с ног. Получив ужасные раны, он попытался встать, прополз несколько дюймов к своим мучителям, но червь догнал его.

Он смотрел, как его едят.

На экране снова возник Уоррен:

– Черви вокруг Гнезда – это ловушка сочленителей. Смерть моего брата была запланирована за несколько дней, а может, за несколько недель до его прибытия. – Холодное лицо излучало воинственность. – На подобные действия мы можем ответить только одним, и сочленители отлично понимают это. Уже несколько месяцев они провоцируют нас на силовые меры. – Он помолчал, затем кивнул невидимым зрителям. – Что же, теперь они получают то, чего добились. Наш ответный удар уже начался.

– О боже, нет! – застонал Клавэйн, но подтверждение услышанного уже поступило: на всех экранах вокруг стола виден был флот Коалиции, несущийся к Марсу.

– Думаю, это война, – заключила Галиана.

Сочленители бросились на крышу Гнезда, чтобы занять оборонительные позиции вокруг куполов и на краю Стены. Большая часть их была вооружена такими же ружьями, как и те, которыми они защищались от уроборосов. Несколько человек устанавливали автоматические пушки на треногах. Двое тащили на позицию огромные оборонительные орудия. По большей

части это были излишки военной промышленности. Пятнадцать лет назад, чтобы избежать уничтожения, сочленители использовали оружие ужасной разрушительной силы, но пушки, пригодные для сражения между кораблями, были слишком мощными в ближнем бою. Теперь применялось менее разрушительное оружие, пригодное для примитивного сражения, и Клавэйн знал, что против атаки, подготовленной Уорреном, арсенал сочленителей беспомощен. Они могут некоторое время сдерживать натиск, но не более того.

Галиана дала Клавэйну новую дыхательную маску, заставила его надеть легкий камуфляжный бронированный скафандр и насильно вручила небольшое ружье. Держать эту штуку было непривычно, он не думал, что снова придется взять в руки оружие. Единственным оправданием для него было то, что он собирался воспользоваться оружием против солдат своего брата – против своих людей.

Способен ли он на такое?

Было очевидно, что Уоррен предал его. Он наверняка знал о червях, окружающих Гнездо. Выходит, способен не только на презрение, но и на предательское убийство. Впервые Клавэйн почувствовал ненависть к Уоррену. Он, должно быть, надеялся, что черви полностью уничтожат шаттл и заодно прикончат Клавэйна и Вой. И наверное, ему больно было видеть, как Клавэйн взобрался на Стену... и еще более слышать, как он рассказывает о трагедии. Но в основном план Уоррена не пострадал. Дипломатический канал между Гнездом и Деймосом был секретным, даже демархисты не могли бы сразу получить к нему доступ. Так что о вызове Клавэйна с Марса можно было просто забыть; изображение, полученное со спутника-шпиона, подкорректировали, и создалось впечатление, что Клавэйн не добрался до Стены... что его погубили сочленители. Демархисты со временем обязательно обнаружат обман, но гораздо раньше они будут вовлечены в войну, если план Уоррена сработает. А это, понимал Клавэйн, все, что требуется Уоррену.

Братья, размышлял Клавэйн. Во многом такие разные. Когда-то оба участвовали в войне, но Клавэйн, словно ветреный возлюбленный, устал от ее лавров. Его даже не так серьезно ранили, как Уоррена... Возможно, дело также и в этом. Уоррену нужна новая война, чтобы отомстить за то, что у него отняли.

Клавэйн одновременно презирал и жалел его.

Он поискал предохранитель. Рассмотрев винтовку внимательнее, понял, что она не так уж сильно отличается от тех, которыми он пользовался на войне. Цифры на дисплее показывали, что батарея заряжена полностью.

Он посмотрел на небо.

Атакующие корабли вошли в атмосферу Марса над Стеной под прямым углом, пятьсот шаровых молний, визжа, неслись к Гнезду. При вхождении в атмосферу на большинстве кораблей сгорело несколько дюймов удаляемой брони; несколько кораблей, летевших слишком быстро, сгорело. Клавэйн прекрасно знал, что происходит, – он годами изучал возможные сценарии атаки, в память ему неизгладимо врезались цифры потерь.

Оборонительные орудия уже вступили в бой. Они засекали плазменные шлейфы в небе, вращались, выискивая жаркие искорки перед этими шлейфами, рассчитывали траекторию преломления лазерного луча и выплевывали в небо смерть. Невезучие корабли превращались в белые ослепительные вспышки и рассыпались миллионами гаснущих искр. Десяток, еще десяток... Прежде чем орудия потеряли возможность ловить цели, они сбили около пятидесяти кораблей. Это было слишком мало. Клавэйн помнил, что по плану из этой волны после вхождения в атмосферу должны уцелеть по меньшей мере четыреста кораблей.

Что бы ни предпринимала Галиана, теперь это не имело значения.

Его снова поразил этот парадокс. Галиана способна на те же соображения, что и Уоррен. Она должна была с самого начала понимать, что ее провокации приведут к штурму, которого ей нипочем не отразить.

К штурму, который закончится уничтожением Гнезда.

Уцелевшие корабли теперь выравнивали строй, закладывали длинные и низкие виражи, неслись к Гнезду со всех сторон. Солдаты у них на борту подвергались тяжелым перегрузкам, но они были к этому готовы: в их сердечно-сосудистую систему были встроены имплантаты единственного разрешенного Коалицией типа.

Первые корабли приблизились на сверхзвуковой скорости, описывая дуги. Повсюду черви пытались схватить их в воздухе, но роботы были слишком медлительными, чтобы поймать десантный корабль. Люди Галианы, заняв позиции у пушек, изо всех сил старались отогнать врага. Клавэйн сжимал ружье, но пока не стрелял. Лучше поберечь заряд до того момента, когда появится верная цель.

Первые корабли наверху сделали поворот на сто восемьдесят градусов, направив нос в самоубийственном броске прямо на Гнездо. Затем они раскрылись, из них посыпались пилоты в пухлых скафандрах. Непосредственно перед падением вокруг пилота возникал черный баллон, поглощающий удар, – как будто ягоды черники катились по Гнезду. Но баллоны сдулись так же быстро, как и надулись, и вот уже пилоты стоят на земле. У каждого пилота – теперь они превратились в солдат – имелась подробнейшая компьютерная карта Гнезда, позиции врага изображались в реальном времени по данным со спутников.

Клавэйн спрятался за купол, прежде чем ближайший солдат взял его на прицел. Начался ближний огневой бой. Пришлось оставить это людям Галианы – те сражались, как дьяволы. И они были организованы не хуже нападающих. Но их оружие и облачение просто не годилось для этой схватки. Камуфляж был эффективен против единичного врага или массы врагов, движущихся в одном направлении. А сейчас, когда Клавэйна окружали солдаты Коалиции, скафандр буквально обезумел, пытаясь принять сразу несколько расцветок, словно хамелеон в зеркальном лабиринте.

Небо приобрело диковинный темно-пурпурный цвет. Над Гнездом распространялся фиолетовый туман. Галиана применила какой-то тип химической дымовой завесы, непроницаемый для инфракрасных и видимых лучей, решил Клавэйн. Вещество скроет Гнездо от спутников-шпионов, а еще оно, должно быть, прилипает только к вражескому камуфляжу. Этого Уоррен не предвидел. Галиана получила небольшое преимущество.

Из тумана выступил солдат, направив жуткое темное дуло на Клавэйна. Камуфляжный скафандр был покрыт круглыми ярко-лиловыми пятнами, мешавшими маскировке. Человек выстрелил, но заряд пропал зря – Клавэйна спас скафандр. Клавэйн ответил тем же, и его соотечественник упал. Он подумал: «Фактически то, что я сейчас делаю, – не предательство. Пока еще нет. Пока что это всего лишь самозащита».

Подстреленный им человек еще не умер. Клавэйн пробрался сквозь пурпурную завесу и опустился на колени рядом с солдатом. Он старался не смотреть на рану.

– Ты меня слышишь?

Раненый не ответил, но Клавэйн вроде бы увидел движение губ за визором. Это был совсем еще ребенок – едва ли он помнил последнюю войну.

– Ты должен узнать кое-что, – продолжал Клавэйн. – Тебе известно, кто я? – Он подумал, можно ли узнать его в дыхательной маске. А потом решил бросить затею. Можно заявить, что он Невил Клавэйн, но чего он этим добьется? Через несколько минут, если не секунд, солдат умрет. Никакой пользы не будет, если он узнает, что в бой его повели обманом и он пожертвовал жизнью ради неправого дела. Во вселенной и так слишком много жестокости.

Клавэйн направился к центру Гнезда, чтобы еще кого-нибудь убить, прежде чем превосходящие числом враги прикончат его самого.

Но этого не случилось.

– Тебе всегда везло, – произнесла Галиана, склонившись над ним.

Они снова находились под землей – глубоко в недрах Гнезда. Судя по обстановке, это был медицинский отсек. Клавэйн лежал на кровати полностью одетый, не хватало только камуфляжного скафандра. Комната с серыми стенами имела форму чайника и была опоясана круглым балконом.

– Что произошло?

– Тебя ранили в голову, но ты будешь жить.

Он попытался сформулировать нужный вопрос:

– А как штурм?

– Мы отразили три атаки. Разумеется, понесли тяжелые потери.

На балконе стояло три десятка серых коек, немного углубленных в ниши, набитые серым же медицинским оборудованием. Все они были заняты. Столько сочленителей вместе Клавэйн еще ни разу не видел. Некоторые, похоже, были на пороге смерти.

Клавэйн ощущал голову. На спутанных волосах засохла кровь, тело несколько онемело, но могло быть гораздо хуже. Он чувствовал себя нормально – ни провалов в памяти, ни афазии. Когда попытался встать, тело послушалось, лишь слегка закружилась голова.

– Уоррен не остановится на этом, Галиана.

– Я знаю. – Она помолчала. – Будут новые атаки.

Подойдя к перилам, ограждавшим балкон, Клавэйн взглянул вниз. Он ожидал увидеть какие-нибудь загадочные лечебные устройства, но в центре комнаты зияла пустая яма с гладкими серыми стенами. Он содрогнулся. Воздух здесь был холоднее, чем в других виденных им частях Гнезда; стоял резкий медицинский запах, напомнивший ему о госпитале для выздоравливающих на Деймосе. Но еще сильнее Клавэйн задрожал, когда увидел, что некоторые из раненых – из мертвых – были едва старше детей, которых он посетил несколько часов назад. Возможно, здесь и те ребята, мобилизованные прямо из детской, вооруженные боевыми навыками через свои новые имплантаты.

– Что ты собираешься предпринять? Знаешь же, что тебе не победить. Уоррен в этих атаках потерял ничтожную часть своих сил. А здесь все выглядит так, словно погибла половина Гнезда.

– Дело обстоит намного хуже, – сказала Галиана.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты еще не совсем готов. Но я смогу показать тебе через минуту.

Он почувствовал, что леденеет.

– Что значит не совсем готов?

Галиана взглянула ему в глаза:

– Ты получил серьезное ранение в голову, Клавэйн. Сама рана была невелика, но внутреннее кровотечение... Если бы мы не вмешались, ты бы погиб. – Прежде чем он успел задать неизбежный вопрос, она ответила сама: – Мы сделали тебе небольшую инъекцию наномедов в мозг. Они легко устранили повреждения. Но мы предусмотрительно позволили им расти.

– Вы поместили мне в мозг репликаторы?

– Не стоит так пугаться. Они уже растут – распространяются и устанавливают взаимодействие с вашими существующими нервными схемами. Но они составляют лишь ничтожную часть глиальной массы, несколько кубических миллиметров во всем мозгу.

Он подумал: а вдруг это блеф:

– Я ничего не чувствую.

– И не должен – почувствуешь примерно через минуту. – Она указала на пустую яму в центре комнаты.

– Там ничего нет.

Но не успел Клавэйн произнести эти слова, как понял, что ошибся. В яме что-то было. Моргнув, он отвел взгляд, но, снова посмотрев в яму, увидел: сначала призрачный, молочно-

белый предмет с каждой секундой становился ярче, принимал четкие очертания. Это была трехмерная структура, сложная, как клубок белковой молекулы. Паутина из петель и ответвлений, из узлов и тоннелей в призрачном обрамлении красной коренной породы.

Внезапно он понял, что перед ним: карта Гнезда в недрах Марса. Как и подозревала Коалиция, база была расширена, она стала гораздо просторнее и ушла глубже в землю, но также и распространилась вширь больше, чем можно было себе представить. Клавэйн попытался запечатлеть в памяти хотя бы часть увиденного – рефлекс собирания информации оказался сильнее сознательной мысли, что он никогда уже не увидит Деймос.

– Наномеды в мозгу установили связь с вашей зрительной корой, – объяснила Галиана. – Это первый шаг на пути к Транспросвещению. Теперь ты можешь видеть сгенерированные машинами образы, раскодируемые полями, через которые мы движемся, – по крайней мере, большинство этих образов.

– Скажи, что ты не планировала это, Галиана. Скажи, что не намеревалась при первой возможности запихнуть мне в голову машины.

– Нет, я не собиралась этого делать. Но я не могла позволить твоим фобиям помешать мне спасти тебе жизнь.

Изображение усложнялось. В тоннелях появились светящиеся точки, некоторые медленно двигались по лабиринту.

– Что это?

– Ты видишь местонахождение сочленителей, – ответила Галиана. – Что, нас тут не так много, как тебе представлялось?

Клавэйн насчитал во всем комплексе на более семидесяти огоньков. Он поискал скопление, соответствующее комнате, в которой находился сам. Вот она: двадцать ярких точек, среди них одна потусклее. Это он, разумеется. На верхнем этаже Гнезда горстка людей – либо при штурме обрушилась половина тоннелей, либо Галиана сама приказала завалить их.

– А где все остальные? Где дети?

– Большинство погибли. – Она помолчала. – Ты был прав, Клавэйн, полагая, что мы торопились приобщить их к Транспросвещению.

– Зачем?

– Это единственный выход отсюда.

Изображение снова изменилось. Теперь все огоньки были связаны между собой мерцающей нитью. Структура сети постоянно перестраивалась, как в калейдоскопе. Время от времени – это происходило слишком быстро, чтобы Клавэйн мог быть уверен, – возникало нечто вроде симметричного геометрического узора, затем узор растворялся в мерцающем хаосе непоседливой структуры. Он присмотрелся к узелку, обозначавшему Галиану, и понял: даже разговаривая с ним, она поддерживала связь с остальными жителями Гнезда.

Затем в центре изображения появилось нечто очень яркое, похожее на крошечную звезду, и по сравнению с ней мерцающая сетка сделалась бледной, почти невидимой.

– Сетка стала всеобщей, – пояснила Галиана. – Яркий свет символизирует ее единство, единство в Транспросвещении. Смотри.

Яркий огонек – самое прекрасное и манящее, что доводилось когда-либо видеть Клавэйну, – выпустил луч в направлении одинокого огонька, который изображал самого Клавэйна. Луч пробивался сквозь матрицу, приближаясь с каждой секундой.

– Новые структуры в твоем мозгу почти закончили развиваться, – объяснила Галиана. – Когда луч коснется к тебе, ты вступишь в частичную интеграцию со всеми нами. Приготовься, Невил.

В ее словах не было необходимости. Свет подбирался все ближе и ближе к его огоньку, и Клавэйн стиснул перила взмокшими ладонями.

– Я должен возненавидеть тебя за это, – сказал Клавэйн.

– Почему же еще не возненавидел? Ненависть – всегда самый легкий путь.

– Потому что...

Потому что теперь это не имело значения. Его прежняя жизнь осталась позади. Он протянул руки к Галиане – нужно было за что-то ухватиться, защититься от надвигающегося удара. Галиана сжала его руку, и мгновение спустя он познал Транспросвещение. Ощущение было потрясающим: не болезненным, не страшным, но абсолютно новым. Он буквально начал думать иначе, чем думал несколько микросекунд назад.

Потом, когда Клавэйн пытался мысленно описать происшедшее, он понял, что слова не годятся для этого. И неудивительно: в процессе эволюции язык приспособился передавать многие понятия, но не такие, как переход от индивидуальности к сети, состоящей из множества личностей. Но если он не мог передать суть происшедшего, то по крайней мере мог изобразить его метафорически. Он будто стоял на берегу океана, и гигантская волна накрыла его. Какое-то время Клавэйн пытался добраться до поверхности, пытался не наглотаться воды. Но поверхности не было. Океан, объявший его, простирался бесконечно во всех направлениях. Клавэйну оставалось лишь подчиниться. Но шли минуты, и это пугающее, незнакомое превращалось в нечто приемлемое, начинало даже казаться, что оно успокаивает. Уже тогда он понял, что это лишь тень тех ощущений, которые переживает Галиана в каждое мгновение своей жизни.

– Все в порядке, – сказала Галиана. – Пока достаточно.

Волна Транспросвещения отступила, как тускнеющий образ божества. У Клавэйна остались лишь чувственные ощущения, больше не было прямой связи с остальными. Его сознание сокрушительно быстро вернулось к нормальному состоянию.

– Ты в порядке, Невил?

– Да... – У него пересохло в горле. – Думаю, что да.

– Оглянись.

Он огляделся по сторонам.

Комната совершенно изменилась. Изменились и все присутствующие.

Преодолевая головокружение, Клавэйн вышел на свет. Стены, прежде серые, были испещрены манящими узорами; словно мрачная чаща внезапно превратилась в заколдованный лес из сказки. В воздухе, подобно вуалям, висели данные: рисунки, диаграммы, цифры толпились вокруг коек раненых, таяли в пространстве, словно хрупкие фантастические неоновые скульптуры. Когда он двинулся навстречу рисункам, те, словно в насмешку, разбежались от него, как косяки сверкающих рыб. Иногда казалось, что они поют, иногда нос его щекотали полужнакомые запахи.

– Теперь ты можешь воспринимать эти вещи, – заметила Галиана. – Но они скажут тебе мало. Для этого нужно или несколько лет учиться, или встроить в мозг более мощные машины, которые создают когнитивные уровни. Мы читаем все это почти подсознательно.

Сейчас Галиана была одета иначе. Клавэйн по-прежнему смутно видел очертания ее серого комбинезона, но вокруг него появились подвижные завитки света – они разворачивались в цепочки символов булевой алгебры. В ее волосах, словно ангелы, плясали рисунки. Едва заметная паутина мыслей связывала ее с другими сочленителями.

Галиана сияла нечеловеческой красотой.

– Ты сказала, что дело обстоит намного хуже, – произнес Клавэйн. – А сейчас готова показать мне?

Галиана снова отвела его к Фелке. Они миновали детские комнаты, единственными обитателями которых теперь были механические зверушки. Фелка свою детскую не покидала.

В прошлый раз Клавэйн был потрясен при виде этой девочки, но назвать причину потрясения он бы не смог. Было что-то такое в целеустремленности, проявлявшейся в ее действиях, в нечеловеческой сосредоточенности, словно судьба вселенной зависела от исхода ее игры. Со

времени его посещения ни Фелка, ни комната не изменились. Обстановка была такой же строгой, даже угнетающей. Казалось, что Клавэйн и Галиана покинули ее лишь мгновение назад, словно начало войны и нападение на Гнездо – битва, в которой лишь наступила передышка, – были видениями из чужого кошмарного сна; ничто не могло отвлечь Фелку от ее занятия.

И это занятие повергло Клавэйна в благоговейный ужас.

Раньше он видел, как она делает странные пассы. Теперь имплантаты в его голове позволили понять, какую цель она преследует. Вокруг Фелки, окружая ее, словно защитный вал, высилась призрачная копия Великой Марсианской Стены.

Она что-то делала со Стеной.

Клавэйн понял, что это не точное изображение. Стена Фелки выглядела гораздо выше, чем настоящая. А ее поверхность не была невидимой мембраной, как у настоящей стены, но походила на травленое стекло. На этой поверхности были вытравлены филигранные линии и узлы, становившиеся все меньше и меньше, наконец они превращались в смутные очертания. Стена колебалась и меняла цвет, и теперь Клавэйн видел, что Фелка реагировала на эти изменения с пугающей быстротой. Казалось, цветовые переливы предупреждали о какой-то опасности, угрожавшей части Стены, и, прикасаясь к ним, действуя при помощи своего тактильного кода, Фелка могла изменять узоры, блокируя и нейтрализуя опасность, прежде чем та успевала распространиться.

– Я не понимаю, – произнес Клавэйн. – Думал, что мы разрушили Стену, полностью уничтожили ее системы.

– Нет, – возразила Галиана. – Вы лишь нанесли ей некоторый ущерб. Остановили ее рост, лишили возможности корректно ликвидировать повреждения... Но на самом деле вы не убили ее.

Клавэйн понял, что Сандра Вой догадывалась об этом. Она удивлялась, как Стена могла просуществовать так долго.

Галиана рассказала ему все остальное – как им удалось пятнадцать лет назад установить связь Гнезда со Стеной при помощи оптических кабелей, проложенных глубоко под занятой червями зоной.

– Мы приостановили разрушение Стены при помощи программ, выполняемых примитивными машинами, – говорила она. – Но когда родилась Фелка, мы обнаружили, что она может выполнять эту работу не хуже компьютеров, в каком-то смысле даже эффективнее. Казалось, ей даже лучше от этого становилось. Словно в Стене она нашла... – Галиана помолчала несколько мгновений. – Я хотела сказать – нашла друга.

– И почему же не сказала?

– Потому что Стена – всего лишь машина. А это значит, что, если Фелка имеет с ней что-то общее... кто же тогда она сама?

– Одиноким ребенок, вот кто. – Клавэйн наблюдал за манипуляциями девочки. – Кажется, она движется быстрее, чем раньше. Это возможно?

– Я же сказала тебе: ситуация ухудшилась. Фелке приходится работать напряженнее, чтобы удержать Стену от разрушения.

– Должно быть, Уоррен задел Стену, – предположил Клавэйн. – Возможность ее разрушения всегда фигурировала в наших планах новой войны как случайное обстоятельство. Но я не думал, что это произойдет так скоро. – Он снова посмотрел на Фелку. Ему показалось или она в самом деле ускорила движения с того момента, как взрослые вошли в комнату? – Как думаешь, долго еще она выдержит?

– Не слишком, – ответила Галиана. – Откровенно говоря, я думаю, что она уже потерпела поражение.

Это была правда. Взглянув пристальнее на призрачную Стену, Клавэйн заметил, что ее верхний край уже не является математически строгим кольцом; там образовались десятки кро-

печных дыр с зазубренными краями, которые все расширялись. Фелка уделяла все больше внимания этим отверстиям, она приказывала структуре стены подводить энергию и строительные материалы к этим критическим точкам. Когда Клавэйн представлял себе, какими процессами управляет на расстоянии Фелка, ему становилось страшно. Внутри Стены располагалась лимфатическая система, на периферии к ней присоединялись подводящие шланги диаметром от нескольких метров до долей миллиметра; жестами девочка устанавливала связь между поврежденными участками и фабриками, расположенными в толще Стены, которые производили требуемый тип роботов. Галиана сказала, что Фелка более десяти лет удерживала Стену от распада, но большую часть этого времени ее противниками были лишь естественный процесс ветшания и случайные повреждения. Теперь, когда Стену снова атаковали, положение изменилось. В этой игре у нее не было шансов.

Движения Фелки ускорялись, теряли плавность. Лицо оставалось бесстрастным, но по движениям глаз, все быстрее рыскавшим от одной точки к другой, можно было уловить первые признаки паники. И неудивительно: самые глубокие трещины уже прогрызли четверть пути до основания Стены, и они были слишком широки, чтобы их можно было заполнить. Стена распадалась по этим трещинам, через них наружу уносились кубические километры атмосферы. Сначала потеря давления должна казаться неизмеримо малой, потому что у верхнего края Стены цилиндр воздуха лишь чуть плотнее марсианской атмосферы. Но это лишь сначала...

– Нужно уйти вглубь, – сказал Клавэйн. – Когда Стена рухнет, нам нипочем не выжить, если останемся у поверхности. Возникнет самое мощное торнадо в истории.

– А что предпримет твой брат? Сбросит на нас ядерную бомбу?

– Нет, вряд ли. Уоррен хочет завладеть всеми технологиями, которые ты скрываешь. Он дождетсЯ, когда стихнет пылевая буря, и нападет на Гнездо с армией в сотню раз большей, чем вы видели до сих пор. Ты не сможешь сопротивляться, Галиана. Если повезет, ты попадешь в плен.

– Пленных не будет, – твердо сказала Галиана.

– Собираетесь погибнуть в бою?

– Нет. И массовое самоубийство также не входит в наши планы. В этом нет необходимости. К тому времени, когда твой брат доберется сюда, в Гнезде никого не останется.

Клавэйн вспомнил о червях, окружавших их; о том, как малы шансы оказаться в безопасности, если придется идти мимо роботов.

– Секретные тоннели под зоной червей? Надеюсь, ты говоришь серьезно.

– Серьезно, как никогда, – ответила Галиана. – Да, существует секретный тоннель. Оставшиеся дети уже прошли по нему. Но он расположен не под зоной червей.

– Где же тогда?

– Немного дальше отсюда.

Когда они снова проходили через медицинский центр, там было пусто, лишь несколько роботов с лебедиными шеями терпеливо дожидались новых пострадавших. Клавэйн и Галиана оставили Фелку чинить Стену; ее руки мелькали с безумной быстротой, она пыталась отдалить крах. Клавэйн уговаривал ее идти с ними, но Галиана сказала, что он напрасно тратит время: девочка скорее умрет, чем расстанется со Стеной.

– Ты не понимаешь, – объяснила Галиана. – Ты наделяешь ее человеческими качествами. Поддержание существования Стены – единственное занятие в ее жизни, это для нее важнее любви, боли, смерти – всего, что я или ты считаем человеческим.

– А что случится с ней, если Стена рухнет?

– Ее жизнь закончится.

Он оставил девочку неохотно, сгорая от стыда. С точки зрения логики это был лучший выход: без помощи Фелки Стена рухнула бы гораздо быстрее и они наверняка погибли бы

вместе с безумной девочкой. Насколько глубоко им нужно спрятаться, чтобы не засосало в воронку? Останется ли невредимой хотя бы часть Гнезда?

Коридоры, по которым они спускались, были такими же серыми и холодными, как прежде. В стенах не было энтоптических генераторов, на которые реагировали имплантаты в голове Клавэйна, и даже светлая аура Галианы исчезла. Они встретили лишь нескольких сочленителей, и те, похоже, двигались в том же направлении – вниз, к основанию Гнезда. Эта территория была незнакома Клавэйну.

Куда же ведет его Галиана?

– Если у тебя с самого начала имелся выход, почему ты сразу не отправила туда детей?

– Я же сказала, что мы не могли так быстро приобщить их к Транспросвещению. Чем младше дети, тем сложнее с этим, – объяснила Галиана. – Но теперь...

– Ждать больше нельзя, верно?

Наконец они оказались в комнате с таким же эхом, как и в ангаре наверху. Здесь было темно, за исключением нескольких светлых островков, но в тени Клавэйн различил поврежденное землеройное оборудование, погрузочные поддоны, краны и деактивированных роботов. Пахло озоном. Здесь продолжалась какая-то деятельность.

– Это завод, на котором строятся корабли? – спросил Клавэйн.

– Да, мы делаем здесь кое-какие части, – подтвердила Галиана. – Но это было побочное производство.

– А основное?

– Основное – это тоннель, разумеется. – Галиана включила свет.

В дальнем конце помещения, куда они направлялись, находилось несколько цилиндрических предметов с заостренными концами, напоминавших гигантские артиллерийские снаряды. Они стояли на рельсах, друг за другом. Рядом с верхушкой первого «снаряда» в стене виднелось темное отверстие. Клавэйн хотел было что-то спросить, как вдруг раздалось громкое гудение и первый «снаряд» исчез в дыре. Остальные – их осталось три – медленно подъехали к дыре и остановились. Сочленители ждали своей очереди, чтобы забраться внутрь.

Он вспомнил слова Галианы о том, что в Гнезде никого не останется.

– Что здесь происходит?

– Это путь из Гнезда, – объяснила Галиана. – И с Марса, хотя, думаю, ты уже сам кое о чем догадался.

– С Марса не сбежать, – возразил Клавэйн. – Заграждение работает надежно. Разве ты не убедилась в этом после гибели своих кораблей?

– Корабли были отвлекающим приемом, – сказала Галиана. – Мы хотели внушить вам, что по-прежнему пытаемся улететь, а на самом деле наш путь уже действовал.

– Дорого же вам обошелся этот отвлекающий прием.

– Не так уж дорого. Я солгала тебе, сказав, что мы не проводили клонирования. Мы занимались этим, но лишь для того, чтобы создавать тела без мозга. Еще до старта корабли были полны трупов.

В первый раз с той минуты, как Клавэйн покинул Деймос, он улыбнулся – ему показался забавным столь явный перекосяк в мышлении Галианы.

– Разумеется, была еще одна цель, – добавила она. – Эти корабли провоцировали вас на прямую атаку Гнезда.

– Значит, все было задумано заранее?

– Да. Нам требовалось привлечь ваше внимание, чтобы вы сосредоточили вооруженные силы на низкой орбите, поблизости от Гнезда. Разумеется, мы надеялись, что нападение начнется позже... но мы не знали о заговоре Уоррена.

– Значит, вы что-то замыслили.

– Вот именно. – Следующий «снаряд» нырнул в дыру, на впускных рельсах потрескивал озон. Теперь «снарядов» осталось только два. – Мы можем поговорить позже. Времени мало. – Она создала в его визуальном поле изображение Стены, наполовину испещренной гигантскими трещинами. – Она рушится.

– А Фелка?

– Все еще пытается спасти ее.

Он взглянул на сочленителей, которые забирались в первый «снаряд», и попытался угадать, куда они полетят. Может, это какое-нибудь знакомое ему убежище, а может, край столь же запредельный для его понимания, как и загробный мир? Найдутся ли у него силы выяснить? Возможно. В конце концов, ему нечего терять, он наверняка не вернется домой. Но если он последует в изгнание за Галианой, то всегда будет мучиться от мысли, что бросил Фелку.

Ответ, когда он пришел, оказался прост.

– Я возвращаюсь за ней. Если ты не можешь меня ждать, не жди. Но не пытайся остановиться.

Галиана медленно покачала головой:

– Даже если ты ее спасешь, она не поблагодарит.

– Может быть, позже, – ответил он.

Было такое чувство, будто он возвращается в горящий дом. Если вспомнить, что говорила Галиана о Фелке – что, строго выражаясь, девочка мало чем отличается от автомата, – его поступок не имеет смысла, это просто самоубийство. Но если он ее бросит, то сам перестанет быть человеком. Он совершенно неверно понял слова Галианы о том, что девочка дорога сочленителям. Решил, что они привязаны к ней... а Галиана имела в виду, что этот ребенок обеспечивает их существование. Теперь, когда Гнездо покинуто, в ней больше не нуждаются. Неужели Галиана сама стала холодна, как машина, или она всего лишь до крайности реалистична?

После одного-двух ошибочных поворотов он нашел детскую и комнату Фелки. Его имплантаты снова создавали в воздухе призрачные картины. Теперь огромные расщелины в Стене достигали поверхности Марса. От Стены откалывались куски размером с айсберг, они лежали на марсианской пыли, словно гигантские осколки стекла.

Это была не просто очередная трудная фаза игры. На сей раз Фелка была не в силах победить, и было видно, что она все понимает. Девочка по-прежнему неистово размахивала руками, но лицо покраснело, его исказила гримаса обиды, гнева и страха.

Казалось, она впервые заметила чужое присутствие.

Что-то проникло сквозь ее скорлупу, решил Клавэйн. Впервые за многие годы произошло событие, с которым она не смогла справиться; событие, угрожающее разрушить аккуратную геометрическую вселенную, созданную ею для себя. Может быть, она и не отличала его лицо от лиц остальных людей, окружавших ее, но она наверняка поняла что-то... поняла, что мир взрослых гораздо больше ее мира и что только оттуда может прийти спасение.

А затем она сделала вещь, которая потрясла Клавэйна до глубины души. Она взглянула ему прямо в глаза и протянула руку.

Но он ничем не мог ей помочь.

Потом – ему показалось, что прошли часы, хотя на самом деле миновало минут двадцать-тридцать, – Клавэйн обнаружил, что снова может нормально дышать. Они покинули Марс – Галиана, Фелка и он, летя в последнем «снаряде».

И они были еще живы.

Вакуумный тоннель, по которому двигался «снаряд», представлял собой неглубокую дугу, пробуренную в толще Марса и соединившую две точки его поверхности. Тоннель выхо-

дил наружу на расстоянии двух тысяч километров от Гнезда, далеко за пределами Стены, где атмосфера была такой же разреженной, как и на всей планете. Для сочленителей пробурить тоннель было не слишком трудной задачей. Подобный коридор невозможно было бы создать на планете, поверхность которой образована тектоническими плитами, но под литосферой Марса находился неподвижный пласт коры. Им не пришлось даже беспокоиться об отходах. С помощью каких-то фокусов с пьезоэлектричеством извлеченный грунт сжимали, сплавляли и использовали для укрепления стен тоннеля, и эти стены выдерживали чудовищное давление. «Снаряд» непрерывно ускорялся, и ускорение составляло три единицы за шесть секунд.

Сиденья наклонились назад и обхватили пассажиров, к ногам было приложено давление, чтобы поддерживать кровоток к мозгу. И все же было тяжело думать, не то что двигаться. Но Клавэйн знал, что самым первым космоплателям в их вылазках за пределы Земли приходилось выдерживать и не такие перегрузки. И он испытал подобные мучения на войне при запусках боевых ракет.

Двигаясь со скоростью десять километров в секунду, они достигли поверхности и вылетели через замаскированный люк. На миг в них вцепилась атмосфера... но почти сразу же Клавэйн почувствовал замедление: разгон закончен. И действительно, поверхность Марса быстро удалялась.

Через тридцать секунд они очутились в космосе.

– Сенсорная сеть Заграждения не может засечь нас, – сказала Галиана. – Вы расположили лучшие спутники-шпионы прямо над Гнездом. Тут, Клавэйн, вы дали маху – не зря мы старались привлечь ваше внимание, выпуская корабли. Сейчас мы далеко за пределами чувствительности ваших сенсоров.

Клавэйн кивнул:

– Но когда удалимся от поверхности, нам все равно несдобровать. Мы будем выглядеть просто как корабль, пытающийся уйти в дальний космос. Может, сеть обнаружит нас не сразу, но в конце концов это все же случится.

– Это случилось бы, – возразила Галиана, – если бы мы действительно направлялись в дальний космос.

Рядом с ним пошевелилась Фелка. Она впала в нечто вроде кататонии. Разлука со Стеной подорвала самые основы ее существования, теперь она летела в бездну бессмыслицы. Возможно, подумал Клавэйн, она будет падать туда вечно. Если так, то он лишь отдалил ее гибель. Неужели все так плохо? Может, он зря тешит себя надеждой, что когда-нибудь роботам Галианы удастся исправить вред, который им подобные нанесли десятью годами ранее? Конечно же, они могут попытаться.

Это зависит от того, куда направляется корабль. Сначала Клавэйн решил, что цель – одно из Гнезд сочленителей в Солнечной системе, хотя не похоже, что пассажиры доживут до конца путешествия. При скорости десять километров в секунду это может занять вечность...

– Куда ты нас везешь? – спросил он.

Галиана мысленно отдала некую команду, и корпус «снаряда», казалось, стал прозрачным.

– Туда, – указала она.

Далеко впереди возникло какое-то пятно. Галиана увеличила изображение, и объект стал виден лучше.

Темный, бесформенный. Похож на Деймос, только без укреплений.

– Фобос, – произнес пораженный Клавэйн. – Мы летим на Фобос.

– Да, – ответила Галиана.

– Но как же черви...

– Червей больше нет. – Она говорила с тем же терпением учителя, с каким Ремонтуар не так давно разговаривал с Клавэйном на ту же тему. – Ваши попытки изгнать червей потерпели

неудачу. Вы сочли, что и наша последующая попытка также провалилась... Но мы лишь хотели заставить вас думать так.

На мгновение он лишился дара речи.

– Так все это время на Фобосе были твои люди?

– Да, с момента прекращения огня. И они не теряли времени.

Фобос изменился. Было снято несколько верхних слоев, и открылось блестящее устройство, спрятанное в его центре, готовое к полету. Клавэйн в жизни не видел ничего подобного, но назначение этой вещи было очевидно. Ничего похожего не было создано за всю историю человечества.

Перед ним был звездолет.

– Скоро отправимся, – сообщила Галиана. – Разумеется, нас попытаются остановить. Но сейчас их силы сосредоточены у поверхности, так что не выйдет. Мы оставляем Фобос и Марс и посылаем сообщения другим Гнездам. Если они смогут вырваться и добраться до нас, мы заберем и их. Мы улетаем из этой системы.

– Куда вы направляетесь?

– Ты хотел сказать, куда мы направляемся? Ведь ты летишь с нами. – Она сделала паузу. – Есть несколько подходящих систем. Наш выбор зависит от траектории кораблей Коалиции, которые отправятся в погоню.

– А как насчет демархистов?

– Им нас не остановить. – Это было сказано с абсолютной уверенностью.

Что означает эта уверенность? Демархисты знают о корабле? Возможно. Давно ходят слухи о том, что демархисты и сочленители ближе, чем хотят казаться.

– А изменения орбиты, вызванные червями?

– Это побочный результат нашей работы, – сказала Галиана. – Ничего не могли с этим поделаться. Каждый раз, посылая баллон к Фобосу, мы сталкивали его на новую орбиту. Даже после того как мы отправили тысячу баллонов, эффект был мизерным: скорость Фобоса изменилась меньше чем на одну десятую миллиметра в секунду. Но скрыть это было невозможно. – Она посмотрела на Клавэйна с некоторой озабоченностью. – Прибудем через три с лишним минуты. Ты хочешь жить?

– Что?

– Подумай вот о чем. Длина трубы на Марсе – две тысячи километров, и это позволило нам разогнаться в течение шести минут. Поэтому ускорение там не превысило трех *g*. Но на Фобосе для такой трубы просто нет места. Мы будем тормозить гораздо резче.

У Клавэйна волосы на затылке встали дыбом.

– Насколько быстро?

– Полное торможение за одну пятую секунды. – Галиана дала ему время осмыслить услышанное. – Пятикратная перегрузка.

– Мне этого не выдержать.

– Да, сам бы не выдержал. Но у тебя в голове имплантаты. Они еще успеют построить в мозгу структурирующую сетку. Я заполню кабину пеной. Мы все умрем, но ничего непоправимого не произойдет – на Фобосе все исправят.

– Это не просто структурирующая сетка, да? Я стану похожим на тебя, исчезнут все различия.

– Да, ты станешь сочленителем. – Галиана едва заметно улыбнулась. – Процедура обратима. Просто никто еще не захотел вернуться назад.

– И ты еще говоришь, что все это не было задумано?!

– Это не так, но я и не жду, что ты мневеришь. Хотя... Не знаю, имеет ли это значение... Ты хороший человек, Клавэйн. Ты можешь принести пользу Транспросвещению. Возможно, подсознательно я... то есть мы...

– Ты всегда надеялась, что дело этим кончится?

Галиана улыбнулась.

Клавэйн посмотрел на Фобос. Даже без увеличения тот стал явно больше. Очень скоро они прилетят. Хотелось бы поразмыслить об этом подольше, но время было не на его стороне. Клавэйн взглянул на Фелку и подумал: кому из них это путешествие кажется более странным? Фелке с ее поиском смысла жизни без ее возлюбленной Стены или его путешествие в Транс-просвещение? Так получилось, что ни то ни другое не будут легкими. Но вместе, возможно, они найдут способы помочь друг другу. Сейчас ему оставалось надеяться только на это.

Клавэйн согласно кивнул, готовый к тому, что рой машин опутает его мозг.

Он был готов дезертировать.

Ледник⁵

Невил Клавэйн осторожно выбирал дорогу в ледяном крошеве. Белое поле простиралось во все стороны, изрезанное трещинами с глянцевыми отвесными стенами. Самые крупные разломы были нанесены на карту еще до посадки, однако он по-прежнему опасался сюрпризов, и каждый раз, когда нога с треском проваливалась сквозь наст, у него перехватывало дыхание. Он прекрасно сознавал, как опасно отклоняться от красной полосы, проведенной его имплантатами поверх ледяной равнины.

Стоило только напомнить себе, что произошло с Мартином Сеттерхольмом.

Его тело нашли месяц назад, вскоре после прибытия на планету. Это случилось неподалеку от базы американо, в считанных шагах от высоких куполов огромного заброшенного комплекса и ледяных пещер. Друзья Клавэйна отыскивали десятки мертвецов на самой базе, и большинство из них удалось без труда опознать по списку участников экспедиции. Но Клавэйна беспокоили разломы – не найдутся ли и другие покойники в окружающих базу ледяных полях? Он обследовал лабиринты базы, пока не обнаружил незапертый шлюз, и хотя снегопады давным-давно уничтожили все следы, не приходилось сомневаться, в какую сторону мог направиться отсюда путник.

Задолго до того, как база скрылась за горизонтом, Клавэйн набрел на глубокую расщелину. И на ее дне – едва различимый, даже если свеситься через край, – широко раскинув руки, лежал человек. Клавэйн вернулся за остальными и привел их к расщелине, захватив лебедку, которая опустила его на тридцать-сорок метров в глубину величественного храма из пятнистого рельефного льда. Вскоре он увидел и тело в атмосферном скафандре старой конструкции. Ноги мертвеца жутко изогнуло, словно это были необычно сочлененные конечности существа иной расы. Клавэйн сразу понял, что это мужчина, поскольку шлем при падении сорвался с соединительного кольца и отлетел на несколько метров. Хорошо сохранившееся лицо наполовину утонуло в ледяной подушке.

На Диадеме никто не умирает мгновенно. Здешним воздухом можно дышать, хотя и недолго, так что у мужчины явно было время, чтобы осознать свое незавидное положение. Даже с помутившимся сознанием он должен был понимать, что скоро умрет.

Клавэйн подобрал шлем и прочитал вслух именную табличку на гребне: «Мартин Сеттерхольм».

Он сожалел о случившемся, но невольно почувствовал некоторое удовлетворение от того, что может отчитаться о еще одном найденном. Сеттерхольм числился среди пропавших без вести, и теперь, пусть даже и пролежав здесь без малого сто лет, будет наконец погребен подобающим образом.

Клавэйн едва не пропустил еще кое-что. Сеттерхольму хватило времени процарапать на льду сообщение. Скрытые на самом дне ледника отметины были все еще различимы. Клавэйну показалось, что это три буквы: «И», «В» и «Г».

ИВГ.

Это ничего не говорило Клавэйну, и даже глубокий поиск в коллективной памяти сочленителей выдал лишь горстку худо-бедно подходящих кандидатов. Наименее нелепым из них выглядел «искусственно возбужденный гаметогенез», но даже это никак не могло быть связано с Сеттерхольмом. С другой стороны, судя по архивам базы, он был биологом. Что, если сообщение открывает ледяную душу правду о том, чем занималась колония на Диадеме: биологическими экспериментами, вышедшими из-под контроля самым ужасающим образом? Может быть, что-то связанное с червями?

⁵ Перевод С. Удалина.

Однако со временем точные детали смерти Сеттерхольма начали ускользать из сознания, потрясенного огромным количеством погибших. Так или иначе, это был вовсе не уникальный случай, а лишь еще один пример того, как умерло большинство из них: не насильственная смерть и не самоубийство, а результат собственной беспечности, безрассудства и элементарной глупости. Они забыли или просто перестали выполнять основные правила безопасности, – например не заходить в зону трещин без необходимого снаряжения. Оборудование использовалось безграмотно, медикаменты применялись как попало. Иногда растяпы никого не утаскивали с собой в могилу, но нередко жертв было больше. И все это произошло очень быстро.

Галиана говорила о своего рода психозе, другие сочленители рассуждали об интегральном невральном состоянии генофонда всей колонии, долгое время никак себя не проявлявшем, пока его не активировал внешний сигнал.

Не отвергая версии своих друзей, Клавэйн не мог отделаться от мыслей о червях. В конце концов, они были повсюду, и американо несомненно интересовались ими, в особенности Сеттерхольм. Прижавшись визором ко льду, Клавэйн и сам заметил, что черви добрались даже до тех глубин, где нашел свою смерть этот человек. Их тонкие ходы пронизывали вертикальные ледяные стены, словно рукава речной дельты, с темными узлами размножения в тех местах, где пересекались самые крупные тоннели. Крохотные черные черви наводнили ледник, и это лишь одна колония из миллионов, разбросанных по всей замерзшей части Диадемы. Биомасса червей в одной колонии должна составлять по меньшей мере десятки тонн. Может быть, исследуя этих тварей, американо выпустили на свободу нечто такое, что разрушило их разум и превратило их в нетвердо стоящих на ногах идиотов?

Он ощутил безмолвное присутствие Галианы в дальнем уголке своего разума – там, где еще минуту назад ее не было.

– Мы готовы отправиться дальше, Невил, – сказала она.

– Ты уже закончила с развалинами?

– Они не представляют большого интереса. Всего лишь склады с оборудованием. К северу есть еще какие-то заброшенные постройки. Нам необходимо их осмотреть, и лучше бы добраться туда до наступления темноты.

– Но я отлучился всего на полчаса...

– На два часа, Невил.

Клавэйн недоверчиво посмотрел на наручный дисплей, и оказалось, что Галиана права: он действительно провел в одиночестве на леднике все это время. Вдали от остальных оно всегда протекало незаметно, как сон утомленного человека. Пожалуй, это точная аналогия: во сне мозг млекопитающего отдыхает от обработки поступающей извне информации, пропуская полученный за день опыт через фильтр долговременной памяти, накапливая полезные воспоминания и отбрасывая то, что нет нужды сохранять. И мозг Клавэйна – которому до сих пор необходим был обычный сон – в такие моменты одиночества отдыхал от интенсивного неврального общения с другими сочленителями. Он буквально ощущал, как его нейроны сообщая облегченно вздыхали, когда от них требовалось обрабатывать мысли только одного разума.

Но два часа – это крайне мало.

– Я сейчас, – сказал Клавэйн. – Только возьму образцы червей и вернусь.

– Ты уже набрал сотни этих тварей, Невил, и все они одинаковые. Различия если и есть, то ничтожные.

– Знаю. Но никому ведь не станет хуже, если позволить старому чудаку тешиться своими фантазиями?

Словно подтверждая эти слова, Клавэйн опустился на колени и зачерпнул поверхностный лед в контейнер для образцов. Похожие на пиявок черви так изрешетили все вокруг, что он наверняка захватил несколько особей, хотя убедиться в этом мог только по возвращении

в лабораторию шаттла. Если повезет, в контейнер может попасть даже узел размножения с несколькими десятками червей, занятых сложной и продолжительной оргией, включающей спаривание и поедание себе подобных. Потом он проведет такое же комплексное исследование, какое проделывал со всеми остальными образцами, пытаясь выяснить, почему американцы потратили столько сил на их изучение. И несомненно, получит точно такие же результаты, что и прежде. Черви никогда не менялись: никаких поразительных мутаций в каждом сотом или тысячном образце, никаких ошеломляющих биохимических фокусов с их организмами. Они выделяли несколько простейших ферментов, поедали пыльцу и закованные в лед водоросли, ползали по трещинам и, встречая других червей, неосознанно подчинялись законам жизни, смерти и размножения.

Вот и все, чем они занимались.

Другими словами, Галиана права: черви просто превратились для него в удобный предлог побыть вдали от остальных сочленителей.

В начале экспедиции, месяц назад, ему было куда проще оправдывать эти вылазки. Даже некоторые из истинных сочленителей испытывали примитивное человеческое стремление уединиться среди километров причудливо окрашенного, изящно расколотого на кусочки, свободного от мыслей льда. После оставленной позади раздираемой войной Солнечной системы приятно было очутиться в первозданной тишине и покое.

Диадема была планетой земного типа в системе звезды Росс 248. Здесь имелись океаны и полярные шапки, тектонические плиты и признаки довольно развитой многоклеточной жизни. Растения уже оккупировали почву, а за ними двинулись и некоторые животные – аналоги членистоногих, моллюсков и червей. Даже самые крупные из обитавших на суше все еще оставались мелкими по земным стандартам, а у водных до сих пор не сформировался внутренний скелет. Ничто пока не свидетельствовало о зачатках разума, но это было не такое уж и сильное разочарование. Целой человеческой жизни не хватило бы на то, чтобы изучить фантастический диапазон жизненных форм, метаболизма и стратегий выживания, стихийно развившихся на Диадеме.

Однако еще до того, как Галиана послала туда первый исследовательский шаттл, открылась ошеломляющая правда.

Кто-то побывал на Диадеме раньше.

Ошибки быть не могло: радары отметили металлические отблески на поверхности планеты. Тщательный осмотр с орбиты показал, что эти заброшенные постройки и оборудование явно земного происхождения.

– Это невозможно, – заявил Клавэйн. – Мы должны быть первыми. Мы не можем не быть первыми. Никто еще не построил корабля, равного «Сандре Вой», способного улететь так далеко.

– Возможно, где-то здесь кроется ошибочное предположение, – ответила Галиана. – Тебе так не кажется?

Клавэйну оставалось лишь смиренно кивнуть.

И вот теперь – позже, чем он обещал, – Клавэйн вернулся к поджидавшему его шаттлу. Безопасная красная дорожка вывела его прямо к трапу под брюхом корабля. Он поднялся, миновал прозрачную мембрану, перекрывающую входной люк, и скафандр почти полностью соскользнул с него при соприкосновении с ней. К тому времени, когда Клавэйн оказался внутри, на нем не было ничего, кроме легкой дыхательной маски и устройства связи. Он мог бы даже обнаженным прожить какое-то время снаружи – в атмосфере Диადемы хватало кислорода, чтобы поддерживать человеческую жизнь, – но Галиана стремилась не допустить любого смешивания микроорганизмов.

Он вернул оборудование в свой шкафчик, поставил контейнер с червями на стеллаж холодильной камеры, оделся в тонкие, как бумага, брюки и тунику, а затем направился в кормовой отсек.

Галиана и Фелка сидели лицом друг к другу в строго обставленной каюте с голыми стенами. Обе смотрели в пустое пространство, не встречаясь взглядами. Они напоминали повздоривших между собой мать и дочь, чей разговор зашел в тупик. Клавэйн знал, в чем тут дело.

Он отдал хорошо отрепетированную мысленную команду, открывшую его разум для общения с остальными. Это было похоже на крошечную брешь в плотине – он никогда не успевал как следует подготовиться к хлынувшему на него потоку информации. Каюта изменилась: стены истекали яркими красками, сплетающимися в замысловатые узоры, которые пронизывали теперь все помещение. Галиану и Фелку, мгновением раньше неброско одетых, окутала вуаль света, делая их невероятно, сверхчеловечески прекрасными. Клавэйн улавливал их мысли так, словно подслушивал оживленный разговор за дверью. Большая часть этих мыслей не была выражена словами. Галиана и Фелка увлеченно играли в абстрактную логическую игру. Между ними в воздухе парила световая решетка, напоминающая безумно сложную схему трубопроводов нефтеперегонного завода. Она постоянно перестраивалась, цветные потоки переливались туда и обратно вслед за изменениями геометрии. Примерно половина труб была зеленой, другая половина – сиреневой, а затем первых вдруг стало значительно больше, чем вторых.

Фелка засмеялась, она выигрывала.

Галиана сдалась и откинулась на спинку кресла с утомленным вздохом, но и с улыбкой.

– Прошу извинить, я отвлек тебя своим появлением, – сказал Клавэйн.

– Нет, ты лишь ускорил неизбежное. Боюсь, что Фелка всегда будет меня обыгрывать.

Девочка снова улыбнулась, по-прежнему не говоря ни слова, хотя Клавэйн и ощущал ее торжество; резкая эмоция на мгновение затмила собой все остальное, даже усталое смирение Галианы.

Фелка была результатом неудачного эксперимента сочленителей по воздействию на внутриутробное развитие мозга, ребенком, обладающим скорее машинным, нежели человеческим, мышлением. Когда Клавэйн впервые встретился с ней в Гнезде Галианы на Марсе, девочка была полностью сосредоточена на труднодостижимой бесконечной игре – управляла хрупкими процессами самовосстановления терраформирующей системы, известной как Великая Марсианская Стена, за которой и скрывалось Гнездо. Люди ее не интересовали, она даже не различала их лица. Однако перед самой эвакуацией Гнезда Клавэйн спас ее, рискуя собственной жизнью, хотя Галиана и уверяла его, что милосердней будет позволить девочке умереть. Привыкая к жизни в сообществе Галианы, Клавэйн поставил перед собой цель помочь Фелке развить скрытую в ней человечность. Постепенно она начала проявлять признаки узнавания, вероятно ощущая некое родство между ними – двумя чужаками, неуверенно бредущими по дороге к загадочному новому свету.

Галиана поднялась с кресла, окутанная пеленой света.

– Так и так пора было заканчивать игру. У нас много работы. – Она посмотрела на девочку, все еще разглядывавшую световую решетку. – Извини, Фелка. Может быть, потом еще поиграем.

– Как у нее дела? – спросил Клавэйн.

– Она смеется, Невил. Это ведь прогресс, правильно?

– Я бы сказал, все зависит от того, из-за чего она смеется.

– Она обыграла меня. И ей это кажется забавным. Я бы сказала, что это чисто человеческая реакция. Ты так не считаешь?

– Мне бы доставило больше удовольствия, если бы она узнавала мое лицо, а не запах или звук шагов.

– Ты единственный среди нас, кто носит бороду, Невил. Чтобы заметить это, не требуется напряженной работы мозга.

Входя в кабину шаттла, Клавэйн демонстративно почесал подбородок. Ему нравилась его борода, пусть даже подстриженная чуть ли не до величины седой щетины, чтобы без всякого труда надевать и снимать дыхательную маску. Это была связь с прошлым, такая же, как его воспоминания или как морщины, которые Галиана умышленно сохранила, когда модифицировала его тело.

– Конечно же, ты права. Просто иногда приходится напоминать себе, как далеко мы ушли вперед.

Галиана улыбнулась – у нее получалось все лучше, хотя в улыбке по-прежнему чувствовалась какая-то натянутость, – и заправила за уши пряди черных с проседью волос.

– Я говорю себе то же самое, когда думаю о тебе, Невил.

– Мм... Но все же я прошел немалый путь, правда?

– Да, но это вовсе не означает, что путь впереди не окажется значительно длинней. Я могла бы вложить эту мысль тебе в голову за микросекунду, если бы получила твое разрешение... но ты по-прежнему настаиваешь, чтобы мы общались, производя горловой шум, словно обезьяны.

– Что ж, это полезное упражнение для тебя, – сказал Клавэйн, надеясь, что не выдал своего раздражения.

Они заняли соседние кресла, приборные дисплеи плавно перешли в режим взлета. Имплантаты давали Клавэйну возможность управлять кораблем, не прикасаясь к приборам, но он, как старый солдат, предпочитал ручное управление. Поэтому имплантатам пришлось создать воображаемый джойстик с кнопками и рычажками, и когда Клавэйн вытянул руку, чтобы сжать его, то ощутил под пальцами что-то твердое. Он вздрогнул при мысли о том, как тонко было изменено его восприятие реального мира, чтобы поддерживать эту иллюзию, но через несколько минут уже обо всем позабыл, поглощенный радостью полета.

Он поднял шаттл в воздух, а затем перевел на горизонтальный курс к пятой за этот день группе построек. Внизу скользили километры льда, лишь изредка прерываемого выступающими хребтами и участками сухой, усеянной валунами земли.

– Говоришь, всего несколько домишек?

Галиана кивнула:

– Пустая трата времени, но мы обязаны все проверить.

– Удалось приблизиться к пониманию, что у них произошло?

– Они погибли практически в одночасье. В основном в результате несчастных случаев, вызванных нарушением нормального мышления, хотя двое-трое могли умереть и потому, что оказались более восприимчивы к токсину, чем остальные.

Клавэйн улыбнулся одержанной маленькой победе.

– Значит, теперь ты рассматриваешь вариант отравления, а не психоза?

– Отравление трудней объяснить, Невил.

– Может быть, дело в червях Мартина Сеттерхольма?

– Маловероятно. Конечно, меры биологической безопасности у экспедиции были не так хороши, как у нас, но все же вполне достаточны. Мы исследовали этих червей и выяснили, что они не несут в себе ничего существенно вредного. Но даже если бы там был нейротоксин, как бы он мог подействовать на всех так быстро? Допустим, лаборанты что-то подцепили, но тогда они должны были слечь первыми и насторожить остальных, однако ничего похожего не произошло.

Она помолчала и добавила, предупреждая его новый вопрос:

– Нет, я не думаю, что случившееся с ними непременно должно нас беспокоить, хотя это и не значит, что я полностью исключаю такую вероятность. Но даже самые старые наши

технологии на столетие опережают лучшее из того, что они имели, и к тому же мы всегда можем отступить на «Сандру Вой», если наткнемся на что-то такое, с чем наномеды в наших головах не смогут справиться.

Клавэйн старался лишний раз не вспоминать о роях субклеточных машин, наполнивших – и отчасти вытеснивших – его мозг, но иногда это было неизбежно. Он все еще болезненно реагировал на эту идею, хотя уже мягче, чем прежде. Однако сейчас он воспринимал их скорее как союзников, такую же неотъемлемую часть организма, как иммунная система. Галиана права: они воспрепятствуют любым попыткам вмешательства в то, что можно считать нормальной работой его мозга.

– И все же, – сказал он, не желая отказываться от своей излюбленной версии, – ты должна признать: американо, и особенно Сеттерхольм, заинтересовались этими червями. Чрезмерно заинтересовались, если уж на то пошло.

– Кто бы говорил.

– О, у меня интерес сугубо следственный. И я невольно сопоставляю одно с другим. Они интересовались червями. И они сошли с ума.

Конечно же, это была слишком упрощенная схема. Очевидно, черви привлекли внимание лишь небольшой части американо – тех, кто занимался ксенобиологией. Судя по собранным сочленителями сведениям, инициатором этих исследований был Сеттерхольм – тот человек, чей труп Клавэйн обнаружил на дне расщелины. Сеттерхольм отправлялся в далекие путешествия по снежным пустыням Диадемы, взяв себе в помощь горстку единомышленников. Он находил червей, объединенных в огромные колонии, на десятках ледниковых полей. Остальные члены экспедиции по большей части не ограничивали его активность, даже притом что им приходилось напрягать все силы в ежедневной борьбе за выживание в чужом, враждебном мире.

Положение усложнилось задолго до того, как все они умерли. Самовоспроизводящиеся роботы, которых они привезли с собой, вышли из строя много лет назад, обрекая тем самым хрупкие системы жизнеобеспечения на медленную смерть: каждая новая неисправность устранялась с большим напряжением сил, чем предыдущая. На Диадеме становилось все холодней – планета сползала в затяжной ледниковый период. К несчастью для американо, они прибыли на планету в момент наступления многовековой зимы. «С тех пор холод только усилился, – подумал Клавэйн. – Полярные шапки тянутся навстречу друг другу, словно влюбленные после долгой разлуки».

– Что бы это ни было, оно произошло очень быстро, – задумчиво проговорил Клавэйн. – Они уже покинули большую часть отдаленных баз, снова сгрудившись в главном поселении. К тому времени им уже едва хватало запчастей и технических знаний, чтобы обслуживать единственную термоядерную установку.

– Которая тоже отказала.

– Да, но это не имело большого значения. Установка не могла работать сама по себе, ее постоянно требовалось ремонтировать. Со временем люди, обладающие необходимыми техническими навыками, подверглись воздействию... неизвестно чего, а потом реактор заглох и они умерли от холода. Но проблемы начались задолго до остановки реактора.

Очевидно, Галиана собиралась что-то возразить. Клавэйн мог заранее определить, когда она заговорит: как будто выброс ее мыслей попадал в его сознание еще до того, как она успевала выразить это словами.

– Да? – произнес он, когда молчание начало затягиваться.

– Я просто вот о чем подумала, – ответила она. – Реактор этого типа... Он ведь не требует редких изотопов, верно? Дейтерия там или трития.

– Нет, только старый добрый водород. Все необходимое можно получить из морской воды.

– Или изо льда, – добавила Галиана.

Они вышли к следующей точке посадки. «Как поганки», – подумал Клавэйн. Полдюжины черных металлических башен, увенчанных куполами жилых модулей и связанных между собой паутиной надземных герметичных переходов. Купола тридцати-сорока метров в поперечнике возвышались над землей на сотню с лишним метров, украшенные узкими окнами, датчиками и антеннами связи. Напоминающий язык выступ самого высокого из них, судя по всему, служил посадочной площадкой. И действительно, подлетев ближе, Клавэйн разглядел, что там уже стоит корабль – один из тех летательных аппаратов с затупленной кромкой крыла, которые американцы использовали для передвижения по планете. Он был припудрен ледяной крошкой, но, вероятно, все еще мог стартовать без долгих уговоров.

Клавэйн с миллиметровой точностью посадил шаттл, полозья остановились на самом краю площадки. Очевидно, она предназначалась только для одного корабля.

– Невил... мне это как-то не нравится, – произнесла Галиана.

Он почувствовал напряжение, но не смог определить, было ли оно его собственным или просочилось в голову из мыслей Галианы.

– Что именно тебе не нравится?

– Этого корабля не должно здесь быть, – объяснила она.

– Почему не должно?

Она тихим голосом напомнила ему, что эвакуация удаленных поселений проводилась в относительном порядке по сравнению с разразившимся позже кризисом.

– Эту базу должны были закрыть и законсервировать вместе со всеми остальными.

– Значит, кто-то остался здесь, – предположил Клавэйн.

Галиана кивнула:

– Или вернулся.

Клавэйн ощутил присутствие третьего, оттенок мыслей просочился в его мозг. В кабину вошла Фелка. Он сразу уловил ее настороженность.

– Ты тоже чувствуешь, – озадаченно произнес он, глядя в лицо ужасно искащенной девочки. – Чувствуешь наше беспокойство. И это не нравится тебе еще больше, чем нам.

Галиана взяла девочку за руку:

– Все в порядке, Фелка.

Должно быть, она говорила вслух исключительно ради Клавэйна. Галиана могла и не открывая рта вложить в голову Фелки успокаивающие мысли, стараясь унять тревогу минимальным невральным воздействием. Клавэйну пришла на ум аналогия с опытным мастером икебаны, достигающим гармонии легким перемещением одного цветка.

– Все будет хорошо, – сказал Клавэйн. – Здесь нет ничего опасного для нас.

Глаза Галианы на мгновение затуманились, когда она связалась с остальными сочленителями на Диадеме и вне ее. Большинство из них до сих пор оставались на борту «Сандры Вой», следя за происходящим с орбиты. Галиана рассказала им о найденном корабле и сообщила, что собирается вместе с Клавэйном проникнуть в здание.

Клавэйн заметил, как Фелка обхватила пальцами запястье Галианы.

– Она тоже хочет пойти, – сказала Галиана.

– Здесь она будет в большей безопасности.

– Она не хочет оставаться одна.

– Мне казалось, – возразил Клавэйн, – что сочленители, то есть мы, никогда не бывают по-настоящему одни, Галиана.

– Внутри здания может оказаться нечто такое, что помешает связи. Будет лучше, если она физически останется рядом с нами.

– Это единственная причина?

На мгновение он ощутил укол ее гнева, обдавшего разум, словно брызги морской воды.

– Нет. Конечно же нет. Она все еще человек, Невил, что бы мы ни сделали с ее разумом. Мы не можем перечеркнуть миллионы лет эволюции. Может быть, она и не видит необходимости в том, чтобы распознавать лица, но чувствует необходимость дружеской поддержки.

Клавэйн поднял руки:

– Никогда не сомневался в этом.

– Тогда зачем же ты споришь?

Клавэйн улыбнулся. Он много раз вел такие разговоры со многими женщинами. На некоторых из них был женат. И снова испытывал странное удовлетворение от этого теперь – за бесчисленные световые годы от дома, пребывая в новом теле, с напичканным машинами мозгом, споря с основательницей того, что должно казаться пугающим и ненавистным коллективным разумом улья. В эпицентре нагромождения странных событий такая перепалка была по-своему приятна.

– Я просто не хочу, чтобы ей причинили вред.

– Ах, вот как? А я хочу?

– Ладно, забудь, – сказал он, скрипнув зубами. – Давай просто войдем туда и поскорее выйдем, хорошо?

База, как и все другие сооружения американо, была построена для будущих поколений. Но не людьми, а тучей усердных самовоспроизводящихся роботов. Вот как американо добрались до Диადемы: их доставили сюда в виде замороженных оплодотворенных клеток в бронированных, защищенных от радиации утробах роботов фон Неймана. Корабли стартовали одновременно к нескольким звездным системам за сотню лет до того, как «Сандра Вой» оставила Марс. После прибытия на Диадему роботы приступили к размножению, копируя себя с использованием местного сырья. Когда их число достигло заданного порога, они перенаправили силы на строительство баз: удобного жилья для человеческих детей, которых позже вырастили в собственном чреве.

– Входная дверь исправна, – сообщила Галиана, когда они, пригнувшись навстречу ветру, подошли к гладкой черной стене купола. – И в ее цепях сохранилась остаточная энергия.

Этот фокус всегда немного нервировал Клавэйна. Сочленители, подобно акулам, были чувствительны к внешним электрическим полям. Галиана зрительно воспринимала электрическую схему дверей как лабиринт призрачных неоновых линий. Она потянулась пальцами к замку.

– Получаю доступ к дверному механизму. Вхожу в контакт.

Клавэйн заметил, как покрылось морщинами под маской лицо Галианы. Так случалось лишь тогда, когда ей приходилось напряженно думать. С вытянутой вперед рукой она походила на чародейку, пытающую сотворить особенно сложное заклинание.

– Мм... – протянула она. – Старые добрые программные протоколы. Ничего сложного.

– Осторожней, – сказал Клавэйн. – Я бы не удивился, если бы здесь установили какую-нибудь ловушку.

– Никакой ловушки тут нет, – ответила она. – Зато есть... да... вербальный код. Ну что ж, была не была. – И она добавила громче, чтобы ее голос достиг двери даже сквозь завывания ветра: – Сезам, откройся.

Сигнальные огни сменили красный цвет на зеленый, дверь тяжело заскользила в сторону, соскребая налет инея, и за ней открылся тускло освещенный внутренний зал. Должно быть, база могла десятилетиями работать на тонкой струйке аварийной энергии.

Галиана переступила порог, а Клавэйн и Фелка замешкались. Она обернулась и с насмешкой позвала:

– Ну же! Вы идете или нет, трусишки?

Клавэйн взял протянутую Фелкой руку, и они вдвоем – старый солдат и девочка, едва улавливающая разницу между лицами, – сделали несколько робких шагов.

– То, что ты нам сейчас показала, – вся эта история с твоей рукой и паролем... – Клавэйн на мгновение умолк. – Это ведь была шутка, правда?

Галиана посмотрела на него с непроницаемым выражением лица:

– С чего ты взял? Каждому известно, что сочленители не обладают даже отдаленным подобием чувства юмора.

Клавэйн кивнул с серьезным видом:

– Я так и подумал, просто хотел убедиться.

Внутри не чувствовалось ни малейшего сквозняка, но все равно было слишком холодно, чтобы снять скафандры, даже если не опасаться заражения. Они прошли по извилистым коридорам, темным или омытым слабым горохово-зеленым светом. По пути то и дело попадались открытые двери в помещения, наполненные оборудованием, но ни одно из них не было похоже на лабораторию или жилую комнату. Затем они спустились по лестницам и очутились в герметичном переходе между «поганками». Клавэйн уже видел базы американо, похожие на эту; они строились так, чтобы могли функционировать, даже постепенно погружаясь в лед.

Мостик привел туда, где, очевидно, располагался главный жилой сектор. Здесь уже были и комнаты отдыха, и спальни, и лаборатории, и кухни – этого хватило бы на команду в пятьдесят-шестьдесят человек. Однако нигде не было трупов, и не возникало впечатления, будто американо покидали свое жилье в спешке. Оборудование аккуратно сложено, на столах не осталось недоеденной пищи. Все вокруг покрывал иней, но это была просто вода, которая выкристаллизовалась из воздуха по мере остывания базы.

– Они рассчитывали вернуться, – сказала Галиана.

Клавэйн кивнул:

– Эти люди даже представить не могли, что их ждет.

Они двинулись дальше, прошли еще по одному мостику и оказались в «поганке», почти целиком предназначенной для биологических лабораторий. Галиане вновь пришлось продемонстрировать ментальный фокус, чтобы провести спутников внутрь; машины в ее голове опять уговорили глупые машины, встроенные в дверной замок. Лаборатории с низкими потолками были омыты зеленым светом, но Галиана отыскала стенную панель, с помощью которой усилила освещение и даже пробудила к жизни ряд приборов, замигавших сигналами готовности.

Клавэйн огляделся и опознал центрифуги, генные секвенаторы, газовые хроматографы и сканирующие тоннельные микроскопы. Предназначение еще дюжины сверкающих аппаратов ускользнуло от его понимания. Выдвижные ящики стенного шкафа были заполнены сотнями чашек Петри, пробирок и предметных стекол. Клавэйн пробежался взглядом по образцам, прочитал крохотные этикетки. Там были бактерии и одноклеточные культуры с непроницаемыми кодовыми названиями, большая часть из которых имела маркировку с координатами по карте Диадемы и датой отбора. Но в некоторых ящиках хранились контрольные образцы с латинскими названиями, должно быть доставленные с Земли. Роботы вполне могли привезти с собой крохотные родительские организмы, из которых вырастили или клонировали более крупные образцы. Вероятно, американо экспериментировали с устойчивостью земных организмов с расчетом на будущее терраформирование Диадемы.

Клавэйн бесшумно задвинул ящик и подошел к столу с большими по размеру пробирками. Взял с подставки одну и поднес к свету, чтобы разглядеть ее туманное содержимое. Это был образец с червями, неотличимый от тех, какие он сам брал на леднике несколькими часами раньше. Вероятно, узел размножения, найденный в точке пересечения двух тоннелей. Одни черви в этом клубке обмениваются генами, другие сражаются между собой, третьи переварят взрослых особи или только что родившийся молодняк; все происходит по строгим законам вида и пола. Узел казался мертвым, но когда имеешь дело с червями, это не имеет значения. Они обладают фантастически медленным метаболизмом, и каждая особь способна прожить

тысячи лет. Им требуются месяцы, чтобы просто проползти вдоль большой трещины во льду, не говоря уже о том, чтобы перебраться из одного узла в другой.

Однако на самом деле эти черви не были такими уж чуждыми. Их земной аналог, избегающих солнца ледяных червей, обнаружили в конце девятнадцатого века в леднике Маласпины на Аляске. Они немного меньше, чем их собратья с Диадемы, но тоже питаются скудной добычей, что дрейфует по леднику или вмерзла в него много лет назад. Как и у червей с Диадемы, у них есть одна отличительная анатомическая особенность – πόра в головном конце, чуть выше рта. У земных червей эта πόра выполняет единственную функцию: выделяет едкую жидкость, растапливающую лед и помогающую прокладывать путь; если перед ними нет тоннеля – отличный способ спрятаться, пока солнце не иссушило их. У червей с Диадемы был такой же орган, но, согласно записям Сеттерхольма, он получил и другое предназначение: оставлять химически насыщенный «ароматический след», помогающий другим особям ориентироваться в системе тоннелей. Химический состав этого следа оказался невероятно сложным, и каждый червь способен выделять не только свой индивидуальный знак, но и широкий спектр запахов. Вполне вероятно, что в некоторые из запахов вкладываются более сложные схемы сообщения: не просто «следуй за мной», а «следуй за мной, если ты самка», – у червей Диадемы есть по крайней мере три пола, – или, предположим, «начался сезон размножения». Существовало и много других возможных вариантов, которые Сеттерхольм, похоже, пытался расшифровать и систематизировать, прежде чем его жизнь оборвалась.

Все это было интересно... до определенной степени. Но даже если черви подчинялись сложному набору правил, в зависимости от уловленных «ароматических следов» или других внешних стимулов, их поведение все равно оставалось строго механистичным.

– Невил, подойди.

Это был голос Галианы, но такой интонации Клавэйн от нее еще не слышал. И потому бегом бросился в дальний конец лаборатории, где его ждали Галиана и Фелка.

Они стояли перед стеллажом с несколькими рядами выдвижных ящиков, занимавшим всю стену. На каждом ящике была закреплена маленькая панель контроля состояния, но только один из них, расположенный на уровне груди, проявлял какую-то активность. Клавэйн оглянулся на дверь, через которую они вошли, но ее закрывало от взгляда оборудование. Они не смогли бы рассмотреть этот ящик, даже если бы он был освещен до того, как Галиана зажгла свет.

– Он мог работать все это время, – сказал Клавэйн.

– Я знаю, – согласилась Галиана.

Она с пугающей ловкостью застучала по клавишам управления. Для Галианы машины были все равно что музыкальные инструменты для юного дарования. Она могла взять наугад любую из них и обращаться с ней как со старой знакомой.

Ряды контрольных огней изменили порядок, а затем, выходя из многолетней неподвижности, где-то за металлическим корпусом ящика с внезапностью взрыва защелкали реле и сервомоторы.

– Отойдите подальше, – велела Галиана.

Слой инея разлетелся на миллиард сахарных песчинок. Ящик начал выдвигаться с неторопливостью, достаточной для того, чтобы сообразить, что находится внутри. Фелка сжала руку Клавэйна, и он заметил, как пальцы ее другой руки обхватили запястье Галианы. В первый раз за все это время он задумался о том, насколько удачной была идея взять девочку с собой.

Ящик был длиной два метра и в половину этого размера высотой и шириной. Вероятно, он предназначался для хранения образцов животных, отловленных в океанах Диадемы, но мог также использоваться и как поднос морга. То, что внутри ящика покойник, не вызывало никаких сомнений, но на трупе не было ни малейших повреждений. Его поза – на спине, со сложенными на животе руками – и безмятежное выражение голубовато-серого лица с закрытыми

глазами наводили Клавэйна на мысль о почившем в бозе святом. Борода была аккуратно заострена, а длинные волосы застыли единой твердой массой. На нем было несколько слоев термобелья.

Клавэйн нагнулся и прочитал бейдж с именем на груди мужчины:

– Эндрю Иверсон. Тебе это что-нибудь говорит?

Галиана связалась с другими сочленителями, и те мгновенно отыскиали имя в базах данных.

– Да. Один из пропавших. Похоже, он был климатологом и вдобавок интересовался техникой терраформирования.

Клавэйн удовлетворенно кивнул:

– Неудивительно, учитывая все те микроорганизмы, которые я здесь видел. А теперь вопрос на триллион долларов: как, по-твоему, он сюда попал?

– Думаю, он просто забрался внутрь.

Галиана кивнула на то, что почти целиком спряталось под плечом мужчины, так что Клавэйн этого поначалу не заметил. Он просунул руку в щель и провел пальцами по затвердевшей ткани на одежде Иверсона. Через прорезь в рукаве уходил в предплечье катетер. Черная трубка тянулась назад и исчезала в гнезде, встроенном в стену.

– Ты хочешь сказать, что он покончил с собой? – спросил Клавэйн.

– Должно быть, ввел себе что-то, от чего сердце остановилось. Затем, вероятно, выпустил кровь и заменил ее глицерином или чем-то похожим, чтобы предотвратить образование ледяных кристаллов в клетках. Для этого потребовалась бы кое-какая автоматика, но я уверена, что здесь можно было найти все необходимое.

Клавэйн припомнил все то, что знал о методе крионического погружения, который использовали около ста лет назад. Он и сейчас оставлял желать лучшего, а тогда технология и вовсе недалеко продвинулась вперед от мумифицирования.

– Когда Иверсон вставлял себе катетер, у него не могло быть уверенности в том, что мы его обнаружим, – заметил Клавэйн.

– Но это все равно предпочтительней самоубийства.

– Да, но... такая мысль не могла не промелькнуть у него в голове. Понимать, что должен сначала убить себя, чтобы получить шанс воскреснуть... и надеяться, что кто-нибудь случайно наткнется на Диадему.

– Однажды тебе пришлось сделать еще более трудный выбор.

– Да, но тогда я, по крайней мере, не был один.

«Тело Иверсона на удивление хорошо сохранилось, – подумал Клавэйн. – Кожный покров на вид почти не поврежден, хотя и имеет мертвый гранитный оттенок. Лицевые кости не потрескались под воздействием падения температуры. Бактериальные процессы замерли. В целом все могло быть гораздо хуже».

– Его нельзя оставлять так, как есть, – сказала Галиана, задвигая ящик обратно в стеллаж.

– Думаю, его это сейчас не слишком беспокоит, – ответил Клавэйн.

– Нет, ты не понял. Его нельзя нагревать – даже до окружающей температуры. Иначе мы не сможем пробудить его.

На то, чтобы привести Иверсона в сознание, потребовалось пять дней.

Принять решение было не так уж и легко – оно стало результатом бурного обсуждения всеми сочленителями, в котором по мере сил участвовал и Клавэйн. В конце концов все согласились, что Иверсона, возможно, удастся оживить с помощью современных методов, практикуемых сочленителями. Проведенное прямо на месте сканирование мозга выявило сохранившиеся синапсические связи, которые можно активировать при помощи машин. Однако, поскольку причина безумия, погубившего коллег Иверсона, еще не была определена – и все данные ука-

зывали на неких возбудителей инфекции, – он должен был оставаться на поверхности планеты, возвращенный к жизни в той же среде, где и умер.

Тем не менее Иверсона перевезли на шаттле через полмира обратно на главную базу. Клавэйн отправился в путь вместе с его телом, удивляясь самой мысли о том, что этот твердый кусок льда с человеческими очертаниями, зараженный, по общему мнению, какой-то инфекцией, скоро станет человеком, способным дышать и мыслить, наделенным памятью и ощущениями. Его изумляло, как могло случиться, чтобы бездействующие органы сохранились спустя столько десятилетий. Еще более поразительным было то, что введенные в организм крошечные машины сочленителей могли заново сшить поврежденные клетки и подтолкнуть их обратно к жизни. И что из этого инертного переплетения замерзших мозговых тканей, пока представляющего собой всего лишь физически единый объект и похожего на изъеденный непогодой обломок скалы, может возникнуть нечто столь гибкое и подвижное, как сознание.

Однако сочленители отнеслись к этой перспективе с полным равнодушием, воспринимая Иверсона точно так же, как опытные реставраторы смотрели бы на поврежденную картину одного из старых мастеров. Да, впереди ожидают трудности, работа требует большого мастерства, но ничего такого, из-за чего можно потерять сон.

«К тому же, – напомнил себе Клавэйн, – все они и так не испытывают потребности во сне».

Пока остальные работали над тем, чтобы вернуть Иверсона к жизни, Клавэйн бродил по задворкам базы, пытаясь получить более полное представление о ее последних днях. Заболевание, ослабляющее рассудок, было, вероятно, особенно пугающим еще и потому, что поражало даже тех, кто мог бы создать какое-нибудь средство против него. Возможно, в прежние времена, когда база находилась под патронажем машин фон Неймана, можно было бы чего-то добиться... но ближе к концу это напоминало попытку решить особенно сложную алгебраическую задачу, напиваясь по ходу дела все больше и больше, утрачивая сначала остроту концентрации, потом способность вообще сосредоточиваться на проблеме и наконец просто забывая, что в ней было такого важного. Лаборатории в главном комплексе имели заброшенный вид, эксперименты остались незавершенными, наскоро написанные на стенах заметки становились все менее связными и разборчивыми.

На нижних уровнях – в транспортных отсеках и складских помещениях – все выглядело так, будто ничего страшного не произошло. Оборудование было по-прежнему тщательно сложено, наземные транспортные средства аккуратно припаркованы, и при вновь включенных обслуживающих системах все вокруг заливал яркий свет, а температура воздуха не требовала дополнительной одежды. Эти прогулки носили еще и целебный эффект: коммуникационные поля сочленителей сюда не проникали, и разум Клавэйна снова оказался в милосердном одиночестве, освобожденный от непрерывного шума голосов. Однако, несмотря на это, его все еще искушало желание провести хоть какое-то время за пределами базы.

С такими мыслями на уме Клавэйн отыскал шлюз, должно быть, пристроенный в последний период истории базы, поскольку он не был нанесен на чертежи. Этот шлюз не перегораживала мембрана и, пройдя через него, Клавэйн сразу после закрытия двери оказался бы на открытом воздухе, не защищенный ничем, кроме той одежды, которую носил сейчас. Он хотел было вернуться на базу и найти мембранный скафандр, но нужное настроение – желание выйти наружу – за это время могло и пропасть.

Клавэйн заметил шкафчик, внутри которого, к полному его восторгу, находилась вешалка со скафандрами старого образца, наподобие того, что был на Сеттерхольме. Они выглядели словно с иголки, металлический сплав шейных колец сверкал как новенький. Над каждым скафандром висел луковичеобразный шлем. Клавэйн примерял все подряд, прежде чем выбрал подходящий по размеру. Потом долго возился с замками и уплотнениями, соединяющими части скафандра. Но даже когда он решил, что надел скафандр как положено, шлюз

определил, что одна перчатка застегнута неправильно, и отказывался пропускать Клавэйна, пока тот не повторил процедуру и не устранил ошибку.

Но потом Клавэйн все же оказался снаружи, и это было прекрасно.

Он обошел корпус вокруг, определил, где находится, и зашагал по ледяному полю, не выпуская базу из виду и следя за подачей воздуха. Небо Диадемы над его головой казалось темно-синей глазурью, а лед – белый по существу, – словно содержал миллиард оттенков бледно-бирюзового, бледно-аквамаринового и даже бледно-розового. Клавэйн мысленно представлял у себя под ногами сеть прорытых червями тоннелей, уходящую вниз на сотни метров; представлял червей, ползущих по этим ходам, выделяя ароматический след или отзываясь на него. Сами черви с биологической точки зрения были устроены просто, почти пугающе просто, но сеть от этого не становилась менее масштабной и запутанной. И вряд ли имело значение, что черви мучительно медленно передвигались по ней взад-вперед на протяжении всей своей жизни. В конце концов, они жили дольше, чем в состоянии вообразить человек. Они видели, как люди появились и исчезли в мгновение ока.

Так он и дошел до расщелины, в которой был обнаружен Сеттерхольм. Труп, конечно же, давно убрали, но то ощущение глубоко впечаталось в сознание Клавэйна. Оказалось не так уж трудно мысленно вернуться к моменту, когда он, стоя над обрывом, заметил краешек руки. Тогда Клавэйн говорил себе, что бывают и худшие места для гибели, чем это – в окружении красоты, совершенно девственной, не затронутой человеческим влиянием. Теперь же, чем больше он думал об этом, чем больше прокручивал в голове картину смерти Сеттерхольма, тем крепче задумывался: а возможно ли худшее место? Несомненно, Диадема прекрасна, но при этом поразительно мертва, поразительно чужда жизни. Сеттерхольм не мог не чувствовать, что слабеет и скоро сделается таким же неподвижным, как ледяные чертоги, что станут его гробницей.

Клавэйн размышлял об этом еще какое-то время, наслаждаясь тишиной, одиночеством и странной неуклюжестью скафандра. Он восстанавливал в памяти обстоятельства, при которых нашел Сеттерхольма, и его не отпускала мысль о том, что в них было что-то не совсем правильное, какая-то деталь, которая не казалась подозрительной в тот момент, а теперь беспокоила его.

Это был шлем Сеттерхольма.

Клавэйн вспомнил, что шлем лежал чуть в стороне от трупа, как будто отлетел при падении. Но теперь, после того как Клавэйн сам прикрепил точно такой же шлем к своему скафандру, в это верилось уже трудней. Замки были очень прочными, и он сомневался, чтобы механизм мог сломаться от падения в расщелину. Клавэйн рассмотрел вариант, при котором Сеттерхольм надевал скафандр в спешке, но даже это сейчас казалось маловероятным. Шлюз без труда обнаружил, что у Клавэйна плохо закреплена перчатка, так что он – или любой другой шлюз – наверняка не выпустил бы Сеттерхольма, если бы тот неправильно надел шлем.

Клавэйн задумался над тем, не умер ли Сеттерхольм как-то иначе, чем представлялось до сих пор.

Он долго размышлял, пытаясь справиться с этой задачей, а затем медленно покачал головой. Слишком много вариантов пришлось бы рассмотреть. Может быть, Сеттерхольм покинул базу в поврежденном скафандре, а потом, испуганный и растерянный, долго возился с креплением, постепенно расходуя кислород, и наконец свалился в расщелину. Или, возможно, шлюз оказался не настолько надежным, как предполагалось, и спешивший выйти наружу Сеттерхольм мог отключить систему безопасности.

Нет, человек умер, и нет никакой нужды предполагать, что это был не несчастный случай, а нечто иное. Клавэйн развернулся и направился обратно к базе.

– Он очнулся, – сообщила Галиана примерно через сутки после того, как последняя волна машин влилась в мозг Иверсона. – Думаю, будет лучше, если ты, Невил, первым поговоришь с ним. Не возражаешь? Лучше, чем кто-нибудь из нас. – Она осеклась. – Я хотела сказать, чем те из нас, кто уже давно стал сочленителем.

Клавэйн пожал плечами:

– С другой стороны, симпатичное личико ему было бы приятней увидеть, чем лицо старого пня. Но я понял твою мысль. Туда безопасно входить?

– Абсолютно. Если бы Иверсон носил в себе какую-то инфекцию, машины обязательно дали бы знать.

– Надеюсь, что ты права.

– Посмотри в глаза фактам. Он действовал разумно до самого конца. Сделал все возможное, чтобы у нас был шанс оживить его. Это не самоубийство, а холодный расчет, попытка найти выход из положения.

– Холодный расчет, – словно эхо, повторил Клавэйн. – Да, пожалуй, так оно и есть. Холодный.

Галиана молча указала на дверь в комнату Иверсона.

Но едва Клавэйн переступил порог, его поразила внезапная мысль. Он снова увидел тело Сеттерхольма на дне расщелины и пальцы, указывающие на буквы: «ИВГ».

«Искусственно возбужденный гаметогенез».

А если предположить, что Сеттерхольм пытался написать «ИВЕРСОН», но умер, не закончив слово? Если Сеттерхольма убили – столкнули в пропасть, – то, возможно, он пытался сообщить имя убийцы. Клавэйн представил, как бедняга страдал от боли в переломанных ногах, ясно понимая, что ему суждено погибнуть в холоде и одиночестве, и заставляя себя писать...

Но зачем климатологу понадобилось убивать Сеттерхольма? Увлечение червями было труднообъяснимым, но совершенно безвредным. Собранные Клавэйном сведения характеризовали Сеттерхольма как убежденного отшельника, из тех людей, кто может вызывать у коллег жалость или равнодушие, но никак не ненависть. К тому же все и так умирали – на этом фоне убийство выглядело нелепым.

Может быть, Клавэйн просто придает слишком много значения этим черточкам, нацарапанным на льду умирающим человеком?

Выбросив подозрения из головы, до поры до времени, Клавэйн зашел в комнату Иверсона. Она была обустроена в спартанском, но умиротворяющем стиле, с маленьким голографическим окном на одной из белых стен. Об этом позаботился сам Клавэйн. Если бы он доверил это дело сочленителям, заполнившим главную базу американо своими герметичными помещениями, комната Иверсона была бы похожа на мрачный серый куб. Для сочленителей большее и не нужно – они передвигались в слоях информационного поля, окутывавших реальность подобно кокону. Но хотя голова Иверсона была теперь напичкана их машинами, те лишь поддерживали нормальный ход его мыслей, усиливая слабые синапсические сигналы и компенсируя плохую устойчивость нейромедиаторов.

Поэтому Клавэйн настоял на том, чтобы несколько оживить комнату; простыни и подушка Иверсона были такими же белыми, как и стены, так что его голова плыла в море белизны. Иверсону постригли волосы, но Клавэйн позаботился о том, чтобы бороду лишь подравнивали.

– Эндрю? – сказал Клавэйн. – Мне передали, что вы очнулись. Меня зовут Невил. Как вы себя чувствуете?

Прежде чем ответить, Иверсон облизал губы:

– Думаю, лучше, чем можно было ожидать.

– Ух! – просиял Клавэйн, чувствуя, что с его плеч свалилась огромная тяжесть. – Значит, у вас сохранились какие-нибудь воспоминания о том, что с вами произошло?

– Я ведь умер, да? Накачал себя до отказа антифризом и понадеялся на удачу. Все получилось или мне просто снится какой-то хитровыделанный сон, пока мой мозг окончательно не умрет?

– Чертовски удачно получилось. Это был очень хитровыделанный трюк, но... – Клавэйн замолчал, усомнившись в том, что правильно использует речевые обороты Иверсона столетней давности. – Вы пошли на немалый риск, но вам будет приятно услышать, что все получилось.

Иверсон вытащил руку из-под простыни и поднес к глазам, изучая рисунок вен на тыльной стороне кисти.

– Это ведь то же самое тело, в котором я отключился? Вы не засунули меня в нутро какого-нибудь робота, не клонировали, не подсоединили отделенный мозг к генератору виртуальной реальности?

– Ничего похожего. Просто прочистили поврежденные клетки, кое-где кое-что исправили и... мм... подтолкнули вас обратно к миру живых.

Иверсон кивнул, но Клавэйн мог бы поклясться, что так до конца и не убедил его. Что и не удивительно, ведь Клавэйн немного солгал.

– И долго я пробыл в отключке?

– Около ста лет, Эндрю. Наша экспедиция прилетела на космическом корабле с вашей родины.

Иверсон опять кивнул с таким видом, словно это была малозначащая деталь.

– Значит, мы сейчас на корабле?

– Нет... Мы все еще на планете. Корабль остался на орбите.

– А что с остальными?

Не было смысла подслащивать пилюлю.

– Мертвы. Насколько мы смогли выяснить. Но вы должны были знать, что так и случится.

– Да, но я не был уверен до самого конца.

– Так что же все-таки произошло? Как вы избежали заражения, или что это было на самом деле?

– Чистое везение.

Иверсон попросил пить, и Клавэйн принес ему стакан воды, а кресло тем временем само пододвинулось к кровати.

– Я что-то не заметил особых признаков везения, – сказал Клавэйн.

– Нет, это было ужасно. Просто я оказался счастливым, вот и все. Я не знаю, много ли вам известно. Под конец нам пришлось эвакуировать отдаленные базы, когда мы уже не могли поддерживать работу реакторов, кроме главного. – Иверсон сделал глоток из стакана. – Если бы у нас остались те машины, что присматривали за нами...

Клавэйн наклонился к кровати:

– Да, этого мы, вообще-то, не поняли. Машины фон Неймана были сконструированы так, что могли сами себя ремонтировать. Как же они сломались?

Иверсон поднял на него глаза:

– Никак. То есть они не сломались.

– Нет? Что же тогда произошло?

– Мы сами их разрушили. Как бунтующие подростки сбрасывают родительскую опеку. Нам надоело, что машины нянчатся с нами. Оглядываясь назад, должен признать, что это была не лучшая идея.

– И машины не сопротивлялись?

– Думаю, разработчикам даже в голову не приходило, что машины могут быть уничтожены теми самыми детьми, о которых они столь нежно заботились.

«Итак, что бы здесь на самом деле ни случилось, – подумал Клавэйн, – что бы еще я об этом ни узнал, уже ясно одно: американо отчасти сами виноваты в своих бедах».

Он по-прежнему испытывал к ним симпатию, но теперь она стала холодней и к ней приешивалось что-то близкое к отвращению. Интересно, возникло бы это разочарование так же просто, если бы в его голове не было машин Галианы? Понадобится совсем небольшой шаг, чтобы перенести это чувство с товарищей Иверсона на все человечество...

«И тогда я пойму, что достиг истинного Транспросвещения».

Клавэйн отмахнулся от своих мрачных размышлений. Вовсе не Транспросвещение вызывало у него такие чувства, а застарелый, глубокий цинизм.

– Ну хорошо, не стоит заикливаться на том, что было сделано много лет назад. Но как вам удалось выжить?

– Уже после эвакуации мы сообразили, что оставили здесь кое-какие запчасти для последнего реактора. Я взял один из самолетов и вернулся. Приземлился как раз в тот момент, когда приближался штормовой фронт, который продержал меня на земле больше двух суток. Именно тогда и пришла болезнь. Она развивалась очень быстро, и я знаю о ней только то, что удалось выяснить в переговорах с главной базой.

– Расскажите, что вы выяснили.

– Не так уж и много, – ответил Иверсон. – Похоже, это случилось быстро, и в первую очередь была поражена центральная нервная система. Те, кто не умер сразу, вскоре погибли в результате несчастных случаев.

– Мы это заметили. В конце концов умер тот, кто отвечал за правильную работу реактора. Но ведь реактор не взорвался?

– Нет, просто выбросил куда больше нейтронов, чем обычно, больше, чем могла выдержать защита. А затем он перешел в режим аварийного отключения. Некоторые люди погибли от излучения, но большинство умерли от наступившего потом холода.

– Мм... За исключением вас.

Иверсон кивнул:

– Если бы я не улетел за запчастями, то стал бы одним из них. Разумеется, я не мог вернуться. Даже если бы мне удалось снова запустить реактор, оставались еще проблемы с заражением. – Он сделал глубокий вдох, словно копил силы, прежде чем вспомнить случившееся с ним. – Итак, я взвесил все варианты и решил, что мой единственный шанс – умереть, заморозить себя. Никто не мог прийти мне на помощь с Земли, даже если бы мне удалось остаться в живых. Во всяком случае, в ближайшие десятилетия. Поэтому я рискнул.

– И риск оправдался.

– Я же говорил, что я счастливчик. – Иверсон снова отпил из стакана. – Приятель, это вкусней всего, что мне случалось пить в жизни. Что, кстати, тут намешано?

– Только вода. Ледниковая вода. Очищенная, само собой.

Иверсон медленно кивнул и поставил стакан рядом с кроватью.

– Больше не хотите пить?

– Нет, спасибо. Прекрасно утоляет жажду.

Клавэйн поднялся:

– Вот и хорошо. Отдохните немного, Эндрю. Если вам что-нибудь понадобится – что будет в наших силах, – только позовите.

– Непременно так и сделаю.

Клавэйн улыбнулся и направился к двери, отметив явное облегчение Иверсона от того, что допрос закончился.

Но Иверсон не сказал ничего компрометирующего, напомнил себе Клавэйн. И его реакция полностью соответствует той слабости и растерянности, какую любой человек чувствовал бы после столь долгого сна – или смерти, в зависимости от того, как определить период, кото-

рый он провел в заморозке. Было бы несправедливо считать, что Иверсон как-то связан с гибелью Сеттерхо льма, только из-за нескольких трудноразличимых бороздок, процарапанных во льду, при малой вероятности того, что Сеттерхо льм действительно был убит.

И все же Клавэйн остановился, перед тем как выйти.

– И еще один вопрос, Эндрю... Просто меня кое-что беспокоит, и я подумал, не сможете ли вы помочь.

– Продолжайте.

– Вам что-нибудь говорят инициалы ИВГ?

Иверсон задумался на мгновение, а потом покачал головой:

– Простите, Невил. Ваша задачка мне не по зубам.

– Ну что ж, это был выстрел наудачу, – сказал Клавэйн.

К утру Иверсон настолько окреп, что отправился на прогулку. Он пожелал осмотреть всю базу, а не только ту ее часть, что занимали сочленители. Ему хотелось своими глазами увидеть повреждения, о которых он только слышал, и прочитать список погибших, старательно составленный Клавэйном и его друзьями. Клавэйн не спускал с него глаз, прекрасно понимая, к какой душевной травме способен привести подобный опыт. Иверсон отлично справлялся, но это могла быть только видимость. Машины Галианы были способны многое рассказать о том, как функционирует мозг Иверсона, однако даже им не хватало степени разрешения, чтобы отобразить его эмоциональное состояние.

Между тем Клавэйн старался ничего не говорить Иверсону о сочленителях. Он не хотел шокировать Иверсона в такой щекотливый момент, не хотел разрушать иллюзии американца, считавшего, что его спасла группа «обычных» людей. Однако все оказалось проще, чем ожидал Клавэйн, поскольку Иверсон на удивление мало интересовался той частью истории, которую он пропустил. Клавэйн даже рассказал ему, что «Сандра Вой» – это, по существу, корабль беженцев, спасающихся от последствий войны между разными группировками человечества в Солнечной системе. Но Иверсон лишь кивнул, не пытаясь вытянуть из Клавэйна подробности этой войны. Пару раз Клавэйн нечаянно упомянул о Транспросвещении – достигнутом сочленителями состоянии общего сознания, но Иверсон проявил такое же полное отсутствие любопытства. Он даже ни разу не спросил, как выглядит корабль. Клавэйн ожидал совсем другого.

Впрочем, были и положительные результаты.

Иверсон, как выяснилось, пришел в восторг от Фелки, а она, в свою очередь, была обрадована его появлению. Возможно, этому не стоило удивляться: Галиана и все остальные помогали Фелке вырастить новые нервные цепи, необходимые для нормального взаимодействия с другими людьми; добавлялись новые слои взамен прежних, не работавших должным образом... Но за все это время она не встретила ни одного человека, которого бы не видела прежде. И вот появился Иверсон: не только новый голос, но и новый запах, новое лицо, новая манера поведения – поток впечатлений для ее изголодавшихся мыслительных алгоритмов. Клавэйн видел, как оживлялась Фелка, когда к ней входил Иверсон, как с явным удовольствием перекладывала на него все внимание. И сам Иверсон, казалось, с огромной охотой играл с ней в игры, утомлявшие остальных, участвовал в своего рода умственных соревнованиях, которые так обожала Фелка. Клавэйн видел, как оба они погружаются в сосредоточенные размышления, как Иверсон корчит притворно огорченные или – в тех редких случаях, когда ему удавалось выиграть, – преувеличенно торжествующие гримасы. Фелка отвечала тем же, и ее лицо становилось более живым, более человеческим, чем представлялось возможным Клавэйну. В присутствии Иверсона она говорила больше, чем обычно, грамматически более правильными фразами, чем те разрозненные обрывки речи, которые научился распознавать Клавэйн. Это было похоже на то, как внезапно раскрывается трудный, вечно отстающий ученик рядом с опытным учителем. Клавэйн припомнил, как спас Фелку на Марсе и как тяжело было предста-

вить, что она вырастет в кого-то, похожего на нормального взрослого человека, настолько же чуткого к чужим ощущениям, как и к своим. Теперь он почти поверил в это... Но пройденной половиной пути она была обязана скорее Иверсону, чем ему самому.

Позже, когда и Иверсон устал от бесконечных просьб поиграть, Клавэйн тихо сказал ему, отведя в сторонку:

– Вы с ней подружились, да?

Иверсон пожал плечами, словно это не имело для него большого значения:

– Да, она мне нравится. Мы оба любим одни и те же игры. Если это кому-то мешает...

Должно быть, он почувствовал раздражение Клавэйна.

– Нет, никому не мешает. – Клавэйн положил руку ему на плечо. – Хотя это не просто игра, и вы должны признать...

– Это очень увлекательный случай, Невил.

– А я и не спорю. Мы высоко ее ценим. – Он поморщился от мысли, как похожи его слова на одно из привычных равнодушных утверждений Галианы. – Но я несколько озадачен. Вы вернулись к жизни после продолжавшегося сто лет сна. Мы прилетели сюда на корабле, который люди вашей эпохи не сочли бы возможным даже в отдаленном будущем. За последнюю сотню лет мы пережили огромные социальные и технологические перемены. Кое-что важное о себе я вам еще не рассказал. А кое-что важное о вас я даже не могу вам рассказать.

Иверсон опять пожал плечами и посмотрел вдаль мимо Клавэйна. Должно быть, его взгляд скользил через километры льда к белому горизонту Диадемы, не находя, за что бы зацепиться.

– Я просто воспринимаю ситуацию шаг за шагом, вот и все. Признаться, меня не очень интересуют технические новшества. Уверен, ваш корабль в самом деле прекрасен, но... Это всего лишь прикладная физика. Всего лишь изобретение. Возможно, в основе вашей двигательной установки лежат какие-то новые принципы, но если так, это просто усовершенствованный вариант чего-то уже слишком сложного, чтобы с него начинать. Вы преодолели световой барьер, да? – Он тщательно изучал выражение лица Клавэйна. – Нет, не думаю. Может быть, вы...

– Так что же именно вас интересует?

Казалось, Иверсон засомневался, стоит ли отвечать, но когда заговорил, у Клавэйна не возникло сомнений в том, что он говорит правду. В его голосе неожиданно появился миссионерский пыл.

– Процесс возникновения. В особенности возникновения сложных, почти непредсказуемых сочетаний в системе, управляемой несколькими простыми законами. Сознание – лучший тому пример. На самом деле человеческий разум – это всего лишь сеть особым образом соединенных нейронов. Законы, управляющие деятельностью каждой из этих клеток в отдельности, не так уж трудно уяснить: каскад хорошо изученных электрохимических и ферментативных процессов. Весь фокус в схеме соединения. Она определенно не закодирована в ДНК, разве что в самой грубой форме. Иначе зачем младенцу развивать нейронные связи, которые распадаются еще до рождения? Это было бы настоящее расточительство – имея превосходный план мыслящего мозга, вы озаботились бы только созданием необходимых связей. Нет, самоорганизация разума происходит в процессе развития, именно поэтому ему требуется намного больше нейронов, чем то количество, которое он потом объединит в действующие сети. Ему нужно сырье, с помощью которого он будет искать дорогу к действующему сознанию. Связи возникают сами собой, а потом те из них, которые не используются или недостаточно эффективны, отбрасываются. – Иверсон на мгновение замолчал. – Но у нас нет глубоко понимания того, каким образом эта самоорганизация происходит на самом деле. Как вы думаете, Невил, сколько нейронов требуется для контроля управления первым сегментом брюха омара? Попробуйте угадать с точностью до сотни.

Клавэйн пожал плечами:

– Не знаю. Пятьсот? Тысяча?

– Нет, шесть. Не шестьсот, а просто шесть. Шесть дурацких нейронов! Проще быть не может. Но понадобились десятилетия, чтобы понять, как они взаимодействуют, не говоря уже о том, как развивалась эта нейронная сеть. И этими вопросами дело не ограничивается. Нельзя рассчитывать на понимание того, как десять миллиардов нейронов собираются в единое целое, если не понимаешь, как действует это единое целое. О да, у нас есть определенные успехи – мы можем точно сказать, какие спинномозговые нейроны возбуждаются, чтобы поплыла минога, и как эта схема возбуждения отражается на движении мышц, но мы по-прежнему далеки от понимания того, как возникает в развивающемся человеческом разуме такое трудноопределимое понятие, как «я». Ну хорошо, по крайней мере, были далеки к тому моменту, когда я умер. Возможно, вы собираетесь рассказать, какого ошеломительного прогресса достигло человечество за последнее столетие, но что-то мне говорит, что со всеми вашими социальными потрясениями вам было не до этого.

Клавэйн порывался вступить в спор, поскольку его задел тон Иверсона, но он подавил раздражение, введя себя в спокойно-благожелательное состояние.

– Вероятно, вы правы. Мы продвинулись в другом направлении – в усилении разума как такового. Но если бы мы действительно понимали, как развивается мозг, все не закончилось бы такой неудачей, как Фелка.

– Э-э... Я бы не назвал ее неудачей, Невил.

– Я не это имел в виду.

Теперь настала очередь Иверсона положить руку на плечо Клавэйна:

– Конечно, не это. Но теперь вы должны понимать, почему я считаю Фелку таким увлекательным случаем. Ее мозг поврежден – вы сами так сказали, и не стоит вдаваться в детали. Но, несмотря на эти повреждения, несмотря на обширные провалы в ее сознании, она начинает самостоятельно собирать мыслительные алгоритмы высокого уровня, которые мы принимаем как данность. Как будто эти связи всегда пребывали там в скрытом виде и только сейчас стали проявляться. Разве это не увлекательно? Разве это не достойно изучения?

Клавэйн мягко убрал руку Иверсона со своего плеча:

– Думаю, да. Однако я надеялся, что здесь есть и нечто большее, чем просто изучение.

– Прошу прощения, если обидел вас. Я неудачно выбрал выражение. Разумеется, мне она небезразлична.

Клавэйну вдруг стало неловко, словно он неверно истолковал мотивы глубоко порядочного человека.

– Понимаю. Послушайте, забудьте мои слова.

– Да, конечно. М-м-м... А ничего, если я снова загляну к ней?

Клавэйн кивнул:

– Уверен, что она скучает, когда вас нет рядом.

Следующие несколько дней Клавэйн предоставлял им возможность играть вдвоем, лишь изредка подслушивая, чтобы узнать, как идут дела. Иверсон попросил разрешения показать Фелке другие части базы, и, посомневавшись немного, Клавэйн и Галиана одобрили эту идею. Долгие часы парочку нигде не было видно. Когда Клавэйн наконец отыскал их, Иверсон показывал девочке причудливые модели молекул в одной из заброшенных лабораторий. Они явно понравились Фелке – огромные, сложные голографические переплетения молекулярных и химических связей, плывущие в воздухе, подобно китайским драконам. Надев неудобные перчатки и громоздкие очки, они получили возможность управлять этими мегамолекулами, складывать их в конфигурации с минимальной энергией, предугадать которые с помощью грубых

вычислений было затруднительно. Они размахивали руками, заставляя драконов корчиться и извиваться.

Клавэйн все ждал неизбежного момента, когда Фелке это надоест и она потребует более интересных развлечений. Но так и не дождался. Когда Фелка вернулась к себе, ее лицо сияло от восхищения, словно она пережила важный духовный опыт. Иверсон показал ей нечто такое, чего ее разум не сумел сразу осознать, задачу настолько большую и сложную, что ее невозможно было одолеть вспышкой интуитивного озарения.

Увидев это, Клавэйн снова почувствовал вину за сказанные Иверсону слова и понял, что не совсем освободился от подозрений по поводу оставленного Сеттерхольмом на льду сообщения. Ведь, если оставить в стороне загадку шлема, не было никаких причин считать Иверсона убийцей, кроме этих еле заметных значков. Клавэйн заглянул в личное дело Иверсона, составленное до его заморозки, и репутация у этого парня оказалась безупречной. Он был опытным специалистом, надежным членом экспедиции, заслужившим любовь и доверие товарищей. Правда, записи были отрывочны и хранились в цифровом формате, а значит, их могли подделать в любом объеме. С другой стороны, почти то же говорил голосовой журнал экспедиции, а также написанные от руки дневники кое-кого из погибших. Иверсон снова и снова упоминался в них как человек, пользующийся уважением товарищей, и уж точно не тот, кто способен на убийство. Значит, следует сбросить эти значки со счетов и относиться к Иверсону исходя из презумпции невиновности.

Клавэйн рассказал о своих опасениях Галиане, но она привела в ответ те же разумные возражения, которые он сам уже выдвигал.

– Проблема в том, – отметила она, – что человек, которого ты нашел на дне расщелины, мог быть не в своем уме и даже видеть галлюцинации. Сообщение, которое он оставил, – если это действительно было сообщение, а не случайный набор линий, процарапанных в предсмертных конвульсиях, – могло означать что угодно.

– Но мы не знаем наверняка, что Сеттерхольм был не в своем уме, – возразил Клавэйн.

– Разве нет? Тогда почему он не проверил, правильно ли надет шлем? А шлем не был застегнут, иначе не откатился бы в сторону при ударе о дно расщелины.

– Да, – кивнул Клавэйн, – но я совершенно уверен, что Сеттерхольм не смог бы покинуть базу, если бы шлем не был застегнут.

– В таком случае он мог расстегнуть шлем потом.

– Но у него не было причин так поступать, разве что...

Галиана улыбнулась тонкими губами:

– Разве что он был не в своем уме. Мы вернулись в исходную точку, Невил.

– Нет, – сказал он, осознав, что почти разглядел очертания чего-то близкого к истине, если не самой истины. – Есть еще одна возможность, о которой я раньше не думал.

Галиана прищурилась с редким для нее хмурым выражением лица:

– Какая?

– Снять с него шлем мог кто-то другой.

Они спустились в недра базы. В мертвой зоне отсеков с оборудованием Галиане сразу же сделалось не по себе. Она не привыкла обходиться без связи с коллегами. Скрытые в окружающем пространстве системы обычно улавливали нейронные сигналы каждого отдельного человека, усиливали их и передавали остальным. Но здесь таких систем не было. Клавэйн различал мысли Галианы, но они были очень слабыми, как голос, приглушенный ревом прибора.

– Надеюсь, оно того стоит, – сказала Галиана.

– Я хочу показать тебе шлюз, – ответил Клавэйн. – Уверен, что Сеттерхольм вышел через него и с правильно закрепленным шлемом.

– Ты все еще думаешь, что его убили?

– Я думаю, что мы не можем сбросить со счетов даже малую вероятность этого и должны быть очень осторожны.

– Но зачем кому-то понадобилось убивать человека, который интересуется только безобидными ледяными червями?

– Мне тоже не дает покоя этот вопрос.

– И?

– Кажется, я нашел ответ. Во всяком случае, наполовину. Что, если его интерес к червям вызвал конфликт с остальными? Я подумал о реакторе.

Галиана кивнула:

– Они должны были собирать для него лед.

– А Сеттерхольм воспринимал это как разрушение благоприятной для червей экологии. Возможно, он превратился в помеху для остальных, и кто-то решил ее устранить.

– Довольно радикальный способ решить проблему.

Клавэйн шагнул в дверь транспортного отсека:

– Знаю. Я же сказал, что нашел только половину ответа, а не весь.

Не успев договорить, он понял, что случилось что-то неладное. Отсек выглядел не так, как в прошлый раз, когда он заходил сюда в поисках подсказки. Клавэйн тотчас упустил ход собственных мыслей и сосредоточился на настоящем.

В помещении было намного холоднее, чем он ожидал. И освещение стало ярче. Полоса голубого дневного света растекалась по полу от огромной открытой двери на выездной трап. Клавэйн смотрел на нее в немом недоумении, надеясь, что у него просто возникли временные проблемы со зрением. Но рядом была Галиана, и она тоже видела это.

– Кто-то уехал с базы, – сказала она.

Клавэйн разглядел на снегу оставленный вездеходом след, уходящий к горизонту. На мгновение они с Галианой застыли в бездействии наверху трапа. Мозг Клавэйна разрывался от подозрений. Ему с самого начала не понравилось, что Иверсон таскает Фелку за собой по всей базе, но кто мог подумать, что он заманит ее в мертвую зону? Иверсон мог знать достаточно разных трюков, чтобы открыть наружный люк, завести вездеход и уехать с базы так, чтобы сочленители ничего не заметили.

– Послушай, Невил, – сказала Галиана, – вовсе не обязательно, что он желает Фелке зла. Может быть, просто хочет что-то ей показать.

Клавэйн обернулся к Галиане:

– У нас нет времени на подготовку транспорта. Помнишь твой коронный номер – разговор с дверью? Сможешь проделать его еще раз?

– Это ни к чему. Дверь уже открыта.

Клавэйн кивнул на один из вездеходов, возвышавшихся над ними:

– Я имел в виду другую дверь.

Галиана была разочарована: ей понадобилось три минуты, чтобы уговорить машину стартовать, а не десяток-другой секунд, как сама уверяла. Ей грозит серьезная опасность потерять навык в таких делах, призналась она Клавэйну. А он лишь поблагодарил бога за то, что у вездехода не было механических повреждений, которые не смогло бы исправить никакое невральное вмешательство.

– Есть еще одна причина, заставляющая меня думать, что это просто невинная прогулка, – сказала Галиана. – Если бы Иверсон в самом деле хотел похитить Фелку, ему не пришлось бы прилагать дополнительные усилия, чтобы остановить погоню. Стоило ему закрыть дверь, и мы могли бы вообще не заметить его исчезновения.

– Ты когда-нибудь слышала о реверсивной психологии? – спросил Клавэйн.

– Я все еще не вижу в Иверсоне убийцу, Невил.

Галиана заметила выражение его лица. Ее собственное оставалось спокойным, несмотря на то что управление вездеходом требовало больших усилий. Ее руки были сложены на коленях. Сейчас она не чувствовала себя такой одинокой, после того как установила контакт с остальными сочленителями через систему связи вездехода.

– Вот разве что Сеттерхольм, – предположила она. – Одержимый отшельник и так далее. Жаль, что он мертв.

– Да, – неуверенно ответил Клавэйн.

Плоский герметичный корпус вездехода был подвешен между шестью нелепыми на вид колесами с пневматическими шинами. Галиана резко спустилась по трапу и повела машину через ледник, благополучно преодолевая юзом неглубокие трещины. Это могло показаться безрассудством, но пока Галиана и Клавэйн двигались точно по следу Иверсона, им не грозили смертельно опасные препятствия.

– Вы разобрались с источником болезни? – спросил Клавэйн.

– Пока никакого прорыва...

– Тогда у меня есть предположение. Ты можешь тщательно просмотреть мои зрительные воспоминания? – На самом деле спрашивать об этом было не обязательно. – Когда ты обнаружила тело Иверсона, я осматривал лабораторные образцы. Там было много привезенных с Земли микроорганизмов. Может, какой-нибудь из них и виноват во всем?

– Будет лучше, если ты вспомнишь еще раз.

Клавэйн так и сделал: представил, как осматривает чашки Петри, пробирки и предметные стекла, сосредоточившись на тех образцах, что прибыли с Земли, а не были собраны на планете. Их названия виделись ему нечетко, но машины, которыми Галиана засеяла его мозг, уже обнаружили их в кратковременной эйдетической памяти и восстановили с точностью, недоступной для мозга самого Клавэйна.

– Теперь проверь, мог ли какой-либо из них это сделать.

– Земные микроорганизмы? – удивленно повторила Галиана. – Хорошо, может, там что-то и было, но я не понимаю, как они выбрались за пределы лаборатории, если только кто-нибудь не помог им специально.

– Думаю, именно так все и произошло.

– Диверсия?

– Да.

– Что ж, рано или поздно мы это выясним. Я уже передала информацию остальным. Они сообщат, если найдут кандидата. Но я по-прежнему не понимаю, зачем кому-то понадобилось заражать всю базу, даже если такое возможно. Уничтожить машины фон Неймана – это одно дело, а массовое самоубийство – совсем другое.

– Не думаю, что это было массовое самоубийство. Скорее уж массовое убийство.

– И Иверсон – твой главный подозреваемый?

– Он ведь единственный, кто остался в живых, правильно? И Сеттерхольм перед смертью нацарапал на льду сообщение. Должно быть, хотел предупредить о нем.

Но, даже произнося это, Клавэйн сознавал, что есть и второй вариант, на котором он никак не мог полностью сосредоточиться.

Галиана резко свернула, чтобы миновать особенно глубокую пропасть, скрытую в прожилках ярко-бирюзового цвета.

– Осталась еще небольшая проблема: отсутствие мотивов.

Клавэйн всматривался в даль, гадая, не была ли сверкающая впереди точка обманом зрения.

– Я работаю над этим, – сказал он.

Галиана остановилась рядом с другим вездеходом, у самого края впадины. Склоны были не настолько крутыми, чтобы назвать ее расщелиной, хотя глубина составляла тридцать-сорок

метров. Из кабины трудно было разглядеть занесенное синеватым снегом дно, однако Клавэйн различил спускающиеся к нему следы. На поверхности их замело бы в считанные часы, так что отпечатки были свежими. Клавэйн отметил, что следы оставлены двумя разными людьми: один ступал тяжело и уверенно, другой шел легко, но с опаской.

Галиана и Клавэйн убедились, что на борту вездехода есть два скафандра, еще до того, как отправились в путь. А теперь не без труда влезли в них, долго провозившись с защелками.

– Если я прав, то эти предосторожности на самом деле не нужны, – сказал Клавэйн. – Во всяком случае, не нужны для того, чтобы избежать заражения. Но лучше перестраховаться.

Галиана надела шлем и провернула его на четверть оборота, чтобы сработал замок.

– Самое время. Они кое-что откопали в твоих воспоминаниях, Невил. Есть такое семейство одноклеточных организмов под названием динофлагелляты, и представители одного вида были в той лаборатории, где мы нашли Иверсона. Так называемые *pfiesteria piscicida*. Засадные хищники, в обычном состоянии поражающие рыб.

– Они могли вызвать безумие?

– По крайней мере, это самые вероятные претенденты. Они также любят ткани млекопитающих. Попадая в нервную систему человека, вызывают потерю памяти, ориентации в пространстве и множество других физических эффектов. Их можно было запустить в систему вентиляции базы, распылив в виде токсичного аэрозоля. Думаю, кто-то имеющий доступ к лабораторному оборудованию мог превратить их из просто неприятных в смертельно опасные.

– Мы должны были обнаружить их, Галиана. Разве мы не проверяли воздуховоды?

– Да, проверяли, но не искали земные организмы. Фактически не обращали на них внимания, фильтруя только основные биохимические элементы местного происхождения. Мы не думали тогда ни о каком преступлении.

– Непростительная глупость, – заметил Клавэйн.

Он выбрался наружу, уже сожалея о том, что покидал базу в такой спешке и теперь вынужден действовать в скафандре старой конструкции, не имея никаких средств обороны. В поисках оружия, дающего хотя бы моральную поддержку, он осмотрел уложенное на крыше вездехода оборудование и нашел ледоруб. Не бог весть что, но Клавэйн сразу почувствовал себя уверенней.

– Он тебе не понадобится, – сказала Галиана.

– А если Иверсон будет вести себя агрессивно?

– Все равно не понадобится.

Клавэйн все равно прихватил ледоруб с собой, – в конце концов, здесь он уместен, – и они направились к тому месту, где ледяной покров загибался, уходя вглубь впадины. Клавэйн внимательно изучил расположенную на запястье матричную клавиатуру управления скафандром с загадочными, вышедшими из употребления значками. Нажал наугад и с удовлетворением почувствовал, как выступившие из подошвы шипы вцепились в лед.

– Иверсон! – крикнул он. – Фелка!

Но прошедший сквозь шлем крик был слаб, и непрерывно хлещущий ветер уносил его прочь от впадины. Ничего не оставалось, как начать трудный спуск в синеющую глубину. Клавэйн шел первым, сердце колотилось в груди, старый скафандр сделался неудобным и ужасно тяжелым. Раз-другой Клавэйн чуть не потерял равновесие, и пот заливал ему глаза, когда он наконец достиг дна впадины и остановился, чтобы отдышаться.

Он огляделся. Отпечатки ног уходили горизонтально на десять-пятнадцать метров вперед, петляя между хрупкими, похожими на занавески пластами матового льда. Клавэйн с холодной отстраненностью подумал, что это место обладает каким-то зловещим очарованием, – он легко мог представить, как воздух, пролетая сквозь ледяные завесы, создает причудливую музыку, но необходимость найти Фелку подавляла эти фантазии. Он сосредоточил

внимание на низком иссиня-черном отверстии тоннеля во льду, в котором исчезали человеческие следы.

– Если этот негодяй затащил ее туда...

Клавэйн крепче сжал ледоруб, включил фонарь на шлеме и шагнул в тоннель. Галиана шла следом. Идти было нелегко, тоннель изгибался, поднимался и опускался на многие десятки метров, и Клавэйн никак не мог решить, имел ли он естественное происхождение – может быть, проплавленный теплой водой подледниковой реки, – или его прорыли вручную много лет назад. Стены были покрыты ходами, разбегающимися во все стороны, словно многократно увеличенный рисунок сетчатки человеческого глаза. То тут, то там Клавэйн различал темные пятна движущихся червей, хотя прекрасно знал, что нужно не одну секунду неотрывно смотреть на них, чтобы заметить какое-то движение. Он тяжело дышал – ходить, согнувшись в три погибели, становилось все болезненней, и тут вдруг тоннель резко расширился. Клавэйн оказался в куда более обширном пространстве.

Они все еще находились под землей, хотя лед над головой светился голубым от проникающего сквозь него дневного света. Ледяная оболочка толщиной не больше двух метров нависала куполом над десятками кубических метров пустоты. Почти отвесные стены из тонкого льда, изрезанные причудливыми узорами, высились над плоским полом, который был покрыт спутанными человеческими следами.

– О, вы решили составить нам компанию, – произнес Иверсон, стоявший возле одной из стен.

У Клавэйна гора упала с плеч, когда он увидел Фелку рядом с каким-то прибором, чье назначение было ему неизвестно. Судя по виду, с Фелкой ничего страшного не произошло. Девочка повернулась к Клавэйну, и ему из-за странной игры света и тени на закрытом шлеме лицо показалось, что она старше, чем на самом деле.

– Привет, Невил, – услышал он голос Фелки и двинулся к ней по льду, опасаясь, что вся эта красота обрушится на них в любую минуту.

– Зачем вы привезли ее сюда, Иверсон?

– Хотел кое-что показать. Такое, что обязательно ей понравится, даже больше, чем другие вещи. – Он обернулся к стоявшей рядом фигурке. – Правда ведь, Фелка?

– Да.

– И тебе нравится?

Ответ был очевиден, но он напоминал нормальную человеческую речь гораздо больше, чем все, что Клавэйну приходилось слышать от Фелки.

– Да, мне нравится.

Галиана шагнула вперед и протянула девочке руку.

– Фелка, я рада, что тебе здесь нравится. Я тоже в восторге. Но нам пора возвращаться.

Клавэйн ожидал возражений, какого-то противостояния, но, к его великому облегчению, Фелка как ни в чем не бывало подошла к Галиане.

– Я отведу ее в вездеход, – сказала Галиана. – Хочу убедиться, что у нее нет никаких трудностей с дыханием в этом старом скафандре.

Незамысловатая хитрость, но и этого было достаточно.

Потом Галиана заговорила с Клавэйном – очень коротко, почти бессвязно, но она вложила свои мысли прямо ему в голову.

И он понял, что должен сделать.

Как только они с Иверсоном остались одни, Клавэйн сказал:

– Это вы убили его.

– Сеттерхольма?

– Нет, вы не могли убить Сеттерхольма, потому что вы и есть Сеттерхольм.

Клавэйн поднял голову, и луч фонаря на его шлеме двигался вверх по нитевидному узору, пока тот не сделался совсем зыбким, с неразличимыми деталями, расплывшись в дымку под самым сводом. Так люди обычно любят потрескающимися фресками.

– Невил, сделайте одолжение, проверьте ваш скафандр. Похоже, вам не хватает кислорода.

– С моим скафандром все в порядке. – Клавэйн улыбнулся, восхищаясь тонкой иронией происходящего. – В сущности, именно скафандр и дал мне первую подсказку. Когда вы столкнули Иверсона в расщелину, его шлем отлетел в сторону. Такого не могло случиться, если только он с самого начала не был неправильно закреплен... А этого не могло случиться, если только кто-то не снял шлем уже после того, как вы оба покинули базу.

Сеттерхольм – а Клавэйн не сомневался, что этот человек и есть Сеттерхольм, – лишь саркастически фыркнул в ответ.

– Не ручаюсь за точность, – продолжал Клавэйн, – но вот как мне все это представляется. Вы решили поменяться местами с Иверсоном, потому что у Иверсона не было очевидного мотива для убийства остальных, а у Сеттерхольма определенно был.

– Полагаю, у вас нет предположений о том, каким мог быть этот мотив?

– Дайте время, и я соображу. Но сначала разберемся с одним отдельно взятым убийством. Подделать электронные записи не составляет большого труда. Вы могли даже заменить изображения Иверсона и его медицинские данные на свои собственные, но это только половина дела. Вам нужно было переодеть Иверсона в вашу одежду и ваш скафандр, чтобы мы решили, что найденное в расщелине тело – это ваш труп, Сеттерхольм. Я точно не знаю, как вы это проделали.

– Тогда, может быть...

Однако Клавэйн еще не закончил:

– Но предполагаю, что вы заразили его той же дрянью, которую распылили на главной базе, – *pfisteria*, правильно? – а потом вышли вместе с ним наружу. Набросились, опрокинули на лед, стащили с него скафандр и переодели в свой. Вероятно, к тому времени он уже был без сознания. Но тут он начал приходить в себя, или же вы запаниковали по какой-то другой причине. Вы надели ему на голову шлем и столкнули в расщелину. Может, если бы все ограничилось слетевшим шлемом, я бы не заиклился на этом происшествии. Но он не умер сразу и успел процарапать на льду сообщение. Я думал, что он хотел назвать имя убийцы, но оказалось наоборот. Он пытался сказать, кто такой он сам. Не Сеттерхольм, а Иверсон.

– Чудесная гипотеза.

Сеттерхольм взглянул на дисплей в задней части стоявшего рядом с ним прибора. Установленный на треноге, тот напоминал огромный бинокль, направленный под небольшим углом к одной из стен пещеры.

– Иногда гипотеза – это все, что нужно. Кстати, недурная у вас игрушка. Что-то вроде георадара, да?

Сеттерхольм отмахнулся от вопроса:

– Если я – это он, то зачем мне это понадобилось? Просто потому, что я интересовался ледяными червями?

– Это совсем просто, – ответил Клавэйн, надеясь, что в голосе не прозвучит неуверенность. – Остальные не считали червей настолько важными. Только вы видели их такими, какими они были.

Он тщательно подыскивал слова, скрывая свое незнание истинных мотивов Сеттерхольма и пытаясь сыграть на его тщеславии.

– Было бы очень мудро с моей стороны.

– О да, нисколько не сомневаюсь. И вас, должно быть, приводило в отчаяние то, что вы это видите, а остальные нет. Конечно же, вы решили защитить червей, когда поняли, что им грозит опасность.

– Мне очень жаль, Невил, но вам придется подумать еще раз, и усердней, чем прежде. – Сеттерхольм замолчал и похлопал по матово-серебряному корпусу прибора, очевидно, не в силах притворяться, будто не знает, что это такое. – Да, это радар. Он позволяет исследовать внутренние слои на глубине десятков метров с разрешением около сантиметра.

– Что было бы вам весьма полезно, если бы вы изучали червей.

Сеттерхольм пожал плечами:

– Думаю, да. Климатолог, изучающий движение ледников, тоже мог бы добыть с его помощью много полезной информации.

Клавэйн подошел поближе к Сеттерхольму и радару. Теперь ему лучше было видно изображение на дисплее: медленно вращающийся клубок линий, преимущественно зеленых, с более плотными вкраплениями в центре, обозначенными красным цветом.

– Например, Иверсон? Тот, кого вы убили?

– Говорю же вам, что я и есть Иверсон.

Клавэйн снова двинулся к Сеттерхольму, сжимая ледоруб обеими руками, но когда осталось всего два-три метра, свернул в сторону и подошел к стене. Сеттерхольм вздрогнул, однако не было похоже, чтобы он беспокоился из-за того, что Клавэйн собирается на него напасть.

– Честно говоря, – сказал Клавэйн, поднимая ледоруб, – я не вполне понимаю, что такого особенного в этих червях.

– Что вы задумали?

– А вот что!

Клавэйн со всей силы ударил ледорубом по стене. Этого хватило: слой льда откололся и, словно миниатюрная лавина, с шумом соскользнул вниз, разбившись под его ногами. Каждый из осколков размером с кулак был усеян прожилками червоточин.

– Прекратите! – потребовал Сеттерхольм.

– С чего бы? Какое вам дело, если вы не интересуетесь червями?

Клавэйн ударил снова, обрушив еще один кусок.

– Вы... – Сеттерхольм осекся. – Вы можете по неосторожности свалить все это на наши головы.

Клавэйн снова занес ледоруб, охнув от напряжения. На этот раз он вложил в замах весь свой вес, всю свою ярость, и от стены отлетел обломок размером с его грудную клетку.

– Я готов рискнуть, – заявил Клавэйн.

– Нет! Вы должны прекратить!

– Почему? Это же просто лед.

– Нет!

Сеттерхольм бросился на него и сбил с ног. Ледоруб вырвался из рук Клавэйна. Сеттерхольм навалился ему на грудь, прижал свой визор к его визору, так что каждая капля пота на лбу американца засверкала, словно маленький драгоценный камень.

– Сказано же, прекратите!

Клавэйну трудно было говорить с такой тяжестью на груди, но он сумел выдавить:

– Может, хватит уже ломать комедию, выдавая себя за Иверсона?

– Я запрещаю вам трогать лед!

– Мне... И всем остальным тоже, да? Но он им был так нужен...

Теперь в голосе Сеттерхольма прозвучало унылое смирение:

– Для реактора, вы хотите сказать?

– Да, для термоядерной установки. – Клавэйн взял паузу, чтобы насладиться небольшой победой, и добавил: – На самом деле это Галиана уловила связь, а не я. То есть это она вспомнила, что для реактора использовали лед. А потом всех эвакуировали с дальних станций и собрали на главной, и это означало, что нагрузка на реактор возросла. А это означало, что требовалось все больше льда, которого в окрестностях не хватало.

– Но нельзя же было позволить им уничтожать лед! После того, что я обнаружил.

Клавэйн кивнул, отметив, что обратное превращение Иверсона в Сеттерхольма завершено.

– Нельзя. Этот лед очень ценен, правильно? Бесконечно ценнее, чем кто-либо из них мог представить. Без этого льда погибнут черви...

– Значит, вы тоже ничего не поняли?

Клавэйн проглотил слюну.

– Думаю, я понимаю больше, чем другие. Вы решили, что черви...

– Да не в этих дурацких червях дело!

Сеттерхольм включил громкую связь – сам Клавэйн еще не отыскал в своем скафандре эту клавишу, – и голос загремел в огромной пещере, угрожая запустить цепную реакцию создания мелких трещин, которая обрушит всю ледяную толщу. Однако через мгновение вернулась тишина, нарушаемая только хриплым дыханием Клавэйна, и ничего страшного не произошло.

– Дело не в червях?

– Да, – уже спокойней ответил Сеттерхольм, словно самое главное было сказано. – Не совсем в них. Они важны, но только как элемент нижнего уровня в гораздо более сложной системе, понимаете?

Клавэйн не стал кривить душой:

– Я никогда по-настоящему не понимал, чем эти черви вас так привлекали. Мне они кажутся довольно примитивными.

Сеттерхольм сдвинулся, перестав давить своим весом на Клавэйна, и поднялся на ноги.

– Они такие и есть. Даже ребенок сможет разобраться в биологии ледяного червя за один день. По крайней мере, Фелка смогла. О, она просто удивительная, Невил! – Сеттерхольм сверкнул зубами в улыбке, от которой по спине Клавэйна пробежал холодок. – Эта девочка способна понимать такое... Нет, она вовсе не неудача. Думаю, она чудо, которое мы вряд ли можем до конца осознать.

– В отличие от червей.

– Да, они похожи на заводные игрушки, запрограммированные на выполнение горстки простых правил. – Сеттерхольм наклонился и поднял ледоруб. – Всегда одинаково реагируют на одинаковые внешние раздражители. И раздражители, на которые они реагируют, тоже крайне примитивны: несколько уровней температуры, несколько биохимических сигналов, получаемых из самого льда. Но интеграционные возможности...

Клавэйн с усилием сел.

– Опять это слово!

– Это сеть, Невил. Система ходов, которые черви прорыли во льду, понимаете? Вот где настоящая сложность! Вот что меня больше всего интересовало! Конечно, мне понадобились годы, чтобы понять, что это такое...

– И что же это?

– Саморазвивающаяся сеть. Способная приспосабливаться и обучаться.

– Это просто беспорядочные ходы, прорытые во льду, Сеттерхольм.

– Нет, бесконечно больше. – Ученый запрокинул голову, насколько позволяло устройство скафандра, и сказал, наслаждаясь величественной красотой пещеры: – У любой нейронной сети есть два основных элемента: соединения и узлы. Они необходимы, но их одних недостаточно. Соединения должны иметь способность ранжировать, изменять силу сигнала в зави-

симости от полезности. А узлы должны иметь способность обрабатывать поступающие сигналы определенным образом, как логический вентиль. – Сеттерхольм обвел рукой пещеру. – Это мало отличается от соединений и узлов, принцип точно такой же. Перемещаясь по ходам, черви оставляют выделения, которые определяют, как будут использовать эти ходы другие особи, какой из маршрутов они должны выбрать. Есть много определяющих факторов: пол червей, сезон и другие, которыми я просто не хочу забивать вам голову. Но суть проста. То, как эти выделения влияют на поведение червей, подразумевает, что структура сети управляется тонкими интеграционными принципами. Узлы размножения выполняют функции логических вентилях: обрабатывают входные сигналы в соответствии с полом червей, их родом и иерархией в нем. Это грубый и медлительный биологический процесс, но в конечном итоге колония работает как нейронная сеть. Это программа, которую приводят в действие сами черви, пусть даже они не осознают, что являются частью единого целого.

Клавэйн впитывал все это, тщательно обдумывая пришедший ему в голову вопрос:

– А как она изменяется?

– Медленно, – ответил Сеттерхольм. – Иногда отдельными ходами перестают пользоваться из-за выделений, запрещающих эту дорогу другим червям. Постепенно ледник затягивает их. Одновременно появляются другие трещины – раздробление самого ледника накладывает на сеть отпечаток непрерывного хаоса или же черви прорывают новые ходы. Когда вы наблюдаете это медленное движение в наших временных рамках, то вам кажется, что вообще ничего не происходит. Но представьте все это в ускоренном виде, Невил. Представьте, что мы можем увидеть, как изменилась сеть за последние сто лет или за тысячу... Представьте, что мы сможем обнаружить. Постоянно развивающееся полотно связей, подвижное, вечно меняющееся. Ну как, это вам ничего не напоминает?

Клавэйн выбрал ответ, который должен был понравиться Сеттерхольму:

– Полагаю, разум. Новорожденный, еще только начинающий формировать нейронные связи.

– Да. И вы, несомненно, хотели бы отметить, что эта сеть изолирована и не способна реагировать на сигналы извне. Но мы не можем этого знать наверняка. Ее год подобен одному нашему удару сердца, Невил! То, что нам представляется геологически медленными процессами, – раздробление ледника, столкновение двух ледников, – эти события могут быть такими же действенными, как прикосновения и звуки для слепого ребенка.

Он замолчал и оглянулся на экран радара.

– Вот что я хотел выяснить. Сто лет назад у меня была возможность изучать сеть несколько десятилетий подряд, и я обнаружил поразительные вещи. Колония двигалась, постоянно изменяя свои очертания, когда сам ледник смещался или разламывался. Но как бы радикально ни менялась его периферия, как бы широко ни развивалось полотно, глубинные структуры внутри сети всегда сохраняются.

Сеттерхольм провел пальцем по скоплению красных точек в сердцевине зеленого лабиринта.

– На языке топологии сети эта система ходов скорее безмасштабная, чем экспоненциальная. Таков отличительный признак сетей с высоким уровнем организации и несколькими специализированными центрами обработки – хабами, если угодно. Вот один из них. Я уверен, что его назначение – увести сеть от расширяющейся трещины в леднике. Понадобится больше ста лет, чтобы в этом убедиться, хотя все мои наблюдения подтверждают первоначальную идею. Я также составил карту других образований в других колониях. Они могут быть огромными, на несколько кубических километров льда. Но они упорно продолжают развиваться. Понимаете, что это означает? Сеть начала развивать особые области деятельности, начала обрабатывать информацию. Начала подбираться к стадии разума.

Клавэйн еще раз огляделся, пытаясь взглянуть на пещеру в том новом свете, что явил ему Сеттерхольм. «Попробуй воспринимать червей не как самостоятельные организмы, – говорил он себе, – а как электрические сигналы. Блуждающие по синаптическим путям нейронной сети, созданной из твердого льда...»

Он вздрогнул. И это была единственная адекватная реакция.

– Даже если эта сеть обрабатывает информацию... нет никаких оснований предполагать, что она когда-нибудь станет разумной.

– А почему бы и нет, Невил? В чем принципиальное различие между познанием вселенной с помощью электрических сигналов, передающихся по нервным тканям, и с помощью узора трещин, проходящих через глыбу льда?

– Думаю, в этом есть определенный смысл.

– Я должен был их спасти, Невил. Не только червей, но и саму сеть, частью которой они были. Не могли же мы пройти этот долгий путь только для того, чтобы стереть в пыль первое мыслящее существо, встреченное нами во вселенной, просто потому, что оно не укладывается в наши уютные предубеждения о том, каким должен быть иной разум?

– Но спасение червей означало убийство остальных.

– Думаете, я этого не понимал? Не мучился из-за того, что должен был сделать? Я человек, а не чудовище, Невил. Я прекрасно понимал, что делаю, и прекрасно понимаю, кем должен казаться тому, кто придет сюда следом.

– И все-таки вы это сделали.

– Поставьте себя на мое место. Как бы поступили вы?

Клавэйн открыл было рот, рассчитывая, что подходящий ответ сам с легкостью придет в голову. Но прошло несколько секунд, а ответ так и не появился. Клавэйн задумался над вопросом Сеттерхольма. Прежде он довольствовался спокойным, бесспорным убеждением, что не поступил бы так, как этот человек. Но мог ли он быть в этом уверен? В конце концов, Сеттерхольм искренне полагал, что эта сеть образует разумную, мыслящую сущность. Это знание должно было вызвать у него ощущение божественной избранности, права совершать любые действия ради сохранения невероятно редкого явления, которое он открыл. И в конечном счете он был прав.

– Вы не ответили.

– Потому что мне кажется, Сеттерхольм, что этот вопрос требует чего-то большего, чем поспешный ответ. Мне хочется думать, что я не стал бы так делать, но смогу ли я когда-нибудь до конца в это поверить?

Клавэйн поднялся, проверил свой скафандр и с удовлетворением убедился, что тот не пострадал в драке.

– Вы никогда этого не узнаете.

– Не узнаю. И не очень хочу. Но я точно знаю одно: я слышал вашу речь, слышал пламя в ваших словах. Вы верите в вашу сеть, но все же не смогли сделать так, чтобы остальные поверили. Сомневаюсь, что сам бы сумел достичь большего и что нашел бы лучший способ сблизить то, что вы открыли.

– Значит, вы убили бы всех точно так же, как я?

Осознание этого тяжелым грузом легло на душу Клавэйна. Было бы куда легче чувствовать, что он не способен на такое. Но Клавэйн был солдатом. Он убил больше людей, чем сам мог припомнить, пусть даже с тех пор прошло много лет. Это намного легче делать, когда у тебя есть убедительная причина.

А у Сеттерхольма такая причина определенно была.

– Возможно, – сказал Клавэйн. – Возможно, и так, да.

Он услышал вздох Сеттерхольма.

– Я очень рад. На мгновение мне показалось...

– Что вам показалось?

– Когда вы появились с ледорубом в руках, я решил, что вы намерены убить меня. – Сеттерхольм держал ледоруб точно так же, как до этого держал Клавэйн. – Но вы бы этого не сделали, да? Не спорю, то, что я совершил, крайне прискорбно, но я должен был так поступить.

– Я вас понимаю.

– Но что со мной теперь будет? Можно, я останусь с вами, а?

– Боюсь, мы не задержимся на Диадеме. И не думаю, что вы захотели бы отправиться с нами, если бы узнали, кто мы такие на самом деле.

– Не бросайте меня! Я не могу снова остаться здесь один!

– Почему бы и нет? У вас есть ваши черви. И вы всегда можете опять убить себя и посмотреть, кто появится на этот раз. – Клавэйн повернулся к выходу из пещеры.

– Нет, не уходите!

– Я оставлю наверху вездеход. Возможно, там найдутся кое-какие припасы. Только не появляйтесь больше возле базы. Там вам не будут рады.

– Но я же погибну здесь, – сказал Сеттерхольм.

– Привыкайте к этой мысли.

Он услышал, как Сеттерхольм зашаркал по льду, а затем побежал. Клавэйн спокойно обернулся и ничуть не удивился, когда увидел перед собой ученого, замахнувшегося ледорубом.

Клавэйн со вздохом мысленно потянулся к сети машин, все еще дрейфующих в мозгу Сеттерхольма, и приказал им подвергнуть своего носителя молниеносной безболезненной казни путем разрушения нейронов. Час назад он не смог бы проделать такой трюк, но только что Галиана переслала инструкцию в его сознание, и дело оказалось плевым. На мгновение он ощутил, каково это – быть богом.

Сеттерхольм выронил ледоруб, споткнулся и упал прямо на одно из лезвий. Оно проткнуло визор, но к тому моменту ученый и так уже был мертв.

– Мои слова были правдой, – сказал Клавэйн. – Я и в самом деле мог убить их. Не хотелось бы так думать, но не стану и утверждать, что это не мое. Нет, я не виню вас нисколько.

Носком сапога он принялся сбивать лед со стены над трупом. Было бы слишком хлопотно забирать Сеттерхольма отсюда, а скрытые внутри машины стерилизуют тело и не позволят ни одной клетке загрязнить собой ледник. И, как сказал самому себе Клавэйн считанные дни назад, бывают и худшие места для смерти. Или, по крайней мере, худшие места для оставленных умирать.

Когда над Сеттерхольмом вырос сугроб посреди пещеры, Клавэйн обратился к мертвецу в последний раз:

– Но ничего не поправишь, я остался убийцей. – Он ударил ногой в стену, и еще один пласт льда осыпался на труп. – И кто-то должен был заплатить за это.

Ночной монолог⁶

Если вы и в самом деле родились на Фанде, то должны знать бытующую в нашем мире старую поговорку: «Позор – это маска, которая становится лицом».

Это означает, что, если вы долго носите маску, она прирастает к коже и становится неотделимой от вас, в каком-то смысле даже удобной.

Хотите знать, чем я занималась до вашего звонка? Стояла у окна и наблюдала, как Город Бездны погружается в сумерки. На фоне силуэтов далеких домов смутно проступало мое отражение – лицо, высеченное из жестоких световых бликов и безжалостно втягивающих свет теней. Когда-то давно отец поднял меня к ночному небу над заливом Бернхейма и стал показывать системы, планеты и малые колонии, связанные между собой космическими кораблями, и заявил, что я очень красивая девочка и что в темных озерах моих глаз отражаются миллионы звезд. А я ответила, что мне все это безразлично и я хочу стать капитаном космического корабля.

Он рассмеялся и крепче прижал меня к себе. Не знаю, поверил отец или нет, но, думаю, он испугался, решив, что я могла сказать это совершенно искренне.

А теперь появляетесь вы.

Вы узнаете меня, чего не смог бы сделать он, но узнаете только потому, что видели меня взрослой. Мы с вами ни разу не разговаривали, и наша единственная встреча ограничилась простой улыбкой, простым дружелюбным взглядом в тот момент, когда я приглашала пассажиров на мой корабль, все девятнадцать тысяч, что текли непрерывным потоком через посадочный люк... Или двадцать тысяч, если считать сочленителей.

Как бы я ни старалась, не могу вспомнить тогдашний ваш облик.

Но вы утверждаете, что были среди них, и я согласна уделить вам время. Вы утверждаете, что были среди тех немногих тысяч, кто пробудился от сна на корабле, и, возможно – мне ведь не свериться со списком пассажиров «Равноденствия», – среди еще меньшего числа людей, кто не получил необратимых повреждений из-за того, что наш рейс затянулся. Но вы утверждаете, что это все равно было тяжело. Когда вас возвратили из криосна, вы едва осознавали себя как личность, не говоря уже о сохранности воспоминаний.

Как так вышло, что со мной все хорошо, а с другими нет? Отчасти мне повезло. Но когда было решено, что я должна выжить, на корабле приняли все меры, чтобы уберечь меня от побочных эффектов долгого сна. Сервиторы не раз вмешивались, чтобы исправить неполадки и увеличить мои шансы. Не раз меня частично оживляли, чтобы отдать в распоряжение хирургического автомата, который устранял начинающееся обморожение. Сама я ничего не помню, но, очевидно, он с задачей справился. Такую заботу нельзя было распространить на всех пассажиров. Остальным приходилось полагаться лишь на удачу, и не единожды.

Подойдите на минуту к окну. Это мое любимое время суток. Теперь мой дом здесь, в Городе Бездны. Я никогда больше не увижу Фанд, и мне редко доводится покидать свое жилище. Но Йеллоустон – не такое уж плохое место, если привыкнуть к ядовитому небу и беззвездным ночам.

Видите, как загораются огни? Миллион окон, миллион других жизней. Огни горят большую часть суток, и они по-прежнему напоминают мне искры на фоне завесы, вспыхивающие одна за другой. Помню, как я стояла там с Магадиз и доктором Грелле, наконец сообразив, что же они мне показывали... и что это означало. Прекрасные крохотные синапсические вспышки, словно мысли, искрящиеся в галактической тьме разума.

⁶ Перевод С. Удалина.

Но вы же ничего этого не видели.

Давайте я расскажу вам, как все началось. Вы еще услышите другие мнения, другие версии, но вот так все происходило для меня.

Когда это случилось, мне не нужно было объяснять, что что-то пошло не так. Я еще только открыла глаза, ощупью отыскивая путь к сознанию, а все признаки больших неприятностей уже были тут как тут. Красные стены, красный свет, слабо пульсирующий сигнал тревоги и воздух, слишком холодный для ощущения комфорта. «Равноденствие» должен был прогреться до прибытия на Йеллоустон, чтобы мы могли запустить алгоритм массового пробуждения. Такой холод был возможен лишь в одном случае: если бы меня вывели из криосна, когда корабль летел на полной скорости.

– Раума, – прозвучал чей-то голос. – Капитан Бернсдоттир. Вы меня понимаете?

Это мой первый помощник склонился над приоткрытой криокапсулой. Его лицо расплылось перед моими глазами – бледное широкое пятно.

– Струма... – Язык и губы отказывались подчиняться, во рту пересохло. – Что случилось? Где мы сейчас?

– На полпути, и дела у нас неважные.

– Начиная с самого плохого.

– Мы остановились. Двигатели повреждены, управление потеряно. Дрейфуем со скоростью несколько километров в секунду по местной системе координат.

– Нет, – категоричным тоном, словно объясняя ребенку, проговорила я. – Это невозможно. Корабли просто так не останавливаются.

Струма наклонился и помог мне выбраться из капсулы. При каждом движении кости и мышцы посылали новую вспышку боли в мозг. Пробуждение от криосна никогда не бывает приятным, но быстрое пробуждение сопровождается целым списком проблем.

– Возможно, если это преднамеренное действие. Это диверсия, капитан.

– Что?

– Пауки... сочленители, – поправил он себя, – проснулись в середине рейса, выбрались из своего отсека и захватили управление кораблем. Они развернули нас кругом и сбросили скорость настолько, что теперь мы едва ползем.

Он помог мне добраться до кресла и стола, а потом протянул чашку студенистой розовой каши, предназначенной для восстановления метаболического баланса.

– Как... – У меня было слишком много вопросов, и они мешали друг другу вырваться из головы, но бравый капитан сразу перескочил к главному, а потом уже вернулся к мелочам. – Состояние корабля. Докладывай.

– Аварийное. Нет контроля ни над маршевыми, ни над маневровыми двигателями. Связь потеряна.

Он проглотил слюну так, словно собирался сказать что-то еще.

Я зачерпнула ложкой отвратительно пахнущую розовую массу.

– Скажи мне, что мы можем исправить повреждения и лететь дальше.

– Все это можно починить... со временем. Мы сейчас разрабатываем график ремонта.

– Мы?

– Шесть старших офицеров, включая меня. Корабль разбудил нас первыми. Это обычная практика: будить капитана только в экстренной ситуации. Еще шестерых пассажиров разморозили согласно все той же аварийной инструкции.

Лицо Струмы перестало расплываться перед моими глазами. Первый помощник побывал со мной уже в двух рейсах, но все еще казался мне слишком молодым и нетерпеливым. Резкие мальчишеские черты лица, открытая улыбка, круто изогнутые брови, короткие темные волосы, аккуратно причесанные даже в кризисной ситуации.

– А что... – Я нахмурилась, пытаюсь отогнать неприятные новости, которые он успел мне сообщить. – Что с этими сочленителями? Раз ты говоришь со мной, значит их попытка не удалась.

– Да, не удалась. Они хорошо изучили корабль, но не знали всех тонкостей системы безопасности. Мы проснулись вовремя и не позволили им захватить корабль, а потом изолировали их. – У него заиграли желваки. – Но схватка получилась жестокой. Они брали быстротой и хитростью, а еще, разумеется, численным перевесом сто к одному. Но у нас было оружие, и к тому же большая часть охранных систем оказалась настолько примитивной, что оставалась на нашей стороне.

– Где они сейчас?

– Оставшиеся в живых задержаны. Еще примерно восемьсот человек по-прежнему заморожены. В группе захвата было около двухсот – точных цифр у нас нет. Но мы их изрядно проредили. По моим прикидкам, человек шестьдесят еще тепленькие, но мы заперли их прочными переборками и электростатическими щитами.

– А почему же тогда корабль так растерзан?

– Это от отчаяния. Они были готовы сражаться насмерть. Вот тогда и были причинены основные повреждения. Обычные меры не могли сдержать мятежников. И нам пришлось применить тяжелые эксимерные лазеры, которые пробили дыру в корпусе и изувечили все, что оказалось на их пути, включая двигатели и системы навигации.

– У нас были эксимеры?

– Согласно инструкции, капитан. Просто раньше они нам не требовались.

– Не могу поверить. Сто лет мирного сотрудничества. Успешная совместная работа, взаимовыгодный обмен научными и техническими сведениями. Почему же пауки отказались от всего этого? И именно на моем корабле?

– Я покажу вам почему, – пообещал Струма.

Поддерживая мое неустойчивое тело, он подвел меня к обзорному иллюминатору и открыл противорадиационные заслонки. Затем выключил аварийные красные огни, чтобы моим глазам проще было приспособиться к виду снаружи.

Я посмотрела на звезды. Они медленно проплывали слева направо, но не потому, что весь корабль двигался, а потому, что на нем теперь работала центробежная гравитация и наша часть «Равноденствия» вращалась. Звезды были разбросаны по скоплениям и созвездиям, некоторые изменились почти до неузнаваемости, а другие – более далекие – не слишком отличались от тех, что я помнила с детства.

– Это просто звезды, – сказала я, ничуть не удивленная. – Не понимаю...

– Подождите.

И тут я увидела черную стену. Она имела четкие границы, за которыми не было вообще никаких звезд. Чем дальше мы поворачивались, тем больше черноты появлялось в поле зрения. Отсутствовали не только близкие звезды. Весь Млечный Путь – скрученный хребет, состоящий из десятков миллионов звезд, отделенных от нас тысячами световых лет, – изгибался дугой через обычную часть неба, а затем внезапно обрывался, как будто я смотрела на линию горизонта над черным бессолнечным морем.

На какое-то время я просто уставилась в темноту, не в состоянии осознать, что я вижу. Меня готовили к разным непредвиденным обстоятельствам – почти ко всему, что могло случиться в межзвездном перелете. Но только не к этому.

Половина неба исчезла.

– Что за чертовщина?

Струма долго смотрел на меня, не прерывая молчания, а потом буркнул:

– Хороший вопрос.

Вас не было среди тех шести представителей пассажиров. Иначе вышло бы слишком ловко, слишком неправдоподобно, учитывая обстоятельства. И я бы вспомнила ваше лицо, как только вы вошли в дверь.

Я встретила с ними в одной из кают массовой реабилитации. Она походила на такие же каюты для экипажа, только была намного больше и богаче обставлена. В конце нашего перелета пассажиры должны были оттаивать здесь группами по несколько сотен, готовясь к высадке в новой звездной системе, в самом начале нового этапа своей жизни.

Все шестеро прошли через тот же процесс привыкания, который я сама пережила несколькими часами раньше. Дискомфорт, растерянность и изрядная доля негодования из-за того, что рейс прошел не так гладко, как обещали рекламные проспекты.

– Вот что нам известно, – начала я, обращаясь к этим шестерым, собравшимся вокруг шестиугольного стола с восстановительными блюдами и напитками, – через некоторое время после нашего отлета с Фанда сочленители попытались захватить корабль. Насколько нам удалось выяснить, сто или двести из них вышли из криосна, захватили систему управления двигателем и остановили корабль. Мы сейчас находимся вблизи объекта или феномена неизвестного происхождения. Это черная сфера размером приблизительно со звезду, и мы всего в пятидесяти тысячах километров от ее поверхности.

Я предупреждающе подняла руку, не дав посыпаться закономерным вопросам:

– Нет, это не черная дыра. Черная дыра такого размера обладала бы массой целой галактики, и мы никак не могли проглядеть нечто подобное в непосредственной близости от нас. Кроме того, она нас не притягивает. Просто находится рядом, не оказывая никакого гравитационного воздействия, которое могли бы зафиксировать наши приборы. Мы также отметили, что звезды возле самого ее края не подвержены ни абберрации, ни красному смещению... Что?

Один из пассажиров тоже поднял руку. Этот жест был таким мирным, таким вежливым, что остановил меня на полуслове.

– Это ведь не могло быть случайностью, правильно?

– Могу я узнать ваше имя, сэр?

Он был низкорослым, почти лысым, с высоким голосом и пронизательным, цепким взглядом.

– Грелле. Доктор Грелле. Я врач.

– Какая удача, – сказала я. – Возможно, кончится тем, что нам понадобится помощь врача.

– Удача здесь ни при чем, капитан Бернсдоттир. Инструкция требует, чтобы в группе экстренного пробуждения обязательно находился медик.

Я не сомневалась, что он прав, но это был второстепенный пункт инструкции, так что мою забывчивость вполне можно извинить.

– И все же я буду рада вашей помощи, если у нас возникнут трудности.

Он посмотрел на меня, и я вдруг почувствовала нечто раздражающее в его мягких, сдержанных манерах.

– Нас ожидают трудности?

– В зависимости от того, как пойдут дела. Возвращаясь к вашему первому вопросу, должна сказать: мне кажется маловероятным, что сочленители случайно наткнулись на этот объект, или артефакт, или как еще удобней его называть. Они должны были сначала узнать его местонахождение, а уже затем составить план захвата корабля.

– С какой целью? – спросил доктор Грелле.

Я рассудила, что правда – лучшая политика.

– Не знаю. Думаю, что-то вроде сбора информации. Возможно, попытка одностороннего первого контакта, вопреки условиям Европейского соглашения. Впрочем, каким бы ни был их

план, он провалился. Но за это пришлось дорого заплатить. Корабль поврежден. Ремонтные системы «Равноденствия» исправят все неполадки, но нам потребуется время.

– Значит, мы просто подождем – заговорила другая пассажирка. – Это ведь все, что мы должны сделать, да? А потом мы продолжим рейс.

– Есть одна сложность, – ответила я, оглядывая всех по очереди. – Нас сносит к объекту. В обычном состоянии никаких проблем не возникло бы – мы бы просто включили маршевые двигатели или воспользовались маневровыми. Но сейчас мы не можем ими управлять. И не сможем, пока не выполним большую часть запланированного ремонта.

– Сколько это займет? – спросил доктор Грелле.

– Чтобы запустить главные двигатели? Мои старшие офицеры говорят, что не меньше месяца. Но даже если мы сэкономим неделю, это нас не спасет. При нынешней скорости дрейфа мы достигнем поверхности объекта через двенадцать дней.

Наступившая тишина повторяла мое собственное молчание, когда Струма сообщил мне о нашем незавидном положении.

– И что произойдет? – задал вопрос еще один пассажир.

– Мы этого не знаем. Не знаем даже, из чего состоит этот объект. Может быть, это сплошная стена, или какой-то экран, или разрыв реальности. Нам известно только, что он блокирует все волны с невероятной эффективностью и его температура точно такая же, как у реликтового излучения. Если это сфера Дайсона... или что-то похожее, мы могли бы уловить ее излучение в инфракрасном диапазоне. Но ничего подобного. Объект почти невидим. Если вам нужно что-то спрятать или самому скрыться в межзвездном пространстве, чтобы вас было невообразимо трудно найти, не подходя совсем близко, тогда это самый подходящий вариант. Как камуфляж, как накидка, как...

– Завеса, – подсказал доктор Грелле.

– Кто-то может забавляться, придумывая для него название, – продолжила я. – Нас же интересует, как он будет реагировать. Я распорядилась запустить небольшой измерительный зонд прямо в объект. Ничего похожего на научную аппаратуру – у нас на борту такого нет. Просто запасной скафандр с несколькими датчиками. Но это поможет нам представить, чего ожидать от объекта.

– Когда ваш зонд вернется?

– Без малого через двадцать шесть часов.

– Вы должны были сначала посоветоваться с группой экстренного пробуждения, капитан, – сказал доктор Грелле.

– Почему?

– Вы запустили ракету в объект неизвестного происхождения. Вы знаете, что это ракета, и мы тоже знаем. А объект?

– Нам неизвестно, есть ли у него разум, – ответила я.

– Пока неизвестно, – поправил меня доктор Грелле.

Следующие шесть часов мы со Струмой потратили на осмотр корабля. Излазили корпус вдоль и поперек, изнутри и снаружи, чтобы выявить все повреждения и убедиться в том, что нас не ждут новые сюрпризы. Внутри было еще терпимо. Но находясь снаружи, в смотровой капсуле, я все время чувствовала за спиной эту черную стену.

– Ты уверен, что не было никакого другого способа остановить пауков, кроме как продырявить корабль?

– У вас большой опыт подавления мятежей сочленителей, капитан?

– Не особенно.

– Я изучал тактику, которую они применяли на Марсе, в начале прошлого века. Они безжалостны, безразличны к смерти и не склонны к капитуляции.

– Марс – это древняя история, Струма.

– Но уроки из нее все-таки можно вынести. Сочленителей нельзя считать разумным противником, готовым вести переговоры. Они больше напоминают нервно-паралитический газ, норовящий добраться до тебя любым способом. Нам необходимо было загнать их в ту часть корабля, которую мы могли бы запечатать, а после, если потребуется, снова открыть. Нам удалось решить задачу, но с большим ущербом для корабля. – Он смотрел на меня с суровой стоической решимостью из другой смотровой капсулы, скользившей параллельно моей. – У нас не было выбора. Мне совсем не нравилось то, что мы делали, но при этом я прекрасно понимал, что корабль способен отремонтировать себя.

– Получилось лучше некуда.

Я кивнула на черную поверхность. При нашей нынешней скорости она приближалась с каждой минутой на три километра.

– Что, по-вашему, я должен был сделать? – спросил Струма. – Позволить им захватить корабль и перерезать всех остальных?

– Ты не можешь знать их намерений.

– Могу, – возразил Струма. – Потому что Магадиз сама мне сказала.

Я дала ему время насладиться победой, а затем спросила:

– Кто такая Магадиз?

– Пленная. Я бы не назвал ее лидером, у сочленителей нет лидеров как таковых. Но есть руководящее звено – лица, которым доверяют работу с информацией высокого уровня и принятие решений. Она как раз из таких.

– И ты даже не заикнулся о ней до сих пор?

– Вы спрашивали о главном, капитан. Я рассказал о главном. К тому же Магадиз крепко досталось в схватке. С тех пор она то приходила в сознание, то снова его теряла и не всегда была в ясном уме. Как заложник она большой ценности не имеет, поэтому не вполне ясно, что теперь с ней делать. Возможно, стоит прикончить прямо сейчас.

– Я хочу взглянуть на нее.

– Так и думал, что вы захотите, – сказал Струма.

Наши капсулы направились к открытому проему стыковочного отсека.

К тому времени, когда я добралась до Магадиз, та уже была в сознании и вменяема. Струма и другие офицеры заперли ее в дальнем конце корабля, отдельно от других пленных, а затем соорудили импровизированную клетку из электростатических щитов вокруг каюты, чтобы не допустить нейронного контакта Магадиз с остальными сочленителями.

Не желая рисковать, ее привязали к койке, закрепив зажимами грудь, талию, запястья, лодыжки и шею. И все же мне стало неуютно от такого близкого соседства с ней. Раньше я не испытывала недоверия к сочленителям, но слова Струмы о Марсе высвободили хранившийся в моей голове огромный запас слухов и воспоминаний. С сочленителями обходились дурно, но и они не упускали случая отплатить тем же. Они были людьми, но на самой грани этого понятия. У них была человеческая физиология, усиленная до высокой приспособляемости к неблагоприятным условиям. И человеческий мозг с внедренной в него усовершенствованной нейронной сетью, далеко превосходившей все, чем обладали демархисты. Их сознания были взаимно переплетены, а чувство индивидуальности расплывалось за прозрачными границами черепов и тел.

Именно поэтому Магадиз была бесполезна как заложник. Начнем с того, что она лишь частично присутствовала здесь, и этими частями – телом и содержащимся в нем небольшим фрагментом разума – можно было пожертвовать. Другая же часть Магадиз все еще оставалась с сочленителями.

Я подошла к ней. Она была худая, вся из острых углов. Руки, насколько я могла разглядеть под зажимами, напоминали сложенные клинки, готовые в любой момент раскрыться и нанести удар. На почти безволосой голове ясно проступал черепной гребень. Лицо Магадиз покрывали синяки и порезы, один глаз так ужасно заплыл, что трудно было понять, выбит он или все еще остается на месте.

Но другой глаз уставился на меня.

– Капитан.

Она выговорила это слово очень старательно, но я заметила, что губы были в крови, во рту не хватало нескольких зубов, а язык чудовищно распух.

– Магадиз, тебя ведь так зовут? Мои офицеры утверждают, что вы, сочленители, пытались захватить корабль. Это правда?

Мой вопрос, похоже, в равной степени рассмешил и разочаровал ее.

– К чему об этом спрашивать?

– Я хотела бы понять, что произошло, до того как мы все умрем.

Один из офицеров за моей спиной держал в руках эксимерную винтовку, целясь в голову Магадиз.

– Мы не верили, что вы сумеете должным образом исследовать артефакт, – ответила она.

– Значит, вы уже знали о нем?

Она чопорно кивнула, несмотря на зажим, удерживающий шею.

– Разумеется. Но только в общих чертах. Объект сопоставимого со звездой размера, очевидно, искусственного происхождения, очевидно, созданный не человеком. Он нас крайне заинтересовал. Но действующее соглашение ограничивало наши возможности по сбору информации на устраивающих нас условиях.

– Вы сказали «действующее соглашение»! Больше ста лет мирного сотрудничества. Зачем вы поставили его под угрозу?

– Дело в том, что появление этого объекта все меняет.

– Но вы даже не знаете, что это такое!

– Мы передали всю собранную информацию нашим Материнским Гнездам. Там проанализируют то, что мы нашли, как только сигнал дойдет до них. Но не стоит обманывать себя, капитан. Это не наша технология – налицо физические принципы, выходящие далеко за пределы наших даже чисто теоретических горизонтов. Та часть человечества, которая сумеет воспользоваться хотя бы частью этого нового знания, оставит всех прочих в пыли истории. Союз с демархистами сослужил нам хорошую службу, пока был выгоден для нас. Но всему приходит конец.

– Вы рискуете развязать войну ради стратегического преимущества?

Она озадаченно прищурила здоровый глаз:

– А какое еще бывает преимущество?

– Я могла бы... Я должна была бы убить вас немедленно, Магадиз. Как и всех остальных сочленителей. Вы натворили достаточно, чтобы дать мне такое право.

Она подняла голову:

– Ну так убейте.

– Нет, не убью, пока от вас есть польза. Через пять с половиной суток мы столкнемся с объектом. Если хотите пощады, подумайте о том, как этого столкновения избежать.

– Я уже обдумала наше положение, – сказала Магадиз. – Для надежды нет никаких оснований, капитан. Можете меня казнить, но поберегите один патрон для себя. Возможно, потом вы оцените мой совет.

Остаток этого первого дня мы потратили на подтверждение того, что уже и так знали. Наш корабль был изуродован и обречен беспомощно дрейфовать в сторону объекта.

Пассажирские корабли, предназначенные для рейсов между обжитыми, цивилизованными звездными системами, не имели ни шаттлов, ни больших катеров для полетов в открытом космосе. Ни спасательных шлюпок, ни буксиров – ничего такого, что могло бы столкнуть нас на другой курс или повернуть наш дрейф вспять. Даже содержимого грузовых трюмов не хватило бы для такого маневра. Я это точно знаю, потому что внимательно просмотрела таможенную декларацию в поисках какого-то волшебного решения нашей проблемы: контейнера с ракетными двигателями или чего-нибудь еще в том же роде.

Корабль массой в миллион тонн, даже при скорости пятьдесят метров в секунду, обладает слишком большой инерцией. Нужно что-то посерьезнее, чем запасной примагничивающийся двигатель или реактивный ранец, чтобы изменить нашу судьбу.

Хотя вопрос о том, какой будет наша судьба, разумеется, оставался пока открытым.

Вскоре нам предстояло это узнать.

За час до того, как скафандру предстояло достичь поверхности объекта, я собрала на мостике Струму и других офицеров, а также доктора Грелле и представителей пассажиров. Наш импровизированный зонд продолжал передавать информацию на всем протяжении суточного полета. За этот срок не было замечено значительного изменения параметров или хотя бы намек на реакцию объекта.

Он оставался черным, холодным и совершенно беззвездным. Даже находясь всего в десяти тысячах километров от него, скафандр не обнаружил никаких следов радиации, кроме слабого микроволнового шума. Он непрерывно посылал импульсы к поверхности, но не регистрировал ни отраженного, ни рассеянного сигнала. Гравитационное поле оставалось таким же спокойным, как и в остальном межзвездном пространстве. Объект должен был из чего-то состоять, но даже если его распределенная масса равнялась массе луны, не говоря уже о планете или звезде, скафандр уловил бы перепад.

Следовательно, объект не был физической поверхностью. Это энергетический барьер или разрыв реальности? Но даже энергетическое поле должно было заметно изменить траекторию скафандра.

Значит, что-то другое. Что-то, как намекала Магадиз, лежащее целиком за гранью нашей физики. Искусно сооруженный излом или трещина в пространстве-времени. Возможно, бессмысленно даже пытаться построить концептуальный мост между тем, что знаем мы, и тем, что представляет собой объект. По крайней мере, бессмысленно для обычного человека. Но я подумала о том, что сможет из этого извлечь сеть тесно связанных друг с другом близких к гениальности умов. Сочленители уже разработали вооружение и двигательные установки, выходящие за пределы возможностей нашей техники, даже если они и подпитывали нас время от времени подсказками и озарениями из своей «вспомогательной физики», словно заверяя союзников в том, что опережают их всего лишь на шаг-другой.

Скафандр находился в восьми тысячах километров от поверхности объекта, когда его показания стали странными. Сначала это были мелочи, которые можно было, почти не кривя душой, списать на неисправность сенсоров. Но странностей становилось все больше и больше, и от них уже нельзя было отмахнуться, поскольку крайне маловероятно, чтобы все эти поломки могли случиться одновременно.

Я с пересохшим от волнения ртом уставилась на цифры и графики.

– Что это? – спросила Чахари, одна из пассажиров.

– Нам необходимо подробнее изучить эти данные... – начал Струма, но я перебила его:

– Нет. Достаточно и того, что они нам уже сказали. Индикаторы ускорения на скафандре пошли вразнос. Как будто их тянут и толкают в сотни разных направлений. Как кусок пластилина в ладонях... И с каждой минутой становится все хуже...

Я говорила с грубой прямоотой, ведь не было никакого смысла подслащивать пилюлю для пассажиров. Их пробудили, чтобы они принимали решения вместе с нами, и уже по одной этой причине им необходимо понимать весь ужас нашего положения.

Насколько мы могли судить, скафандр все еще передавал информацию, когда достиг отметки в семь тысяч километров от поверхности объекта. Впрочем, после этого он продержался считанные минуты. Нагрузки росли и росли, пока целые блоки датчиков не начали выходить из строя. Вскоре скафандр сообщил о серьезных повреждениях оболочки, его рукава и брючины разрывались и сминались со все возрастающими силами. Он закувыркался, посылая нам лишь отрывочные импульсы с кодированными данными.

Пока совсем не пропал.

Я взяла небольшую паузу, чтобы успокоиться, а потом заговорила:

– Даже когда скафандр еще посылал сигналы, на него действовали силы, намного превосходящие предел прочности корабля. Мы развалимся вскоре после прохождения отметки семь тысяч километров... а неприятности начнутся намного раньше. – Я проглотила комок в горле. – Мы знаем, что это не черная дыра, но возле поверхности объекта с пространством-временем происходит что-то очень странное. И если мы подойдем слишком близко к ней, нас разорвет на части, совсем как этот скафандр.

И тут нас накрыло. Корабль застонал, и на меня навалилась выворачивающая наизнанку тяжесть. Зазвучал сигнал тревоги, запылали аварийные красные лампы.

Это было все равно как если бы мы плыли по спокойному морю и вдруг над нами прокатился огромный вал, а следом за ним пробежали постепенно слабеющие волны.

Но вскоре потрясение прошло, чем бы оно на самом деле ни было.

Первым пришел в себя доктор Грелле.

– Мы все еще не знаем, обладает ли этот объект разумом, – произнес он пронзительным голосом, который я уже успела возненавидеть. – Но, думаю, в одном теперь можно не сомневаться, капитан Бернсдоттир.

– В чем же это? – спросила я.

– В том, что вы нашли способ рассердить его.

Струма принес хорошие новости как раз в тот момент, когда я особенно нуждалась в них.

– Это крайнее средство, – начал извиняться он еще до того, как перешел к делу, – но, учитывая текущее положение вещей...

– Рассказывай.

Он показал мне блок-схему многочисленных ремонтных операций – сложный, запутанный график, напоминающий осьминога, а затем карту с нашим положением относительно сферы.

– Вот наша позиция – тридцать пять тысяч километров от поверхности.

– Возможно, поверхность сейчас для нас не самая серьезная проблема, – предположила я.

– Допустим, у нас осталось всего двадцать пять тысяч километров до того, как начнутся трудности, – чуть меньше шести дней. Но этого может хватить. Я просмотрел первоочередные задачи в расписании ремонта и думаю, что удастся сжать сроки их выполнения.

Я заставила себя не вцепиться сразу в призрачную надежду.

– Ты сможешь?

– Как я уже сказал, это крайнее средство, но...

– Избавь меня от оговорок, Струма! Просто объясни, что мы должны или не должны делать.

– Как правило, ремонт главных двигателей важнее всего остального. И в этом есть смысл. Если что-то случается с маршевыми двигателями, когда летишь на околосветовой скорости и пытаешься ее сбросить, то при цейтноте... В общем, нужно в первую очередь чинить двигатель,

если только не рассчитываешь промахнуться мимо нужной системы на несколько световых лет или даже больше. – Он сделал многозначительную паузу. – Но у нас другая ситуация. Нам нужно восстановить контроль над вспомогательными двигателями, чтобы изменить направление дрейфа. Потом понадобится целый год или даже десять лет, чтобы достичь релятивистских скоростей, но мы, по крайней мере, останемся в живых. И сможем переждать в криосне.

– Допустим, – согласилась я.

– Если изменить основной график и пренебречь ремонтом главных двигателей, а также всего остального, без чего мы сможем прожить ближайшие шесть дней, то моделирование говорит, что у нас есть шанс восстановить вспомогательные двигатели раньше, чем мы достигнем отметки десять тысяч километров. Мы нейтрализуем дрейф и направим его в другую сторону, чтобы избежать встречи с этим чудовищем. А потом уже будем беспокоиться о возвращении домой. И если даже не получится снова завести главные двигатели, мы сможем в конце концов запросить помощь и дождаться ее здесь.

– Нам обязаны будут ответить, – сказала я.

– Конечно.

– И ты уже... внес эти изменения в график?

Он горячо закивал:

– Да. Учитывая то, как мало времени у нас в запасе, я посчитал, что лучше не медлить.

– Ты все правильно сделал, Струма. И подарил нам шанс. Мы обратимся к представителям пассажиров. Может быть, они простят меня за тот случай со скафандром.

– Вы не могли предугадать, капитан. Но это как соломинка для утопающего... шанс, не более того. График ремонта – это только оценка, но не твердая гарантия.

– Знаю. – Я похлопала его по плечу. – Воспользуемся тем, что у нас есть.

Я отправилась повидаться с Магадиз, решив пока утаить от нее новости, что принес Струма. Сочленительницу по-прежнему содержали под вооруженной охраной в электростатической клетке, пристегнутой к креслу. Я села напротив нее.

– Мы скоро умрем, – начала я.

– Это не новость, – ответила Магадиз.

– Я хотела сказать, что мы умрем не так, как ожидали. Не просто столкнемся с объектом и прекратим существовать настолько быстро, что даже не почувствуем боли. От этого варианта я тоже не в восторге, но предпочла бы его другому.

– Какому?

– Медленной и мучительной смерти. Я запустила к объекту исследовательский зонд – скафандр, набитый датчиками.

– Это было разумное решение?

– Может быть, и нет. Но он открыл нам, чего следует ожидать. Пространство-время рядом с этой сферой... Оно свернуто, расколото, не знаю, как еще сказать. Перестроено. И способно реагировать. Ему не понравился мой скафандр. Оно разорвало его, как тряпичную куклу. То же самое произойдет с кораблем и со всеми, кто находится внутри. Только мы сделаны не из металла, а из кожи и костей. Для нас все будет куда медленней и неприятней, потому что скафандр летел на гораздо большей скорости, когда соприкоснулся с измененным пространством-временем. Мы приблизимся не спеша, и боль будет расти с каждым часом.

– Я могу научить вас кое-каким способам управления болью, – сказала Магадиз. – Возможно, вы найдете их полезными.

Я хлестнула сочленительницу по лицу, на и без того распухшей губе выступила кровь.

– Вы были подготовлены к встрече с объектом. Вы знали о его существовании. Из этого следует, что у вас была какая-то стратегия, какой-то план.

– Был. Пока вы его не расстроили.

Она криво усмехнулась, недобро сверкнув здоровым глазом. Я хотела ударить еще раз, но какая-то холоднокровная часть моей души остановила занесенную руку. Я сознавала всю бесполезность воздействия болью на сочленителей. Или надежды на то, что угроза боли, даже растянувшейся на много часов, может изменить намерения Магадиз.

– Дайте мне какую-нибудь подсказку. Вы умны, пусть даже и разъединены с остальными. Вы пытались захватить корабль. Ваши люди изобрели и изготовили многие его важные системы. Вы способны придумать что-то такое, что может увеличить наши шансы.

– Мы собрали информацию, – ответила она. – Все остальное уже не имеет значения. Я готова умереть. Как это произойдет, меня не интересует.

Я кивнула, давая ей понять, что рассчитывала услышать что-то в этом духе. Но у меня было что еще ей сказать.

– Это вы поставили нас в такое положение, Магадиз, вы и ваши люди. Может быть, остальные смотрят на все так же, как вы, и готовы принять смерть. Как по-вашему, они не передумают, если я начну убивать их прямо сейчас?

Я ждала ответа, но Магадиз только смотрела на меня, и выражение ее лица ничуть не изменилось.

Кто-то окликнул меня по имени и званию. Я обернулась и увидела Струму по ту сторону электростатической клетки.

– Я здесь еще не закончила.

– Прежде чем выйти из строя, скафандр уловил отраженный сигнал. Мы только сейчас выделили его из того шума, что посылал нам зонд в последние мгновения.

– Отраженный от чего? – спросила я.

Струма вздохнул и уже начал отвечать, но, взглянув на Магадиз, передумал.

Это был другой корабль. Очертаниями похожий на наш – конический корпус с острым и тупым концами, два вынесенных двигателя в самой широкой части, – только меньше размером, изящней, темней. Мы заметили, что корабль значительно поврежден, но мне подумалось, что он еще может нам пригодиться.

Корабль дрейфовал в восьми тысячах километров от поверхности объекта. Не вращался по орбите, поскольку никакая сила не удерживала его на циклической траектории, а просто остановился, словно попал в штиль.

Дождаясь, пока соберутся остальные, мы со Струмой обменялись мнениями.

– Типичная для сочленителей схема размещения двигателей, – сказал он, обводя пальцем какие-то смутно различимые усовершенствования. – Значит, это они изготовили корабль и послали сюда, никого не уведомив, грубо нарушив Европейское соглашение. И это не случайность, что мы его обнаружили. Объект сопоставим по размерам со звездой, отсюда мы можем сканировать лишь малую его часть. Если только все пространство вокруг не усеяно другими аварийными кораблями, нас, должно быть, умышленно подвели к нему.

– Теперь понятно, как они узнали об объекте, – задумчиво проговорила я. – От прошлой экспедиции. Очевидно, она потерпела неудачу, но экипаж должен был сообщить какую-то информацию одному из своих Гнезд – достаточно, чтобы вызвать желание взглянуть на находку поближе. Подозреваю, что наши сочленители собирались подлететь к кораблю, чтобы забрать выживших или дополнительные сведения, оставшиеся на борту. – Мои пальцы напряглись, невольно сжимаясь в кулаки. – Я должна расспросить Магадиз.

– На вашем месте я бы не тратил времени. Она не желает говорить нам ничего полезного.

– Только потому, что примирилась со смертью. Я не сказала ей о том, что мы изменили график ремонта.

– Это все еще наша главная надежда на спасение.

– Возможно. Но было бы упущением с моей стороны не изучить и другие возможности, просто на случай, если график ремонта не поможет. Этот корабль – слишком ценный приз, и я не могу оставить его без внимания. Очевидно, это исследовательское судно. В отличие от нашего, на нем могут быть шаттлы или что-нибудь еще, что послужит для нас тягачом. Мы даже можем использовать сам корабль, чтобы подтолкнуть «Равноденствие».

Струма почесал подбородок:

– Прекрасно в теории, но он сейчас гораздо ближе к объекту, чем та точка, в которой забарахлил скафандр. И даже если мы сочтем разумным отправиться туда, у нас все равно нет шаттла для такого перелета.

– Это вовсе не разумно, – согласилась я. – Даже безумно. Но у нас есть смотровые капсулы, и одна из них должна долететь до цели. Я готова рискнуть, Струма. Это лучше, чем сидеть здесь и думать, как бы еще помучить Магадиз, только для того, чтобы отвлечься от мыслей о еще большей боли, которая ждет всех нас.

Он поразмыслил над моими словами и мрачно, почтительно кивнул.

– Учитывая обстоятельства, думаю, вы правы. Но я не пушу вас туда одну.

– У капитана есть право... – начала я.

– ...принять помощь от своего первого помощника, – закончил он.

Хоть я и твердо настроилась на свой план, мне все-таки нужно было поделиться с другими офицерами и представителями пассажиров. Я рассказывала им, как мы обнаружили другое судно и теперь хотим найти ему применение, а они сидели и слушали, не задавая вопросов.

– Вы уже знаете, что у нас есть надежда изменить направление дрейфа корабля. Мы смотрим на ситуацию с оптимизмом, но при этом меня учили всегда иметь запасной план. Даже если на борту другого корабля не окажется нужного оборудования, там могут храниться важные данные, которые принесут нам пользу.

Доктор Грелле выдал сухой безнадежный смешок:

– Что бы это ни было, оно определенно принесло много пользы своему экипажу.

– Даже слабая надежда лучше, чем вообще никакой, – ответила я, сдерживая раздражение. – Да и хуже нам от этого никак не станет. Если мы со Струмой не вернемся с корабля сочленителей, остальные офицеры справятся с управлением «Равноденствием», когда будет восстановлен контроль над вспомогательными двигателями.

– Скафандр вызвал ответную реакцию объекта, – напомнил Грелле. – Откуда вам знать, что произойдет, если вы приблизитесь к нему в смотровой капсуле?

– Я не могу этого знать, – сказала я. – Но мы остановимся не на той дистанции, на которую подошел скафандр, а раньше. Это лучшее, что мы можем сделать, доктор. – Я повернулась к остальным, надеясь на их молчаливую поддержку. – Ничто не обходится без риска. Вы шли на риск, когда доверяли свою жизнь криокапсулам. Сейчас у нас есть некоторые шансы починить корабль, прежде чем он окажется слишком близко от поверхности объекта. Но мне этого недостаточно. Я дала клятву, когда получила эту должность. Вы все мне очень дороги, но я должна думать о еще двадцати тысячах пассажиров.

– Вы хотите сказать девятнадцати, – вежливо поправила меня Чахари. – Сочленителей можно больше не считать – ни спящих, ни бодрствующих.

– И все же они остаются моими пассажирами, – ответила я.

Ни один план не оказывается на деле таким же простым, как выглядит в момент озарения. Смотровым капсулам хватало топлива на расчетную дальность полета к неуправляемому кораблю, но в обычном режиме это путешествие заняло бы слишком много времени. Если на аварийном судне сочленителей найдется что-нибудь полезное, я должна успеть все это осмотреть, привести в порядок, а потом использовать. Кроме того, мне не хотелось, чтобы возвра-

щение зависело от гипотетического шаттла или буксира. Значит, нужно оставить запас топлива в капсуле на обратный путь к «Равноденствию». Если уж моему кораблю суждено пойти ко дну, мне следует находиться на его борту в тот момент, когда это произойдет.

Выход был найден, но вряд ли его можно назвать приятным.

Вдоль всего корпуса «Равноденствия» шла электромагнитная пусковая шахта для грузов, которые требовалось перебросить с одного корабля на другой. В последнее время мы редко ею пользовались, потому что летали с малой загрузкой, и я почти забыла о ее существовании. К счастью, смотровые капсулы были невелики и легко помещались в шахте. Выброшенные из корабля электромагнитными силами, они могли быстрее долететь до места и сэкономить топливо на обратный путь.

Но было и два минуса. Во-первых, требовалось больше времени на подготовку капсул к длительной работе. А во-вторых, пуск подразумевал чудовищное ускорение. Что хорошо для грузового контейнера, то не очень подходит для людей. В конце концов мы пришли к рискованному компромиссу: ускорение в пятьдесят g , действующее в течение четырех секунд, даст нам на выходе двести метров в секунду. Крайне незначительная скорость, но это максимум, который мы сможем выдержать, с учетом того, что нужно будет сделать что-то полезное в пункте назначения. Фазу пуска и большую часть дальнейшего полета нам предстоит провести без сознания, что сохранит ресурсы и избавит нас от связанных с перегрузкой неудобств.

«Равноденствие» медленно развернули и нацелили, словно пушку, на аварийный корабль сочленителей. Не имея возможности использовать мощность двигателей, мы обошлись гироскопами и регулируемым сбросом давления. Одно это заняло целые сутки. К счастью, не нужно было нацеливаться с идеальной точностью, мелкие ошибки мы могли скорректировать уже в полете.

С момента моего воскрешения прошло шесть дней, расстояние до поверхности объекта сократилось вдвое. Еще трое суток потребуется, чтобы добраться до корабля сочленителей, и к этому моменту у нас останется меньше трех дней на то, чтобы как-то применить найденные там средства. Теперь уже даже не каждые сутки, а каждый час приближал нас к критической точке.

Перед отлетом я решила повидаться с Магадиз.

– Я рассказала вам о моих планах на случай, если вы можете сообщить нам что-нибудь полезное. Мы обнаружили ваш корабль, который вы, очевидно, так стремились отыскать. Вы постоянно что-то замыслили у нас за спиной, несмотря на все свои заверения. Надеюсь, вы получили два-три секрета от этого объекта, потому что вам теперь понадобится любая помощь, какую вы только сможете найти.

– Война всегда была лишь вопросом времени, капитан Бернсдоттир.

– Думаете, сможете победить?

– Думаю, мы добьемся своего. Но конечный результат меня не волнует.

– Это ваш последний шанс что-то изменить. Я взяла бы вас с собой, если бы твердо знала, что могу вам доверять, что вы не обратите системы корабля против меня просто ради мести. Но если у вас есть что сказать, чтобы увеличить наши шансы...

– Да, – ответила она, дав мне искру надежды, и тут же погасила ее. – У меня есть что сказать. Убейте себя прямо сейчас, пока есть возможность сделать это безболезненно. Вы еще будете благодарны мне за этот совет.

Я вышла из клетки и обнаружила, что доктор Грелле с выражением застарелого недовольства на лице, сложив руки на груди, наблюдал за нашей короткой беседой с безопасного расстояния.

– Я так понимаю, разговор не дал результата?

– Вы ожидали чего-то большего?

– Я не претендую на роль морального компаса корабля, капитан Бернсдоттир. Если считаете, что избиение пленников послужит нашим целям, это ваше дело.

– Я не избивала ее. Эти синяки и кровоподтеки уже были на ней, когда она попала сюда. Он внимательно посмотрел на меня:

– Значит, вы ее и пальцем не тронули, ни разу?

Я уже собиралась опровергнуть обвинение, но одумалась, не успев запятнать свою честь откровенной ложью. Вместо ответа я заглянула ему в глаза, требуя скорее понимания, чем прощения.

– Это был хорошо подготовленный кровавый мятеж, доктор. Они пытались всех нас убить. И преуспели бы в этом, если бы я и мои офицеры не приняли крайних мер.

– Ну, раз так, хорошо, что у вас при себе оказались инструменты, необходимые для подавления мятежа.

– Я вас не понимаю.

Он кивнул на офицера, все еще державшего Магадиз под прицелом эксимерной винтовки. Это тяжелое двуручное оружие больше подходило для поля боя, чем для поддержания порядка на корабле.

– Я не ахти какой знаток истории, капитан. Но нашел время, чтобы изучить в общих чертах случившееся на Марсе. Невил Клавэйн, Сандра Вой, Галиана, Великая Марсианская Стена и орбитальная блокада первого Гнезда...

– Это имеет какое-то отношение к делу, доктор Грелле? – резко спросила я.

– Да как вам сказать? Насколько я помню из уроков истории, Коалиция за невральную чистоту столкнулась с большими трудностями, когда пыталась захватить в плен кого-то из сочленителей. Они способны почти любое оружие обратить против его владельца. Удержать их в живых так долго, чтобы успеть провести допрос – еще сложнее. Они легко могут покончить с собой. И одну вещь вы просто обязаны усвоить крепко-накрепко: никогда не направляйте на пленного сочленителя высокотехнологичное оружие.

Второй раз за девять дней я выныривала в грубо смятое сознание сквозь толщу сумбура и неприятных ощущений. На этот раз не из криосна и не из менее глубокой формы усыпления. Я сидела в одиночестве, втиснутая в противоперегрузочное кресло, перекрещенные ремни безопасности давили на грудь. Я шевельнула онемевшей рукой и расстегнула пряжку. Воздушная подушка под спиной осела. Теперь я находилась в невесомости, но по-прежнему не могла двигаться. Смотровая капсула с трудом вмещала человека в скафандре.

Однако я была жива, а это уже кое-что. Значит, мой организм выдержал старт с «Равноденствия». Хронометр сообщил, что я проспала шестьдесят шесть часов, а радар ближнего диапазона, к моему большому облегчению, показал, что капсула Струмы летит рядом с моей. Капсулы запускались поочередно. Но сейчас самое время собраться вместе, не слишком активно расходуя запасы топлива.

– Струма? – сказала я в микрофон.

– Я здесь, капитан. Как вы себя чувствуете?

– Думаю, примерно так же паршиво, как ты. Но главное, что мы целы, и я готова выслушать любую хорошую новость, какая только найдется. Я реалистка, Струма, и немногого ожидаю от этой затеи. Но не могла же я просто сидеть сложа руки и надеяться на лучшее.

– Я понимал, что это опасно, – ответил он. – И я согласен с вами, мы должны были рискнуть.

Наши капсулы поддерживали связь с «Равноденствием». Там были рады услышать нас. Несколько минут мы переговаривались, заверяя, что с нами все в порядке и капсулы нацелены строго на корабль сочленителей. Он был невероятно темным, великолепно приспособленным для маскировки, но все равно не имел ни малейшего шанса остаться невидимым на фоне абсолютной черноты объекта.

Я едва решилась спросить, как продвигается ремонт. Однако новости оказались обнадеживающими. План Струмы перенаправить ресурсы сработал как нельзя лучше, и все показатели говорили о том, что в ближайшие тринадцать часов мы восстановим частичное управление кораблем. Все висело на волоске: «Равноденствию» оставалось лишь три дня полета до поверхности объекта и только один день до той дистанции, где показания скафандра начали отклоняться от нормальных характеристик пространства-времени. Но мы сделали все, что могли, и получили слабую надежду вместо прежней обреченности.

Мы со Струмой еще раз проверили все системы наших капсул, а затем начали тратить топливо на торможение перед встречей с кораблем. К тому времени мы уже могли видеть друг друга, разделенные двумя-тремя километрами, но легко различимые на фоне звезд за счет выбрасываемой вперед струи плазмы.

Мы прошли отметку в десять тысяч километров без всяких происшествий. Я чувствовала себя разбитой и вялой, у меня пересохло во рту, но этого и следовало ожидать после запуска с таким ускорением и принудительного сна. В остальном все было в порядке, если не считать вполне объяснимых дурных предчувствий, которые любой испытывал бы на моем месте. Все приборы капсулы работали исправно, показания датчиков и индикаторов оставались вполне разумными.

В девяти тысячах километров я почувствовала изменения.

Началось с мелочей. Мне пришлось щуриться, чтобы разглядеть данные на дисплее, словно я смотрела на него под водой. В первый момент я приписала это усталости. Затем связь с «Равноденствием» сделалась неустойчивой, то и дело пропадая и прерываясь помехами.

– Струма, ты понял, что это значит? – спросила я.

Его ответ прозвучал так, словно он находился еще дальше от меня, чем корабль. Но я по-прежнему видела его капсулу, сверкающую слева по борту.

– То, что действовало на скафандр, сейчас начнется и с нами.

– Объект не изменился в размерах.

– Нет, но то, что он творил с окружающим пространством, теперь вышло на новый уровень.

В его словах не было упрека, но я уловила скрытую связь. Скафандр вызвал определенную реакцию, ту волну, что прошла через «Равноденствие». Возможно, это означает постоянные изменения условий вблизи поверхности объекта, подобно тому, как крепость усиливает свою защиту после первого нападения.

– Мы не отступим, Струма. Мы знали, что будет жарко... просто это случилось чуть раньше, чем ожидалось.

– Согласен.

Его голос еле пробился ко мне, словно растянутый доплеровским эффектом.

По крайней мере, капсулами еще можно было управлять. Мы прошли отметку восемь с половиной тысяч, все так же сбрасывая скорость, все так же нацеленные на корабль сочленителей. Пусть и уступая вчетверо по размерам «Равноденствию», он оставался единственным физическим телом между нами и поверхностью объекта, мерцающим на границе видимости в зареве наших выхлопных струй. Мелкая крупинка над океаном черноты.

«Когда весть о предательстве дойдет до нашего правительства, – размышляла я, – начнется война».

Мир с сочленителями всегда оставался напряженным, но любые нарушения, случавшиеся прежде, по сравнению с этим были не более чем мелкими дипломатическими эксцессами. Сочленители не только подготовили и провели секретную экспедицию, грубо поправ условия взаимовыгодного сотрудничества, но и попытались захватить корабль, проявив холодное безразличие к судьбам остальных девятнадцати тысяч пассажиров. Сочленители всегда считали, что они лучше других, и в определенном смысле, возможно, были правы. Они умней, быст-

рей и уж точно беспощадней нас. Мы многое приобрели от партнерства с ними, и, возможно, они тоже получили какие-то ограниченные преимущества. Но теперь я понимала, что это была лишь видимость, циничный прагматизм. За нашей спиной они строили планы, надеясь извлечь выгоду из первого контакта с этим проявлением чужого разума.

Однако первая война едва не поставила их на грань вымирания. И за минувшее столетие они поделились с нами многими своими технологиями, позволив нам опасно приблизиться к их собственным возможностям. Учитывая то, как долго продолжалось сотрудничество, зачем было рисковать всем при таких сомнительных ставках?

Я мысленно перенеслась к напутственным словам доктора Грелле о нашей пленнице. Мои познания в истории не были так обширны, но я не видела причин сомневаться в его воспоминаниях. То, что он говорил о пленных сочленителях, наверняка правда. Почему же тогда Магадиз терпит нацеленное на нее оружие, если может добраться до его управления и сделать так, чтобы ей снесло голову?

Разве что она все-таки не хочет умереть.

– Струма... – начала было я.

Но слова, которые я собиралась сказать, остались произнесенными. Со мной творилось что-то странное. Мне приходилось испытывать и невесомость, и повышенную гравитацию, но это было нечто совершенно новое. Невидимые когти пронзили кожу и принялись раздирать меня изнутри во всех направлениях сразу.

– Началось, – сказала я, снова застегивая ремни безопасности, как бы ни были они сейчас бесполезны.

Капсула тоже ощутила изменения. Приборы говорили о нагрузках, выходящих за рамки ее крайне ограниченного понимания нормальных условий. Я все еще видела корабль сочленителей, а звезды за черным горизонтом поверхности объекта оставались на своих местах. Струйные двигатели начали захлебываться, и это только ухудшало положение.

– Переходите на ручное управление. – Голос Струмы, мгновение назад искаженный и невнятный, теперь четко прозвучал в моей голове: – Мы уже совсем близко.

Двести километров до корабля, затем сто пятьдесят, затем сто. Скорость замедлилась уже до сотни-другой метров в секунду. Капсула все еще функционировала, все еще поддерживала жизнедеятельность, но мне пришлось отключить все сложные навигационные и рулевые системы, рассчитывая теперь только на свои грубые инстинкты. Канал связи с «Равноденствием» окончательно пропал, а когда я оглянулась назад, на купол неба, звезды как будто плыли за толстым мутным стеклом. Мои внутренности скрутило в узел, кости болели так, словно раскололись миллионами тончайших трещин. Внутреннее глазное давление медленно росло. Только понимание того, что «Равноденствию» придется еще хуже, если мы не изменим направление дрейфа, помогало мне продолжать полет.

Наконец корабль сочленителей словно выплыл из какой-то искажающей среды, его очертания стали более четкими. Пятьдесят километров, затем десять. Наши капсулы приблизились к нему почти ползком.

И тут мы увидели то, чего не замечали прежде.

Большое расстояние, измененное пространство и ограниченные возможности наших датчиков и глаз сыграли с нами ужасно злую шутку. Корабль был разрушен в куда большей степени, чем мы могли судить по результатам дальнего сканирования. Он оказался жалкой развалиной, сохранившей лишь внешние контуры. Корпус, двигатели и лонжероны остались на месте, но превратились в нечто волокнистое, выпотрошенное, разодранное на части в одних местах и истончившееся до невесомого кружева в других. Корабль готов был распасться на части, рассыпаться в пыль, словно хрупкое ископаемое, извлеченное из предохраняющего раствора.

Долгие минуты мы со Струмой просто смотрели на него, наши капсулы висели в нескольких сотнях метров от корпуса. Все неприятные ощущения, включая тошноту, никуда не исчезли. Мысли сделались вязкими, словно застывающая смола. Но пока я смотрела на останки корабля сочленителей, все остальное не имело значения.

– Он находится здесь очень долго, – сказала я.

– Мы точно этого не знаем.

– Десятки лет... даже больше. Приглядишься к нему, Струма. Это старый-престарый корабль. Возможно, старше Европейского соглашения.

– Что вы хотите этим сказать, капитан?

– Если его послали сюда до момента заключения соглашения, то никакого нарушения сделки не было.

– Но ведь Магадиз...

– Мы не знаем, какие приказы выполняет Магадиз. Если они у нее вообще есть. – Я с трудом проглотила комочек и заставила себя сказать суровую и очевидную правду: – В любом случае корабль для нас бесполезен. Слишком много лет прошло, и на нем не сохранилось ничего полезного для нас. Даже если я рискну забраться внутрь, это ничего не даст. Мы напрасно проделали весь этот путь.

– Там могли сохраниться технические данные. Показания приборов, характеристики объекта. Мы должны хотя бы посмотреть.

– Нет, – сказала я. – Ничего не могло уцелеть. Ты ведь сам понимаешь, правда? Это просто пустая оболочка. Даже Магадиз не смогла бы из нее ничего извлечь.

Мое сердце отчаянно забилося. Помимо неудобства и тошноты, я ощущала теперь безмолвный, все нарастающий ужас. И понимала, что здесь не место для таких простых мыслящих существ, как я.

– Ничего у нас не вышло, Струма. Мы правильно сделали, что попытались, но нет смысла себя обманывать. Остается только молиться, чтобы наш корабль остановил дрейф без посторонней помощи.

– Нельзя сдаваться, не взглянув поближе, капитан. Вы сами сказали, что мы уже зашли слишком далеко.

И, не дожидаясь разрешения, Струма двинул свою капсулу к останкам корабля сочленителей.

Он был намного меньше, чем «Равноденствие», но все же капсула рядом с ним казалась крохотной светящейся точкой. Я мысленно выругалась, прекрасно понимая, что Струма прав, и на ручном управлении полетела следом. Он направился к широкой пробоине в борту корабля, с загнутыми и расходящимися во все стороны, словно лепестки цветка, кусками оболочки. Притормозил коротким импульсом, а затем заплыл внутрь.

Я в последний раз попыталась восстановить связь с «Равноденствием» и поспешила за Струмой.

«Может быть, он прав, – подумала я, отчаянно стараясь выдать страх из сердца. – Там могло что-то остаться, каким бы маловероятным это ни казалось. Шаттл, защищенный от сильных повреждений. Запасной двигатель с чудом уцелевшим интерфейсом управления».

Однако, едва оказавшись внутри, я поняла всю тщетность наших надежд. Разрушения здесь были такими же страшными, как и снаружи, если не страшней. Корабль прогнил насквозь и удерживался от распада только тончайшими остатками соединительной ткани. Включив бортовые огни капсулы на полную мощность, я плыла сквозь темный зачарованный лес изогнутых балок, изорванных в клочья палуб и переборок, разбитых и покореженных механизмов.

Я успела примириться с абсолютной бесполезностью нашей экспедиции, как осознала кое-что еще: капсулы Струмы нигде видать. Он плыл в нескольких сотнях метров впереди

меня, и если не саму капсулу, то хотя бы отражение ее бортовых огней и выхлопной струи я должна была замечать.

Но когда я погасила свои огни и выключила двигатель, вокруг была полная темнота.

– Струма, – позвала я, – ответь, пожалуйста. Я тебя потеряла.

Тишина.

– Струма? Это Раума. Где ты? Посигналь дальним светом или двигателем, если слышишь.

Тишина и темнота.

Я остановила капсулу. Вероятно, я уже преодолела половину пути по внутренностям корабля сочленителей, и этого было достаточно. Развернувшись, я попыталась найти логическое объяснение молчанию Струмы. Должно быть, он пролетел всю внутреннюю полость насквозь и выбрался с другой стороны, а твердые останки корабля блокируют наши переговоры.

Двигатель дал короткий импульс, и я направилась туда, откуда пришла. Искореженные конструкции отражали туманный свет. Впереди показался постепенно разбухающий клочок звездного неба в форме цветка. Не дом, не убежище, но все же что-то, к чему можно стремиться, что-то лучшее, чем внутреннее пространство разрушенного корабля.

Я увидела капсулу Струмы за мгновение до того, как она врезалась в меня. Должно быть, он включил двигатель ровно настолько, чтобы выскочить из укрытия. Когда он протаранил мою капсулу, скорость сближения была не больше пяти-шести метров в секунду, но и этого хватило, чтобы у меня вышибло дыхание, а моя капсула завертелась кувырком. Я судорожно хватала ртом воздух, борясь с нарастающей тяжестью в голове и пытаясь сохранить хоть какую-то ясность мыслей. От удара зазвенел аварийный сигнал. Капсула была довольно крепкой и пережила запуск с огромным ускорением, но она не предназначалась для того, чтобы выдержать умышленное столкновение.

Я ткнула пальцем в панель управления и высвободилась из обломков. Капсула Струмы уже возвращалась, освещаемая стробоскопическими вспышками двигателя. Каждая вспышка выхватывала ее из темноты, как будто замершую в свободном пространстве, но при следующей вспышке она оказывалась заметно ближе.

Я задумалась, имеет ли смысл заговорить со Струмой и попытаться его образумить.

– Не делай этого, Струма. Чего бы ты ни добивался...

И тут меня охватило глубокое, спокойное понимание. Это был почти подарок судьбы – вдруг увидеть все так четко и ясно.

– Это была инсценировка. Попытка захвата судна. Магадиз... и все остальные... они не собирались нарушать соглашение, правильно?

В его ответе мне почудилось желание что-то объяснить, как-то оправдаться:

– Нам нужны были эти сведения, Раума. Нужны больше, чем эти сочленители, и уж точно больше, чем мир с ними.

Наши капсулы зазвенели от удара друг о друга. У нас не было никакого оружия, кроме массы и скорости, и никакой защиты, кроме брони и стекла.

– Кому это «нам», Струма? О ком ты говоришь?

– Тем, кто заботится о наших интересах, Раума. Это все, что вам нужно знать. Все, что вы узнаете, проще говоря. Мне очень жаль, что вам придется умереть. И всех остальных тоже жаль. Мы не думали, что все так обернется.

– Правительство ни за что не одобрит это, Струма. Тебя обманули. Солгали тебе.

Он снова налетел на меня, сильнее, чем в прошлый раз, не выключая двигатель до самого момента столкновения. На секунду, а может и на десять, я потеряла сознание, а когда пришла в себя, моя капсула уже остановилась в дебрях корабельных переборок. Хрупкие, как стекло, они раскалывались на мелкие осколки, которые разлетались кувырком и с мелодичным звоном бились о корпус моей капсулы.

По переднему куполу во все стороны побежали мелкие трещинки.

– Рано или поздно сочленители узнали бы об этом корабле, Раума, так же, как узнали мы. И нашли бы способ добраться сюда, не постояв за ценой.

– Нет, – ответила я. – Они не стали бы этого делать. Возможно, когда-то сочленители и были безжалостными, так же как мы. Но мы научились сотрудничать, научились строить лучший мир.

– Чтобы утешить вас, я обещаю, что в своем рапорте всю заслугу этого открытия припишу вам. Оно получит ваше имя. Объект Бернсдоттир или Завеса Бернсдоттир – как вам больше нравится?

– Мне больше понравится, если я останусь в живых, – сказала я громче, чтобы перекрыть сигнал тревоги. – Между прочим, как ты собираешься подать рапорт, если мы не вернемся домой?

– Об этом уже позаботились, – сказал Струма. – Когда я возвращусь на «Равноденствие», все примут мою версию событий. Я скажу, что вы попали в ловушку, а я не смог спасти вас. Постараюсь, чтобы ваша смерть выглядела героической.

– Не стоит так беспокоиться из-за меня.

– А я и не собираюсь. Просто чем больше внимания уделят вам, тем меньше будут думать обо мне.

Он врезался в меня еще раз. Я пыталась поднырнуть под него, но мои пальцы соскользнули с пульта управления двигателем. Капсула накренилась и уплыла в сгущающиеся дебри разрушенного корабля. Я ударилась обо что-то твердое и отлетела вниз.

– Теперь тебе осталось надеяться только на то, что удастся остановить дрейф.

– Может быть, удастся, а может, и нет. Но мне не нужен корабль. У меня есть запасной план на случай, если по-другому не получится. Я покину корабль. Катапультируюсь в крио-капсуле, введу в нее обратный маршрут. Капсула без труда сохранит меня в открытом космосе, и в конце концов за мной пришлют другой корабль.

Снова замигали вспышки двигателя, но не моего. Резкие изломанные очертания на миг застыли. Кажется, я заметила в этом хаосе, порожденном нашим грубым вторжением, чье-то тело – кувыркающееся, словно кукла, безволосое, с четко выраженными черепными швами и безжизненным взглядом обращенных ко мне глаз.

– Рада, что ты так доверяешь своим хозяевам.

– О да, доверяю.

– Кто они, Струма? Какая-то фракция демархистов? Или нейтральная сила?

– Просто люди, Раума. Хорошие люди с далеко идущими планами.

Капсула Струмы снова пошла на таран, чтобы теперь уже покончить со мной.

«Может, услышал сигнал тревоги и мое беспомощное падение, вот и решил, что я больше не могу управлять двигателем», – подумала я.

Я подпустила его ближе. Он набрал скорость, и его лицо словно распухло, заполнив собой весь купол. Во взгляде застыла решимость, в которой было больше сожаления, чем ярости. Должно быть, наши глаза встретились в последние залитые стробоскопическим светом мгновения и он что-то прочел на моем лице, что-то выдавшее мое намерение.

Но к тому моменту было уже слишком поздно.

Я вцепилась в пульт управления и бросила капсулу в сторону, не оставив ему времени, чтобы изменить курс. Его капсула скользнула в то место, где секундой раньше находилась моя, и понеслась дальше, прямо на выступающий острый край сломанного лонжерона. Он пробил броню и вошел в грудь Струмы, и во вспышке моего двигателя я увидела, как его тело содрогнулось в жестокой судороге, когда воздух вместе с жизнью вылетал из легких.

В других обстоятельствах я бы нашла способ доставить труп на «Равноденствие». Что бы ни совершил Струма, как бы ни нагрешил, он не заслуживал, чтобы его бросили в таком месте.

Но обстоятельства были такими, какими они были, и я улетила одна.

О дальнейшем мне не так много нужно вам рассказать. Мало что в жизни бывает только черным или только белым, так же вышло и с ремонтом. Он закончился вовремя, и «Равноденствие» снова стало управляемым. Я уже возвращалась, расходуя последнее топливо, когда на корабле началась проверка вспомогательных двигателей. Поскольку реактивные струи вытекали в мою сторону, я без особого труда различала яркую звезду – мой корабль. «Многого и не требуется, – говорила я себе. – Теперь мы наверняка сможем прекратить дрейф или даже развернуться в другую сторону, и «Равноденствие» будет отходить все дальше от поверхности объекта».

Как только моя капсула освободилась от его воздействия, я восстановила устойчивую связь с кораблем и определила расстояние до него. Затаив дыхание, я наблюдала, как скорость дрейфа уменьшилась в пять раз. Десять метров в секунду – даже человек мог бы обогнать сейчас корабль. Почти то, что и требовалось, – заманчиво близко к нулю.

А затем что-то пошло не так. Двигатели замерцали и погасли. Я ждала, когда они снова заработают, но этот момент так и не наступил. Я связалась с кораблем и узнала, что одна из уязвимых энергетических линий не выдержала перегрузки. Как и все остальное, ее можно было починить, но для этого требовалось время, которого у нас не было. Дрейф «Равноденствия» замедлился, но не прекратился совсем. Датчики наших капсул засекли изменения на расстоянии девяти тысяч километров от поверхности объекта. При нынешней скорости корабль пройдет эту точку за четыре дня.

У нас не было времени.

На обратном пути я сожгла почти все топливо, оставив лишь небольшой запас для сближения с кораблем. К несчастью, этого запаса оказалось недостаточно. Когда я подкорректировала отклонение от нужного курса, у меня уже не оставалось топлива, чтобы выполнить сближение. Капсулу пронесло мимо него в межзвездное пространство. Ее ресурсов хватило бы, чтобы поддерживать мою жизнь еще несколько дней, но не настолько долго, чтобы кто-то успел прийти на помощь. И в конце концов я бы умерла от холода или удушья, в зависимости от того, что возьмется за меня раньше. Ни тот ни другой вариант мне совершенно не нравился. Но по крайней мере я избежала бы гибели от разрывающих сил у поверхности объекта.

Разумеется, ничего такого со мной не случилось. Моя команда и представители пассажиров решили вернуть меня на корабль. Курс «Равноденствия» очень аккуратно подправили с помощью отремонтированных рулевых двигателей, и я проскользнула прямо в пасть грузовой шахты. Это был крайне болезненный процесс, обратный тому, который недавно выбросил меня из корабля. Я получила сильную контузию, когда капсула попала в захват пусковых направляющих и мучительно резко остановилась.

И все же я осталась жива.

Доктор Грелле был первым, чье лицо я увидела, когда пришла в себя, лежа на реанимационной койке, с болью в висках, но и с полным осознанием случившегося.

Первый мой вопрос был вполне естественным:

– Где мы сейчас?

– В двух днях дрейфа от того места, где ваши капсулы начали фиксировать изменения пространства-времени, – сказал он с мягкостью лучшей в мире сиделки. – Приборы пока не показывают ничего странного, но я уверен, что все изменится, когда мы приблизимся к границе.

Я впитывала новости со странным чувством обиды на то, что мне не дали умереть. Но усилием воли взяла себя в руки, как и подобает капитану.

– Долго меня откачивали?

– Возникли осложнения. Надо было восстановить кровообращение мозга, и мы поместили вас в хирургический автомат. Было непросто добиться, чтобы он заработал должным образом. Некоторые операции пришлось выполнять вручную.

Больше никого в каюте не было. Я задумалась, куда делись мои старшие офицеры. Может, они занимаются подготовкой корабля к его последним дням, заполняют журналы, посылают сообщения и прощальные письма в пустоту космоса, надеясь, что кто-нибудь получит их?

– Это будет ужасно, доктор Грелле. Мы со Струмой испытали все на себе, хотя и находились далеко от поверхности. Если ничего нельзя сделать, никто не должен оставаться в сознании.

– Никто и не будет, – ответил доктор Грелле. – Кроме тех нескольких, кто сейчас бодрствует. Остальные вернулись в криосон. Они понимают, что это смертный приговор, но по крайней мере не ощутят боли, а успокоительные средства облегчат переход.

– Вы должны последовать их примеру.

– Я так и сделаю. Но сначала расскажу о Магадиз. Думаю, вам будет интересно.

Как только я оказалась готова, мы с доктором Грелле отправились в каюту для допросов. Магадиз сидела в кресле, по-прежнему удерживаемая зажимами. Она повернула голову, когда я входила в электростатическую клетку. С момента нашей последней встречи опухоль вокруг поврежденного глаза уменьшилась, и теперь сочленительница могла смотреть на меня обоими глазами.

– Я отослал охранника, – сказал доктор Грелле. – Он все равно ничего не добился.

– Вы рассказывали мне о пленниках на Марсе.

Он скупно улыбнулся:

– Рад, что теперь есть ясность. А тогда не знал, что и подумать. Почему Магадиз не повернула оружие против себя или просто не залезла к себе в голову, чтобы самоумертвиться? Это было ей вполне по силам.

– Почему вы этого не сделали? – спросила я у Магадиз.

Та перевела взгляд на доктора Грелле. Хотя она оставалась моей пленницей, но держалась с невозмутимым спокойствием и чувством собственного превосходства.

– Расскажите ей, что вы обнаружили, доктор.

– Это все хирургический автомат, – сказал Грелле. – Я уже говорил, что возникли проблемы с его работой. Думаю, никто не ожидал, что он снова понадобится, и не удосужился очистить оперативную память от подробностей предыдущего рабочего цикла.

– Не понимаю, – произнесла я.

– Хирургический автомат был запрограммирован на выполнение необычной задачи, далеко выходящей за привычный диапазон действий. Магадиз возвратили из криосна, но оставили в бессознательном состоянии. Потом поместили в хирургический автомат и установили ей принуждающее устройство.

– Это военная разработка, – объяснила Магадиз с такой отстраненностью, как будто припомнила нечто случившееся с кем-то другим, очень давно и очень далеко отсюда. – Запрещенное законом наследие первой войны. Его называли фарсидским бичом. Предназначалось оно для того, чтобы подавить нашу индивидуальную волю, дать возможность выдержать допросы и служить рупором контрпропаганды. Когда мне внедрили устройство, у меня не осталось личных желаний. Я могла делать и говорить только то, что от меня требовали.

– Что требовал Струма, – высказала я единственное разумное предположение.

– Ему пришлось действовать в одиночку, – все с тем же ледяным спокойствием продолжала Магадиз. – Он представил все как попытку захватить ваш корабль, хотя на самом деле никто даже не пытался. Но мы должны были умереть, все мы. Он не мог допустить, чтобы известие об обнаружении объекта достигло наших Материнских Гнезд.

– Я удалил это принуждающее устройство, – сказал доктор Грелле. – Разумеется, ваши офицеры были против. Но мне удалось объяснить им, что произошло. Должно быть, Струма очнулся первым, затем он проделал все необходимое с Магадиз. Он подготовил доказательства попытки захвата корабля: пробуждал от криосна других сочленителей и либо убивал на месте, либо внедрял им более грубые версии принуждающих устройств, чтобы они убедительно изображали боевые действия. Остальные офицеры пришли в сознание и увидели, что кораблю грозит опасность. В той горячке у них не было причин усомниться в словах Струмы.

– У меня тоже, – прошептала я.

– Сочленителей необходимо было уничтожить. Они помогали поддерживать существование корабля и правильную работу его систем, но нельзя было допустить их участие в исследовании объекта.

– А как насчет нас, остальных? Мы тоже в этом участвовали и могли все рассказать по возвращении домой.

– Вы бы приняли версию Струмы о захвате корабля, как на самом деле едва не случилось. И я бы принял. Но он совершил ошибку, приставив к Магадиз вооруженную охрану. А потом еще одну ошибку – когда дал мне возможность осмотреть хирургический автомат. Думаю, не стоит винить Струму за эти мелкие промахи. У него было много забот.

– Вы беспокоились, как бы не началась война, – ровным голосом произнесла Магадиз. – Теперь она все-таки может начаться. Но развяжут ее другим способом. Эту провокацию организовала какая-то фракция внутри вашего планетарного правительства. – Она замолчала на несколько мгновений. – Но я не хочу этой войны. Вы верите в прощение, Раума Бернсдоттир?

– Надеюсь, что да.

– Хорошо.

Магадиз поднялась с кресла, и зажимы упали с нее, поскольку, вероятно, и не были закреплены. Она шагнула ко мне и стремительным, как удар бича, движением поднесла руку к моему лицу, обхватила мою челюсть и сжала так крепко, что у меня едва не захрустели кости.

– Я тоже верю в прощение. Но для него нужны двое. А вы ударили меня, когда считали своей пленницей.

Я попятилась и уперлась спиной в решетку бесполезной теперь электростатической клетки.

– Мне очень жаль.

– Правда, капитан?

От боли мне трудно было говорить, трудно даже думать.

– Да, жаль. Я не должна была так поступать.

– Вас оправдывает лишь то, что вы сделали это только один раз, – сказала Магадиз. – И хотя я оставалась под контролем устройства, но все же заметила что-то в ваших глазах. Сомнение. Стыд.

Она убрала руку. Я часто задышала, понимая, что она все еще может убить меня.

– Я склоняюсь к тому, что вы пожалели о своем порыве.

– Так и было.

– Хорошо. Потому что кто-то должен остаться в живых, и, возможно, это будете вы.

Я провела рукой по челюсти:

– Нет. С нами все кончено, со всеми нами. Остается только криосон. Мы умрем, но по крайней мере будем без сознания, когда это случится.

– Корабль можно спасти, – возразила Магадиз. – И небольшое количество пассажиров тоже. Так и будет. Теперь, когда сведения об объекте уже собраны, нужно передать их человечеству. Вы станете носителем этого знания.

– Корабль нельзя спасти. У нас просто не хватит времени.

Магадиз обернулась к доктору Грелле:

– Наверное, мы должны показать ей, доктор. Тогда она поймет.

Они подвели меня к одному из передних иллюминаторов. Наш корабль все еще был нацелен на объект, и я увидела только стену тьмы, что простиралась во все стороны, до самых границ зрительного восприятия. Уставившись в пустоту, я подумала, смогу ли различить останки корабля сочленителей теперь, когда мы подошли намного ближе. Меня почти не спрашивали о случившемся со Струмой, как будто мое благополучное возвращение было исчерпывающим ответом.

Затем что-то сверкнуло. Короткая яркая вспышка, угасшая едва ли не раньше, чем ее успела зафиксировать моя сетчатка. Я стояла у иллюминатора, гадая о том, не была ли это просто игра воображения, пока не увидела другую вспышку. Чуть погода подоспела и третья. Они возникали в разных точках, но настолько близко одна к другой, что это не могло быть случайностью.

– Вы спасли нас, – произнес доктор Грелле очень тихо, словно боясь прервать какое-то священное заклинание. – Или, по крайней мере, указали путь к спасению. Когда грузовая пусковая шахта выбрасывала ваши со Струмой капсулы, это оказало воздействие на весь корабль. Совсем небольшая, но ощутимая отдача, которая уменьшила нашу скорость.

– Это нам не поможет, – ответила я не без мрачного удовлетворения от того, что нашла ошибку в его рассуждениях. – Если бы мы летели с полной загрузкой, в десятки тысяч тонн, тогда, возможно, смогли бы выпустить вперед количество груза, достаточное чтобы изменить направление дрейфа. Но у нас ее нет. Мы летим практически порожняком.

На поверхности объекта сверкнула еще одна вспышка.

– Это не груз, – сказала Магадиз.

Думаю, я все поняла уже тогда. По крайней мере, кто-то во мне понял. Но не тот, кто был готов посмотреть правде в глаза.

– А что же тогда?

– Капсулы, – объяснил доктор Грелле. – Капсулы для криосна. Каждая из них по размеру и массе сравнима с вашей смотровой капсулой. В каждой находится спящий пассажир.

– Нет!..

Я наотрез отказывалась в это поверить, хоть и понимала, что у них нет никаких причин лгать мне.

– Здесь есть элемент неопределенности, – сказала Магадиз. – Пусковая шахта работает с большой нагрузкой, и ее эффективность может со временем снизиться. Однако вполне вероятно, что корабль удастся спасти, потеряв лишь половину пассажиров. – Какое-то слабое, отчужденное сочувствие промелькнуло в ее глазах. – Я понимаю, как сложно вам это принять, Раума. Но другого способа спасти корабль нет. Кто-то должен умереть, кто-то – остаться в живых. И вы должны быть одной из выживших.

Вспышки продолжались. Теперь, подстроившись под их ритм, я уже могла различать слабые сотрясения корабля, происходившие с той же частотой, что и удары о поверхность объекта. С каждым толчком, выбрасывающим еще одну капсулу, движение корабля замедлялось на ничтожную величину. Но несколько тысяч в сумме могли дать нужный результат.

– Я запрещаю! – воскликнула я. – Не позволю даже ради спасения корабля! Ни убийства, ни самоубийства, ни самопожертвования. Ничто на свете этого не стоит!

– Это стоит всего на свете, – возразила Магадиз. – Во-первых, известие об артефакте – об этом объекте – необходимо доставить в цивилизованный мир и предать широчайшей огласке. Это не должно остаться тайным знанием одной фракции правительства. Возможно, существуют и другие подобные объекты, которые тоже нужно нанести на карты и подвергнуть изучению. Во-вторых, вы должны высказаться в пользу мира. Если корабль не вернется, если исчезнет без следа, сразу возникнут всякие измышления. Вы должны уберечь нас от этого.

– Но ведь вы...

– Вашему свидетельству поверят быстрее, чем моему, – продолжала она. – И не думайте, что это будет наше общее самоубийство. Все решалось коллективно, с кворумом, как у обычных пассажиров, так и у сочленителей. Большинство спящих привели в относительное сознание, так что они смогли проголосовать, а мы учли их мнение. Не скажу, что решение было единоголосным... но оно принято, причем подавляющим большинством. Мы все рискуем в равной степени. Автоматика будет выбрасывать капсулы до тех пор, пока корабль не ляжет на обратный курс, с допустимой погрешностью. Возможно, для этого потребуется десять тысяч капсул или даже пятнадцать. Пока мы не достигнем результата, выбор будет совершенно случайным. Мы вернемся в криосон, точно зная лишь то, что наши шансы выжить не нулевые.

– И этого достаточно, – добавил доктор Грелле. – Как сказала Магадиз, пусть лучше выживет один из нас, чем ни одного.

– Струма остался бы доволен, если бы вы расправились со всеми нами, – снова заговорила Магадиз. – Но вы этого не сделали. И даже когда появилась надежда, что мы успеем закончить ремонт, вы с риском для жизни отправились исследовать останки чужого корабля. Экипаж и пассажиры оценили ваш поступок и сочли его достойным уважения.

– Струма просто искал удобный случай убить меня.

– Решение принимали вы, а не Струма. И мы тоже приняли окончательное решение. – За непреклонностью Магадиз угадывалась все же малая толика сострадания. – Мы с доктором Грелле возвращаемся в криосон. Наше пробуждение было временной мерой, и теперь мы должны подчиниться своей судьбе.

– Нет! – повторила я. – Оставайтесь со мной. Вы же сами говорили, что не все должны умереть.

– Мы смирились со своей участью, – сказал доктор Грелле. – А теперь, капитан Берндоттир, вам нужно смириться со своей.

И я смирилась.

Я верила, что у нас есть нечто большее, чем просто шанс. Я думала, если спасется хоть один из нас, тысячи других тоже удастся вернуть к жизни. И как только они проснутся, среди них найдутся свидетели, которые подтвердят мою версию событий.

Но я ошибалась.

Корабль отремонтировал себя, и я прилетела на Йеллоустон. Как я уже сказала, были приняты все меры, чтобы уберечь меня от последствий долгого криосна. Когда меня оживили, осложнения оказались минимальными. Я помнила почти все, с самого первого дня.

Но остальным – тем нескольким тысячам, которые уцелели, – повезло меньше. Одного за другим их выводили из криосна и у одного за другим обнаруживали различные нарушения памяти и утрату личности. Те из них, кто сохранил самое ясное сознание, пройдя через все испытания с наименьшим ущербом, не могли подтвердить мой рапорт с той точностью, какую требовало общественное мнение. Кое-кто вспомнил, что его привели в минимальное сознание и убедили поддержать решение пожертвовать частью пассажиров (большей частью, как потом оказалось), но эти воспоминания были смутными, а порой даже противоречивыми. В других обстоятельствах все можно было бы списать на постреанимационную амнезию, не запятнав мою репутацию. Но в этом случае все вышло иначе. Как мне удалось сохранить полное сознание, единственной из всех?

Думаете, я не пыталась оправдаться? Пыталась. Много раз за эти годы подробно рассказывала о случившемся, не утаивая ничего. Я обратилась к корабельным записям, отстаивая их достоверность. Это было нелегко, потому что на Фанде осталась семья Струмы. Со временем вести дошли и до нее. У меня наворачивались на глаза слезы при мысли о том, что этим людям

пришлось вынести из-за его предательства. По иронии судьбы они ни разу не усомнились в моем рассказе, хоть он и обжигал их сердца.

Но вспомните фандскую пословицу, которую я привела в самом начале: «Позор – это маска, которая становится лицом». Я также говорила и о последствиях: о том, что к этой маске можно привыкнуть настолько, что уже не осознаешь ее чужеродности, не испытываешь болезненных ощущений. Фактически она становится чем-то таким, за чем можно спрятаться, – щитом и утешением.

В конце концов мне стало очень комфортно жить с позором.

Правда, первое время эта маска меня раздражала. Я противилась тому новому, чуждому, что она внесла в мою жизнь. Но со временем убедилась, что смогу это вынести. Все слабее и слабее ощущала ее присутствие и однажды совсем перестала замечать. Может быть, изменилась она, а может, я. Или мы обе приспособились друг к другу.

Как бы то ни было, снять маску для меня теперь все равно что живьем содрать с себя кожу.

Я понимаю, вас удивляет, даже шокирует то, что, несмотря на ясность вашего сознания, на отчетливые воспоминания о том, как спрашивали ваше согласие, несмотря на то, что вы полностью подтверждаете мои слова, я все же не ухватила за этот шанс получить прощение. Но вы недооценивали меня, если думали иначе.

Посмотрите на этот город.

Башня за башней, словно пыльные столбы в области звездообразования, опускающиеся в ночной туман, мерцающие миллиардами огней, миллиардами замешанных в этом деле жизней.

Суть в том, что они этого не заслуживают. Они взвалили все на меня. Тогда, много лет назад, я сказала чистую правду и мои слова отодвинули нас от грани, за которой началась бы вторая война с сочленителями. Те немногие, от кого что-то зависело, те, кто принимал решения, поверили мне сразу и полностью. Но многие другие не поверили. И вот скажите: разве обязана я снять камень с их души, добившись своего оправдания?

Пусть они засыпают с сознанием своей вины, пока я не умру.

Я слышу ваше недоверие. И даже понимаю его. Вы взяли на себя труд прийти ко мне с благородными, бескорыстными намерениями, в надежде облегчить мои последние годы и изменить общественное мнение обо мне. Это добрый поступок, и я вам благодарна.

Однако у нас на Фанде бытовала и другая пословица. Думаю, вам она хорошо известна.

Запоздавший подарок хуже, чем совсем никакого.

А теперь не могли бы вы оставить меня одну?

Шпион на Европе⁷

Совсем недолго Мариус Варгович, агент фракции «Гильгамеш – Исида», наслаждался свободным падением, а затем включились двигатели и отбросили флиттер от «Девкалиона». Пилот направил его к видневшемуся внизу спутнику Юпитера, обгоняя малоразмерные суда, которые марсианский лайнер изверг из своей утробы. Европа заметно увеличилась в размере – сплюснутый серп цвета пропитанных никотином обоев.

– Скукота, правда?

Варгович лениво повернулся в кресле:

– А ты бы хотел, чтобы нас обстреляли?

– Я бы хотел, чтобы хоть что-то происходило.

– Значит, ты дурак, – заключил Варгович, сложив пальцы домиком. – Под этим льдом хватит оружия, чтобы подарить Юпитеру второе красное пятно. Страшно даже подумать, что сделали бы с нами.

– Я просто решил поболтать с тобой, приятель.

– Не стоило беспокоиться. Это развлечение переоценивали даже в лучшие времена.

– Ну, хорошо, Мариус. Я принял сообщение, то есть перехватил его, отфильтровал, расшифровал с помощью подходящего одноразового блокнота и написал отчет по нему на двести с хреном страниц. Теперь ты доволен?

– Я никогда не бываю доволен, Мишенька. Это не в моих привычках.

Но в чем-то Мишенька был прав: Европа казалась зашифрованным документом, чья сложность скрыта под поверхностью потрескавшегося и снова схватившегося льда. Борозды на ней напоминали капилляры остекленевшего глазного яблока, нечеткие, как грубая запись видеонаблюдения. Но как только флиттер вошел в воздушное пространство Демархии, диспетчер сразу же включил его в общий транспортный поток и направил в посадочный коридор. Через три дня Мишенька вернется, но с отключенной электроникой, так что не пройдет и десяти минут, как он поцелуется со льдом.

– Еще не поздно все отменить, – сказал Мишенька спустя долгое время.

– У тебя совсем мозгов не осталось?

Младший напарник изобразил ледяную усмешку секретного агента.

– Всем известно, как Демархия поступает со шпионами, Мариус.

– Это личная обида или ты просто псих?

– Звание психа оставь себе, Мариус. Тебе оно больше подходит.

Варгович кивнул. Это были первые разумные слова Мишеньки за весь день.

Они приземлились часом позже. Варгович настроил голографическую прошивку своего марсианского делового костюма на проецирование красной песчаной бури, поднял воротник по последнему пisku марсианской моды, подмеченному у других пассажиров лайнера. Затем взял сумку – ничего запрещенного, ни гаджетов, ни оружия, – и вышел через шлюз флиттер. Скользящая дорожка понесла его вперед, массируя подошвы туфель. Это была цельная лента, искусственно выращенная из кожи осьминога, пульсирующая под периодическим воздействием вживленных в нее аксонов.

Чтобы попасть на Европу, нужно быть либо до противного богатым, либо так же до противного бедным. Варгович работал под первым из двух возможных прикрытий: эта ложь объясняла, почему он пользуется одноместным флиттером. Скользящая дорожка бежала все дальше, и к нему присоединялись другие прилетевшие, такие же бизнесмены и просто богатые бездельники. Большинство обходилось без голографии, проецируя энтоптику за пределы

⁷ Перевод С. Удалина.

личного пространства. Имплантаты, обхватывающие зрительные нервы Варговича, декодировали эту машинно-сгенерированную иллюзию. Образы колибри и серафимов пользовались особенно болезненной популярностью. Некоторых пассажиров сопровождали автономные ароматы, тонко меняющие настроение окружающих. Кучка шумных туристов, рогатых ублюдков из Юпитерианского кольца, находилась чуть ниже по социальной шкале. Дальше следовал резкий скачок – к убогим на вид беглецам от Маундера, вероятно подписавшим контракт с Демархией. Их быстро отделили от более зажиточных эмигрантов, которые оказались внутри огромного геодезического купола, покоящегося на замороженных в лед сваях. Вдоль стен купола сверкали огнями магазины дьюти-фри, бутики и бары. Пол имел форму чаши, скользящие дорожки и спиральные лестницы поднимались к расположенным в шахматном порядке цилиндрам из рифленого мрамора. Варгович заметил, как вновь прибывшие выстраиваются в очереди к лифтам, расположенным внутри цилиндров, и встал в одну из них.

– Первый раз в Кадм-Астерии? – спросил стоявший впереди него бородастый мужчина в сливовом пиджаке, на поверхность которого иридофоры проецировали высказывания математической логики из «Машинной этики Транспросвещения» Сирикита.

– Первый раз на Европе на самом-то деле. И первый раз в Юпитерианском кольце, если хотите знать всю правду.

– С внутренних миров?

– С Марса.

Мужчина мрачно кивнул:

– Слышал, там сейчас несладко.

– И не говорите!

И это была правда. С тех пор как Солнце потускнело – второй минимум Маундера, повторяющий состояние Солнца в семнадцатом веке, – в Первой Системе полностью изменилось равновесие сил. Экономике внутренних миров трудно было приспособиться, сельское хозяйство и энергетика пришли в упадок, вызвавший социальные потрясения. А внешние планеты с самого начала не могли пользоваться такой роскошью, как солнечная энергия. Теперь Юпитерианское кольцо стало эталоном экономической мощи Первой Системы, а Сатурнианское кольцо пыталось от него не отстать. За господствующее положение в Юпитерианском кольце боролись две главные суперсилы – Демархия, владеющая Ио и Европой, и Гильгамеш – Исида, контролирующая Ганимед и часть Каллисто.

Мужчина с заинтересованным видом улыбнулся:

– Вы прилетели по какому-то важному делу?

– На лечение, – ответил Варгович, надеясь как можно скорей прекратить этот разговор. – Очень длительное хирургическое лечение.

Ему самому объяснили не так уж много в пещерах Ганимеда, где располагался отдел тайных операций службы безопасности Гильгамеш – Исиды.

– Ее зовут Чолок, – сказал инструктор после того, как Варгович просмотрел досье. – Мы завербовали ее десять лет назад, когда она жила на Фобосе.

– А теперь она в Демархии?

Инструктор кивнул:

– Случилась утечка мозгов, когда Маундер снова показал зубы. Самые умные сбежали сразу, как только смогли. Демархия – как и мы, разумеется, – отхватила себе лучших из них.

– А также одного из наших спящих агентов.

Варгович взглянул на портрет женщины, перечеркнутый помехами. Она невзрачной мышкой смотрела на него с экрана, с неизменным выражением глубочайшей серьезности на лице.

– Выше голову, – сказал инструктор. – Я прошу просто установить контакт, а не спать с ней.

– Да-да. Только расскажите, чем она занимается.

– Биотехнологии. – Инструктор качнул головой в сторону досье. – На Фобосе она возглавляла одну из групп, работавших над акватрансформацией – приспособлением человеческого организма к выполнению подводных операций.

Варгович сосредоточенно кивнул:

– Продолжайте.

– Фобос хотел продать ее ноу-хау марсианам еще до того, как их океаны замерзли. Разумеется, Демархия тоже высоко оценила ее таланты. Чолок перетасила всю свою команду в Кадм-Астерий, один из здешних висячих городов.

– Мм... – Варгович наконец-то уловил суть. – К тому времени мы ее уже завербовали.

– Правильно, – подтвердил инструктор. – Только не нашли для нее четкого применения.

– Тогда к чему весь этот разговор?

Инструктор улыбнулся. Он всегда улыбался, когда Варгович выходил из образа почтительного подчиненного.

– К тому, что спящий агент не желает залечь на дно.

Инструктор прикоснулся рукой к изображению Чолок и заставил ее заговорить. Это было перехваченное Гильгамешем видео, искромсанное монтажными склейками и резкими скачками кадра.

Казалось, будто Чолок передавала устное сообщение старому другу из Исиды. Она что-то быстро говорила, сидя в белом кабинете с неподвижными медицинскими сервиторами за спиной. На полках стояли колбы с препаратами, помеченные разноцветными кодами. Крестообразная кушетка с керамическими дренажными каналами напоминала стол для вскрытия.

– Чолок связалась с нами месяц назад, – сказал инструктор. – Это кабинет в ее клинике.

– Она пользуется третьим кодом фразового внедрения, – заметил Варгович, прислушиваясь к ее речевым оборотам и вылавливая смысл из обычного во всем остальном каназианского языка.

– Это последний код, которому мы ее обучили.

– Хорошо. И чего она добивается?

Инструктор тщательно подбирал слова, скользя взглядом по выжимкам из сообщения Чолок.

– Хочет нам что-то передать. Что-то очень ценное. Нужен толковый человек, чтобы тайно вывезти это.

– Лестью можно добиться чего угодно, инструктор.

Мелодия поднялась до точно выверенного крещендо в тот момент, когда лифт прошел через последний слой льда. Вид вокруг и снизу был буквально головокружительным, и Варгович изобразил на лице именно такое восхищение, какое соответствовало его марсианской легенде. Разумеется, он знал историю Демархии. Знал, что висячие города поначалу служили точками входа в океан – наполненные воздухом наблюдательные купола, соединенные с поверхностью узкими шахтами, которые погружались в километровую толщу ледяной коры. Когда ученые обследовали необычно гладкую кору, они заметили, что характер трещин на ней сходен с трещинами земного ледяного шельфа, а это подразумевает наличие водного океана. Европа находится дальше от Солнца, чем Земля, но жидкостную форму океана обеспечивает не солнечная энергия, а нечто иное. Вращение вокруг Юпитера создает перегрузки, изгибающие силикатное ядро спутника, и тектоническое тепло проникает в океан через гидротермальные жерла.

Спуск в город немного напоминал вхождение в амфитеатр, разве что без сцены, а скорее с бесчисленными рядами круто обрывающихся балконов. Они тянулись в заполненную светом бесконечность, а в семи или восьми километрах ниже конические очертания города сходились в одну точку. До противоположной стороны, уровни которой поднимались один над другим, подобно геологическим пластам, было не меньше полукилометра. Весь атриум от подножия до вершины пронизывала широкая прозрачная башня, сияющая дымчато-зеленым океаном и массой похожих на водоросли растений, которую выращивали пловцы-жабраки. Лампы искусственного солнечного света горели среди водорослей, словно рождественские гирлянды. Наверху башня разветвлялась, и ее пульсирующие трубы уходили в океан. Офисы, магазины, рестораны и жилые помещения громоздились друг на друга или нависали над прорвой изящных балконов, выходящих по глянцевитым стенам из объемного полимерного хитина, основного строительного материала в Демархии. Тонкие, как паутина, мостики арками выгибались над атриумом между рекламными панно, выступами и огромными прозрачными статуями, отличными из более мягкой разновидности того же самого хитинового полимера. Каждая свободная поверхность была покрыта неоновыми, голографическими или энтоптическими изображениями. Повсюду толпились люди, и у всех Варгович отмечал чуть рассеянное выражение лица, словно их мысли не были полностью сосредоточены на происходящем здесь и сейчас. Ничего удивительного: каждому гражданину внедрялся имплантат, постоянно выпрашивающий его мнение по тому или иному аспекту жизни Демархии. Говорят, что назойливое присутствие имплантата со временем начинает ускользать от сознания, так что участие в демократических процессах становилось почти автоматическим.

Это вызывало у Варговича не меньше отвращения, чем интереса.

– Очевидно, то, что хочет нам передать Чолок, – это не какая-нибудь песчинка, – с рассудительным спокойствием проговорил инструктор. – Иначе она все передала бы на ФВ-3.

Варгович подался вперед:

– Так она не сказала, что это такое?

– Сказала только, что это может поставить под угрозу висячие города.

– Вы ей доверяете?

Варгович почувствовал приближение одного из редких мгновений неосторожной откровенности инструктора.

– Может, она и спящий агент, но не совершенно бесполезный. Она помогала нам, когда провалился... Помнишь дело Манципла?

– Если это вы называете успехом, то, похоже, на сей раз проваляюсь я.

– Фактически это информация Чолок убедила нас в том, что вытаскивать Манципла нужно через океан, а не через переднюю дверь. Если бы служба безопасности Демархии взяла Манципла живым, она узнала бы, чем мы там занимались последние десять лет.

– А вместо этого Манципл получил гарпун в спину.

– Да, операция прошла не без сбоев, – пожал плечами инструктор. – Но не стоит думать, что Чолок этим разоблачила себя... Естественно, такие мысли приходили нам на ум. Но если бы Манципл действовал иначе, было бы еще хуже. – Инструктор сложил руки на груди. – Конечно же, он мог бы на это пойти, но в таком случае ты первый должен признать, что Чолок не грозит опасность.

– Пока не доказано обратное.

– Так ты это сделаешь? – просиял инструктор.

– Как будто у меня есть выбор.

– Выбор всегда есть, Варгович.

«Да, – подумал Варгович, – выбор есть всегда: или ты делаешь все, о чем бы ни попросил Гильгамеш, или тебя депрограммируют, киборгизируют и отправят добывать серу на склонах патеры Ра. Не самый лучший вариант».

– И еще одно...

– Да?

– Когда я заберу то, что есть у Чолок...

Чуть улыбнувшись, инструктор ответил шуткой, знакомой только узкому кругу и не требующей объяснений:

– Уверен, что достаточно будет обычных процедур.

Лифт затормозил у паспортного контроля.

Охранники-демархисты стояли с оружием наперевес, но не проявили к Варговичу никакого интереса. Историю о том, что он прилетел с Марса, проглотили не поморщившись и подвергли его только обычному набору процедур: просканировали нейронные и генетические образцы на наличие патологий и омыли тело в восьми видах диковинных излучений. Последняя формальность заключалась в том, чтобы выпить глоток шоколада. Напиток содержал миллиарды микроскопических медицинских машин, которые проникли в его внутренности, разыскивая спрятанные наркотики, оружие и запрещенные биомодификации. Варгович знал, что ничего незаконного у него не найдут, но все-таки вздохнул с облегчением, когда машины достигли его мочевого пузыря и запросились обратно в Демархию.

Весь осмотр не занял и шести минут. Пройдя его, Варгович отправился по движущейся дорожке к зоопарку, а там долго пробивался сквозь толпы школьников к аквариуму, возле которого должен был встретиться с Чолок. Экспозиция посвящалась животному и растительному миру Европы, большая часть которого зависела от экологической ниши, образовавшейся близ гидротермальных жерл и старательно здесь воспроизведенной. Смотреть было почти не на что, поскольку в массе своей европейские хищники выглядели столь же свирепы, как, например, вешалка для шляп или абазур. Самые распространенные среди них, так называемые жерловики, были крупными существами с примитивным строением, чей метаболизм основывался на симбиозе. Эти мягкие воронкообразные мешки передвигались на трех оранжевых ходулях с такой медлительностью, что Варгович едва не начал клевать носом к тому моменту, когда появилась Чолок.

Она была в оливково-зеленом жакете и узких изумрудных брюках, энтоптически проецирующих изображения медицинской тематики. Крепко сжатые губы подчеркивали строгость, которую Варгович отметил еще по перехваченному сообщению.

Они расцеловались.

– Рада видеть тебя, Мариус. Прошло... сколько?

– Примерно девять лет.

– И как там Фобос?

Он растянул губы в улыбке:

– По-прежнему обращается вокруг Марса. Все тот же гадюшник.

– А ты совсем не изменился.

– Ты тоже.

Не зная, что еще сказать, Варгович вдруг понял, что снова смотрит на информационное табло экспозиции жерловики. Почти машинально он прочитал, что подвижные в молодом возрасте жерловики со временем переходят к сидячему образу жизни, их ходули затвердевают из-за отложений серы и укореняются в грунт. Когда они умирают, их мягкие тела растворяются в океане и только треножки остаются торчать жуткими скоплениями оранжевых колючек вокруг активных гидротермальных источников.

– Волнуешься, Мариус?

– В твоих руках? Это вряд ли.

– Вот и молодец!

Они купили себе по чашке мокко у ближайшего сервитора, затем вернулись к экспозиции жерловок, изображая непринужденную беседу. В ходе подготовки Чолок обучили третьему коду фразового внедрения. Он позволял вставлять дополнительную информацию в разговор с помощью тщательно продуманного порядка слов, пауз и грамматических конструкций.

– Что у вас есть? – спросил Варгович.

– Образец, – ответила Чолок одной из простых, заранее заготовленных фраз, не требующих тщательно разработанной передачи. Но следующая реплика заняла почти пять минут, отягощенных сумбурными воспоминаниями о проведенных на Фобосе годах: – Маленький осколок гипералмаза.

Варгович кивнул. Он знал, что такое гипералмаз: трубчатый фуллерен сложной геометрической формы, по своей структуре похожий на целлюлозу или объемный хитин, но в тысячи раз крепче. Его прочность обеспечивал какой-то пьезоэлектрический фокус, которым Гильгамеш не владел.

– Интересно, – сказал Варгович. – Но, к сожалению, недостаточно интересно.

Она заказала еще чашку мокко, осушила ее залпом и продолжила:

– Включите воображение. Только Демархия знает, как его синтезировать.

– К тому же его нельзя применить как оружие.

– Это зависит от обстоятельств. Есть применение, о котором вы обязаны знать.

– Какое?

– Он удерживает этот город на плаву – и я говорю не об экономическом благосостоянии. Вы слышали о Бакминстере Фуллере? Он жил приблизительно четыреста лет назад и верил, что полную демократию можно установить технологическим путем.

– Глупец.

– Может быть. Но, кроме того, Фуллер изобрел геодезическую сферу, определяющую структуру бакибола – замкнутого аллотропа трубчатого фуллерена. Город в двойном долгу перед ним.

– Давайте обойдемся без лекций. Так при чем здесь гипералмаз?

– Плавающие пузыри, – объяснила она, – вокруг всего города. Диаметр в сто метров каждый, с вакуумом внутри. Одна молекула стометрового диаметра, поскольку каждая такая сфера состоит из одной бесконечной нити трубчатого фуллерена. Вдумайтесь, Мариус: молекула, способная вместить целый корабль.

Пока Варгович переваривал информацию, часть его сознания продолжала читать описание жерловок. По своей биохимии они похожи на рифтий – лишенных кишечника червей, обитающих вблизи земных гидротермальных источников. Жерловики впитывали сероводород через свои воронки и с помощью модифицированной формы гемоглобина пропускали его сквозь насыщенный бактериями орган в нижней части мешка. Бактерии расщепляли и окисляли сероводород, образуя молекулы, сходные с глюкозой. Этот аналог глюкозы служил пищей жерловикам, поддерживая их жизнь и позволяя медленно перемещаться к другому краю жерла или даже переплывать к соседнему, пока взрослая особь окончательно не укоренится в грунт. Варгович прочитал все это, потом кое-что вспомнил и перечитал снова. Он вспомнил загадочное сообщение, перехваченное несколькими месяцами раньше и переданное ему после дешифровки, – что-то о планах Демархии приспособить биохимию жерловок для более крупных животных. Какое-то мгновение он боролся с искушением спросить Чолок об этом напрямик, но решил придержать вопрос до подходящего времени.

– Хотите поделиться со мной еще какой-нибудь пропагандой?

– Вокруг города двести таких сфер. Они раздуваются и сдуваются, словно воздушные пузыри, поддерживая равновесие. Я не знаю точно, как там все происходит, кроме того, что это как-то связано с изменением пьезоэлектрических потоков в трубках.

– Я все еще не понимаю, как это может пригодиться Гильгамешу.

– Подумайте хорошенько. Если вы доставите этот образец на Ганимед, там найдут способ его разрушения. Нужен только молекулярный реагент, способный расширить промежутки между фуллереновыми нитями, чтобы молекулы воды проникли внутрь, или что-нибудь еще, способное задержать пьезоэлектрический импульс.

Варгович рассеянно наблюдал, как напоминающий кальмара хищник отхватил у жерловика часть мешка. Кровь кальмаров была насыщена двумя формами гемоглобина: одна содержала кислород, а другая была приспособлена под сероводород. Кальмары поддерживали кровообращение с помощью гликопротеинов и меняли метаболизм, переходя из богатой кислородом воды в богатую сероводородом.

Варгович переключил внимание на Чолок:

– Не могу поверить, что проделал весь этот путь ради... чего? Кусочка углерода? – Он покачал головой, возвращаясь к главной теме разговора. – Как вы это раздобыли?

– Несчастный случай с одним из жабраков.

– Продолжайте.

– Рядом с пузырем произошел взрыв. Мне поручили оперировать этого жабрака. Пришлось удалить множество осколков, так что не составило особого труда сохранить два-три для себя.

– Предусмотрительно с вашей стороны.

– Куда трудней было убедить Гильгамеш прислать вас сюда. Особенно после Манципла...

– Он не стоил того, чтобы терять из-за него сон, – сказал Варгович. – Просто жирный болван, не умевший быстро плавать.

Операция состоялась на следующий день. Варгович очнулся с такой сухостью во рту, словно там всю жарил печка.

Он чувствовал себя... странно. Его предупреждали об этом. Он даже опрашивал тех, кого подвергали подобной процедуре в экспериментальных лабораториях Гильгамеша. Они рассказали про это ощущение хрупкости, как будто твоя голова плохо прикреплена к туловищу. Периодические приливы холода к области шеи только усиливали эффект.

– Вам можно говорить, – сказала Чолок, склонившись над ним в белой хирургической одежде. – Но из-за модификаций в сердечно-сосудистой системе и большого количества доработок в области гортани голос будет звучать немного непривычно. Некоторые жабраки чувствуют себя уверенно только в разговоре с себе подобными.

Варгович поднес к глазам руку, чтобы рассмотреть прозрачные перепонки между пальцами. На бледной коже ладони виднелось темное пятно: Чолок внедрила туда образец. В другой руке был спрятан такой же.

– Все получилось, да? – Голос его звучал пискляво. – Теперь я могу дышать водой?

– И воздухом тоже, – прибавила Чолок. – Хотя то, что покажется вам сейчас тяжелыми упражнениями, в воде будет выглядеть совершенно естественно.

– Я могу двигаться?

– Да, конечно. Попробуйте встать. Вы крепче, чем вам кажется.

Он последовал совету, воспользовавшись моментом, чтобы осмотреть обстановку. Его макушку сжимал нейронный монитор. Варгович стоял голый в ярко освещенном реанимационном кабинете, стеклянная стена открывала вид на океан снаружи. Именно отсюда Чолок в первый раз связывалась с Гильгамешем.

– Здесь безопасно?

– Безопасно? – переспросила она, словно это слово было непристойным. – Да, наверное.

– Тогда расскажите об адаптах.

– О ком?

– Это кодовое название, которым пользуется Демархия. Недавно криптоаналитики перехватили сообщение – что-то насчет экспериментов по радикальной трансформации. Я вспомнил о нем там, возле аквариума. – Варгович коснулся пальцами жабр на шее. – Что-то, позволяющее сделать такую операцию похожей на обычную косметическую. Мы слышали, Демархия приспособила основанный на сере метаболизм жерловиков для нужд человека.

Чолок присвистнула:

– Вот это был бы хитрый фокус!

– Но не бесполезный... особенно если нужна рабочая сила, способная переносить бескислородную среду в районе гидротермальных источников, где у Демархии есть определенные минералогические интересы.

– Может быть. – Чолок помолчала немного. – Необходимые для этого изменения выходят за пределы хирургии. Это лучше описывать на уровне личностного развития. Но даже тогда... Возможно, тому, кто получится в итоге, не обязательно будет оставаться человеком. – Она как будто вздрогнула, хотя холодно было скорее Варговичу, все еще стоявшему голым возле реанимационного стола. – Если что-то и происходило, – закончила Чолок, – то я об этом не слышала. Больше мне нечего сказать.

– Я просто решил, что должен спросить.

– Хорошо. – Она взмахнула белым сканером. – Могу я теперь провести еще несколько тестов? Нам нужно продолжать процедуры.

Чолок была права. Варговичу сделали настоящую операцию, а это всегда чревато осложнениями, которые необходимо вовремя выявлять и отслеживать, и поэтому любые отклонения от обычного восстановительного процесса были нежелательны.

Приблизительно час спустя Варгович наконец-то осознал всю странность своей трансформации. До этого он относился к происходящему с беспечным равнодушием, и только увидев себя в большом ростовом зеркале в углу кабинета, осознал, что пути назад нет.

И даже если он есть, то легким не будет. Врачи Гильгамеша обещали ему, что справятся с работой, но он не очень-то верил. Демархия опережала Ганимед в развитии биологии, и тем не менее сама Чолок назвала обратный процесс хитрым фокусом. Но как бы там ни было, он добровольно пошел на эту миссию – оплата выглядела весьма заманчивой, а перспектива попасть на серные разработки привлекала намного меньше.

Большую часть дня Чолок провела с Варговичем, отвлекаясь лишь на переговоры с другими пациентами или совещания со своей командой. В основном они занимались дыхательными упражнениями: длительное пребывание под водой гасило реакцию мозга на утопление. Это было неприятно, но в ходе обучения Варговичу приходилось делать и кое-что похуже. Теперь его учили плавать с полным погружением, используя легкие для регулирования плавучести и сохраняя открытыми те органы, которые Чолок называла жаберными крышками. Так он обеспечивал здоровое развитие колонии комменсальных бактерий, оседавших в щелях и пробиравшихся сквозь тонкие вторичные клапаны его жаберных складок. Из брошюры Варгович уяснил, что Чолок хирургически преобразовала его анатомию, объединив биохимические процессы баррамунды и клариевого сома, то есть сделав его чем-то промежуточным между человеком и воздуходышащей рыбой. Рыба вдыхает воду ртом и возвращает в море через жабры; новый орган на шее Варговича выполнял функцию рыбьего рта. Серповидные прорези настоящих жабр располагались в грудной полости под ребрами.

– При ваших габаритах, – объяснила Чолок, – эти жабры никогда не дадут вам такого эффективного дыхания, какое могло бы быть, если бы вы отважились на более радикальные изменения.

– Как у адаптов?

– Я же сказала, что ничего об этом не знаю.

– Не беда.

Он поработал жаберными клапанами, с легким отвращением наблюдая за тем, как они сжимаются при вздохе.

– Мы закончили?

– Остался последний анализ крови, чтобы убедиться, что все работает как нужно. А потом вы можете поплавать вместе с рыбами.

Когда Чолок наклонилась над одним из своих приборов, окруженным неестественно ярким энтоптическим изображением его глотки, Варгович спросил:

– У вас найдется оружие?

Рассеянно кивнув, Чолок выдвинула ящик стола и достала ручной медицинский лазер.

– Не бог весть что. Я повредила ограничитель мощности, но если прицелиться в глаз, то можно нанести значительный ущерб.

Варгович взвесил лазер в руке, изучил кнопки управления на фигурной рукоятке. Затем схватил Чолок за шею, развернул к себе, осветив ее лицо фиолетово-синим лучом. Раздались два хлопка, и ее глазные яблоки превратились в пар.

– Ну как, понравилось?

Остальное доделали обычные скальпели.

Он смыл с себя кровь, оделся, вышел из медицинского центра и добрался до того места, где Кадм-Астерий сужался в одну точку. Хотя жабраки свободно бродили по городу – многие из них были добровольцами и пользовались всеми правами гражданина Демархии, – Варгович не хотел долго маячить на виду. Через несколько минут он оказался в безопасном лабиринте служебных коллагеновых тоннелей, посещаемых только техниками, сервиторами и жабраками. Покойная Чолок была права: дышать стало сложнее, воздух казался слишком разреженным.

– Предупреждение службы безопасности Демархии, – донесся из-за стены монотонный машинный голос. – В медицинском центре произошло убийство. Подозреваемый в убийстве рабочий-жабрак может быть вооружен. Будьте осторожны, не подходите близко.

Чолок уже нашли. Рискованно было убивать ее. Но Гильгамеш предпочитал сжигать мосты, чтобы исключить предательство со стороны спящих агентов, переставших быть полезными. «В будущем лучше использовать яд, – подумал Варгович, – а не убивать грубо». И сделал мысленную пометку, чтобы упомянуть об этом в отчете.

Он вошел в последний тоннель перед воздушным шлюзом, который и был его целью. В дальнем конце перед смотровым люком сидел на ящике с инструментами техник и прислушивался через стетоскоп к происходящему за стеной. На мгновение Варгович задумался, но решил пройти мимо, надеясь на то, что техник целиком поглощен работой. Босые перепончатые ноги шумели куда меньше, чем ботинки, которые Варгович только что снял.

Вдруг техник кивнул своим мыслям, отложил стетоскоп и захлопнул люк. Потом поднял ящик и встретился взглядом с Варговичем.

– Тебе нельзя здесь находиться, – сказал он и продолжил сочувственно: – Может, тебе нужна помощь? Ты ведь недавно перенес операцию? Я всегда узнаю новеньких по небольшому покраснению вокруг жабр.

Варгович натянул воротник повыше, но тут же пожалел об этом. Дышать стало трудней.

– Стой, где стоишь. Опусть ящик и замри.

– Боже, ты тот самый, о ком предупреждали?!

Варгович поднял лазер. Слепленный техник уткнулся в стену и с жалобным стоном выронил ящик. Варгович приблизился и всадил в техника скальпель. Не самая чистая работа, но это уже вряд ли имеет значение.

Варгович не сомневался, что Демархия скоро перекроет выход в океан – уж точно поспешит, когда станет известно о втором убийстве. Но пока что можно попасть в шлюз беспрепятственно. Он вошел в заполненную воздухом камеру; легкие горели, требуя воды. Она хлынула в помещение под высоким давлением, и Варгович быстро переключился на водное дыхание, чувствуя, как проясняются мысли. Вторая дверь с лязгом открылась в океан. Варгович находился в нескольких километрах ниже слоя льда. Вода была ледяной, а давление сокрушающим, но он чувствовал себя прекрасно, воспринимая и то и другое лишь как абстрактные характеристики окружающей среды. Кровь насытилась гликопротеином, чьи молекулы опускали ее точку замерзания ниже температуры образования льда.

Покойная Чолок хорошо выполнила свою работу.

Варгович уже собирался покинуть город, когда в дверь всплыла еще одна жабрачка, возвращавшаяся со смены. Он убил ее с профессиональной точностью и получил в наследство гидрокостюм с термопрошивкой для работы в самой холодной части океана. Изготовлен костюм был из кожи осьминога. Облачившись в него, Варгович обнаружил в ткани отверстия для жабр. Жертва носила очки, которые работали в инфракрасном диапазоне и одновременно служили гидролокатором. Кроме того, при ней был портативный гидробуксировщик. Он напоминал еще бьющееся сердце какого-нибудь препарированного животного, сквозь прозрачные ткани просвечивали темные вены и нервные узлы. Однако пользоваться им оказалось проще простого. Варгович установил насос на максимальную мощность, включил и двинулся прочь от нижнего уровня Кадм-Астерия. Даже в сравнительно чистой воде Европейского океана видимость была очень слабой, и он не различал бы вообще ничего, если бы все уровни города не освещались с такой щедростью. Но и при всем при том Варгович видел не дальше чем на полкилометра вверх: выше сооружения Кадм-Астерия скрывалась в золотистом тумане, а дальше сгущалась темнота. Симметрию города нарушали всевозможные выступы и пристройки, но все же его коническая форма четко просматривалась, а в самом узком месте располагался воздухозаборник, уходящий в океан. Конус окружала дымка плавучих пузырей, черных, как икра. Если Чолок была права, коллеги Варговича найдут способ сделать их водонепроницаемыми. Когда в переплетении нитей фуллера появятся щели, этого будет достаточно, чтобы нарушить плавучесть сфер. Необходимый реагент можно доставить в океан ракетами, которые пробьют ледяную кору. Спустя какое-то время – точные цифры Варговича мало интересовали – города Демархии начнут стонать под собственной тяжестью. Если оружие подействует быстро, демархистам может просто не хватить времени на контрмеры. Города будут все больше удаляться ото льда, опускаясь в многокилометровую толщу океана.

Варгович продолжал плыть.

Рядом с Кадм-Астерием ему навстречу поднимались скалистые внутренности Европы. Он проплыл еще три-четыре километра к северу, сравнивая ландшафт, который освещали установленные демархистскими рабочими служебные фонари, с картой в своей голове. В конце концов отыскал место, где на поверхность выходила силикатная скала. Под нависающей вершиной располагалась узкая полка, на которой лежало с дюжину небольших валунов. Один из них был красней прочих. Варгович причалил к полке и поднял красный камень. Тепло его пальцев привело в действие скрытую внутри биосхему. Появившийся на камне экран заполнило лицо Мишеньки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.